Н. Н. ГЛУБОКОВСКІЙ,
профессоръ Императорской Петроградской Духовной Академіи.

О ВТОРОМЪ ПОСЛАНІИ

СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ѲЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.
1915.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе», 1915 г.

О второмъ посланіи св. Апостола Павла къ Θессалоникійцамъ.

По поводу сочиненія профессора Императорской Московской Духовной Академіи священника *Вл. Н. Страхова*: Второе посланіе св. ап. Павла къ Θессалоникійцамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе. Сергіевъ Посадъ 1911. Стр. VII + 394 + II.

I.

О трудности и важности работы.—Исагогическія свѣдѣнія, спеціально—о „письмѣ Павловомъ“ (II, 2) у Θессалоникійцевъ и о взаимоотношеніяхъ 1 и 2 Θесс. хронологически и филологически.

НАСТОЯЩЕЕ сочиненіе представляетъ собою «исагогико-экзегетическое изслѣдованіе», исполненное согласно требованіямъ наилучшей научной экзегетики. Профессоръ о. Вл. Н. Страховъ проникнутъ серьезнымъ сознаніемъ важности взятой задачи и въ этомъ отношеніи даже преувеличиваетъ дѣло. По его словамъ, 2 Θесс. «относится къ труднымъ предметамъ» изученія (стр. VII), ибо подвергается «большому сомнѣнію» въ своей подлинности, а пониманіе его «наиболѣе затруднительно вслѣдствіе темноты содержанія» эсхатологическихъ созерцаній (стр. V). Въ обоихъ этихъ пунктахъ допускается излишняя утрировка. Самъ авторъ потомъ констатируетъ, что «число защитниковъ подлинности 2-го Θесс. годъ отъ году увеличивается» (стр. 101), другіе же прямо говорятъ о рѣшительномъ преобладаніи подобныхъ тенденцій повсюду (Prof. *James Everett Frame*, A Critical and Exegetical Commentary on the Epistles of St. Paul to the Thessalonians, Edinburgh 1912, p. 42), въ частности въ Гер-

маніи и въ Америкѣ (Prof. *George Milligan*, St. Paul's Epistles to the Thessalonians, London 1908, p. LXXVIII), хотя бы и немного меньше, чѣмъ въ пользу 1 Θесс. (p. LXXII, LXXVI), при чемъ внѣшнія свидѣтельства въ его пользу (нѣсколько) выше, чѣмъ за 1 Θесс. (*J. Ev. Frame*, p. 39; *J. A. M'Clymont*, New Testament Criticism, its History and Results, London 1914, p. 237). Проф. Adolf Harnack категорически заявляетъ, что—само по себѣ—2 Θесс. производитъ впечатлѣніе подлинности (Das Problem des zweiten Thessalonicherbriefs въ «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», Jahrgang 1910, erster Halbband, Berlin 1910, S. 575), для которой вовсе не смертельны великія психологическія и литературно-историческія трудности (S. 561). Что до эсхатологіи II-й главы, то и компетентнѣйшій изъ новѣйшихъ критиковъ (*Ad. Harnack* ibid., S. 574)—† Prof. D. W. Wrede не придавалъ ей въ данномъ отношеніи особенной важности (Prof. *J. Ev. Frame*, p. 41), поскольку—вопреки прежнимъ предубѣжденіямъ противъ этого «Апокалипсиса Павлова» (см. у Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, Edinburgh 1903, p. 38, 1; 40—41)—здѣсь усматриваютъ весьма сильный аргументъ въ защиту 2 Θесс. (*Ad. Harnack*, l. cit., S. 260). И самъ о. Вл. Н. Страховъ справедливо утверждаетъ (стр. 98), что «новѣйшая критика, именно благодаря апокалиптическому характеру 2-го Θесс., все болѣе и болѣе склоняется къ признанію подлинности этого посланія». Отсюда очевидно, что этотъ элементъ достаточно ясенъ и понятенъ для науки, а ничуть не служитъ для нея непостижимою загадкой, если по своему содержанію примѣняется для вполнѣ опредѣленныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ авторъ напрасно возвышаетъ существующія препятствія, но и это помогаетъ успѣху работу, потому что возбуждаетъ особенную напряженность и неослабную тщательность въ научныхъ изысканіяхъ. Послѣднія сосредоточиваются: а) на исагогико-экзегетическихъ проблеммахъ и ведутъ къ выясненію историческаго положенія 2 Θесс. и къ истолкованію его б) съ текстуально-филологической и в) библейско-богословской сторонъ. Вездѣ здѣсь несомнѣнны серьезныя усилія къ глубинѣ, всесторонности и основательности освѣщенія, хотя и не всегда они увѣнчиваются равными успѣхами, которые — въ общемъ—удовлетворительны и достаточно цѣнны. Разсмотримъ эти части съ указанныхъ точекъ зрѣнія.

Въ исагогическомъ отдѣлѣ о 2 Θесс. много и подробно трактуется о его «ситуаціи», каковой терминъ употребляется съ удручающимъ пристрастіемъ (стр. V, 25, 31 сл., 86, 90, 91, 104, 110, 114, 127, 128, 131, 227, 277, 356, 362). Авторъ обстоятельно обсуждаетъ и освѣщаетъ всѣ главные и частные вопросы, избѣгая неумѣстныхъ излишествъ, столь обычныхъ въ подобнаго рода трудахъ, между тѣмъ все это справедливо осуждается, потому что нимало не способствуетъ экзегетическому успѣху, а служитъ чуждымъ, антикваріатскимъ интересамъ († Prof. *Benjamin Jowett*, The Epistles of St. Paul to the Thessalonians, Galatians and Romans I: Text and Notes, London ³1894, p. 18). Матеріалъ дается вполнѣ достаточный для ближайшихъ цѣлей, но берется онъ изъ вторыхъ рукъ, почему не всѣ свѣдѣнія отличаются отчетливостію, опредѣленностію и обоснованностію. Такъ, мы читаемъ, что «Силуана Дѣписатель постоянно называетъ сокращеннымъ именемъ—Сила» (стр. 1), а почти сейчасъ же говорится, что второе—«не сокращенное римское имя Силуанъ, но настоящее римское имя» (стр. 2). Не совсѣмъ точно обозначается онъ и «знаменитымъ предстоятелемъ іерусалимской церкви» (стр. 1—2), поскольку—въ строгомъ смыслѣ—это достоинство имѣлъ лишь св. Іаковъ, братъ Господень. Въ книгѣ Дѣяній (XVI, 8) совсѣмъ не упоминается, что во второе свое путешествіе Апостолъ Павелъ изъ Троады «намѣренъ былъ отправиться въ глубь Азіи» (—если только это не Асія, провинція—), а еще менѣе вѣроятно, что таковою была Виѳинія (стр. 4), оставленная раньше (XVI, 7). Напрасно употребляются названія городовъ Амфипо*лисъ* (стр. 5, 6) и *Б*ерія (стр. 5,₁, 6, 7,₁, 16, 17, 18, 19,₁.₂, 20, 22, 52). Удивительно, что Аристархъ считается за римское имя (стр. 13 прим.), а вмѣсто извѣстнаго всѣмъ Тер*тія* Рим. XVI 22 мы слышимъ уже о «Терц*іи*» (стр. 2, ₂); одинъ и тотъ же человѣкъ пишется то Іасономъ (стр. 14), то Ясономъ (стр. 52). О Θессалоникѣ встрѣчаемъ темное извѣстіе, что она была «заселена кромѣ мѣстныхъ еще и окрестными жителями» (стр. 6). По устарѣлымъ даннымъ сообщается, что въ ней «насчитывается до 100.000 жителей, въ томъ числѣ до 60.000 іудеевъ» (стр. 7), тогда какъ въ 1903 г. количество первыхъ опредѣлялось (у *G. F. Abbott*, The Tale of a Tour in Macedonia) въ 150.000, а вторыхъ—въ 90.000 при 30 синагогахъ, столькихъ же мечетяхъ и 12 христіанскихъ церквахъ. Недостаточно проведено, что Θессало-

ника—однако—всегда была «центромъ эллинскаго вліянія и цивилизаціи» (*G. Milligan*, p. XXV, XXIII) и имѣла не политарха (стр. 21), а политарховъ (но ср. стр. 7 согласно Prof. *Ernest DeWitt Burton*, The Politarchs in Macedonia and elsewhere въ «The American Journal of Theology» 1898, II, p. 598—632 и отдѣльно). Изъ подражанія G. Bornemann'y, невѣрно говорится о «культѣ Кабира Самофракійскаго» (стр. 8) вмѣсто подлинно существовавшаго Самоѳракійскаго культа Кавировъ [1]) и уже совсѣмъ странно, что сочиненіе Лукіана (Самосатскаго) Λούκιος ἢ Ὄνος (ср. у Prof. *Wilhelm Christ*, Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians, München [3]1898, S. 746—747) цитуется подъ страннымъ и невозможнымъ заглавіемъ «sive asinus» (стр. 8), хотя замѣчанія по сему поводу (противъ проф. прот. *Ѳ. И. Титова*, Первое посланіе св. Апостола Павла къ Ѳессалоникійцамъ: опытъ исагогико-критико-экзегетическаго изслѣдованія, Кіевъ 1893, стр. 24) вполнѣ резонны.

Нѣсколько больше недоумѣній вызываютъ свѣдѣнія о «Ѳессалоникійской общинѣ» на основаніи Дѣян. XVII, 4, гдѣ чтеніе колеблется между τῶν τε σεβομένων Ἑλλήνων (TWH Nestle Souter v. Soden) и τῶν τε σεβομένων καὶ Ἑλλήνων (L). Этому разногласію авторъ посвящаетъ большое спеціальное примѣчаніе (стр. 12—14) и, отвергая вторую редакцію (Prof. *W. M. Ramsay*, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, London 1896, p. 226—227; *Jos. Knabenbauer*, Commentarii in S. Pauli Epistolas ad Thessalonicenses, ad Timotheum, ad Titum et ad Philemonem въ Cursus Scripturae Sacrae, Parisiis 1913, p. 1), принимаетъ первый варіантъ, ибо, будучи необычнымъ, онъ засвидѣтельствованъ гораздо лучше (ср. Prof. *Arthur Cushman McGiffert*, A History of Christianity in the Apostolic Age, New York 1897, p. 247). Тѣмъ не менѣе о. Вл. Н. Страховъ усматриваетъ въ немъ серьезныя трудности, будто это сочетаніе содержитъ тавтологію и вноситъ несогласіе со свидѣ-

[1]) По этому предмету авторъ могъ бы почерпнуть точныя данныя и въ диссертаціи проф. *Н. И. Новосадскаго* „Культъ кавировъ въ древней Греціи“ (Варшава 1891), что колыбелью его была Самоѳракія (стр. 42), гдѣ были Самоѳракійскіе кавиры (и именно три: 2 мужскіе и 1 женскій, хотя первоначально, можетъ быть, въ формѣ мужской діады), почитавшіеся въ качествѣ божествъ свѣта въ достоинствѣ боговъ-спасителей (стр. 45 сл.); въ Македоніи, куда этотъ культъ проникъ не раньше IV в. до р. Хр., центромъ его была именно Ѳессалоника—Солунь (стр. 142).

тельствами 1 Θесс. о языческомъ составѣ Θессалоникійской церкви. Всѣ эти рѣчи весьма непонятны, являясь не совсѣмъ вразумительнымъ буквалистическимъ воспроизведеніемъ трактаціи Rev. E. H. Askwith'a (An Introduction to the Thessalonian Epistes, London 1902, p. 11—12), котораго, однако же, авторъ пробуетъ критиковать. Не сказано прямо, въ чемъ собственно заключается тавтологія, но получается она потому, что σεβόμενοι суть «прозелиты вратъ», обратившіеся къ Торѣ изъ язычества, а Ἕλλην лишено здѣсь національстическаго значенія и даетъ разумѣть язычника. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно было излишнимъ прибавлять, что іудейскіе прозелиты изъ язычниковъ были язычники (ср. † *Rud. Cornely* S. J., Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros, Parisiis 1886, p. 399, 2: «expressio ὁ σεβόμενος Ἕλλην nusquam occurrit nec apud Lucam occurrere potest, cui Ἕλλην non est nomen nationis sed nomen religionis, atque proin ὁ σεβόμενος Ἕλλην „ethnicus verum Deum colens“ est contradictio in adjecto»). Соглашаемся, что у Дѣписателя Ἕλληνες почти тожественно съ τὰ ἔθνη (Prof. *Ad. Harnack*, Die Apostelgeschichte, Leipzig 1908, S. 55—56);— только не слѣдуетъ забывать, что въ Θессаликѣ язычество объединялось съ эллинизмомъ и даже покрывалось имъ, почему этнографическій моментъ обязательно мыслился въ терминѣ Ἕλλην. Впрочемъ, главное въ томъ, что σεβόμενοι вовсе не тожественны «прозелитамъ»—даже не въ томъ техническомъ позднѣйшемъ употребленіи, какое несоотвѣтственно принимаетъ авторъ (порусски см. о семъ у проф. *Вл. П. Рыбинскаго*, Религіозное вліяніе іудеевъ на языческій міръ въ концѣ ветхозавѣтной и въ началѣ новозавѣтной исторіи и прозелиты іудейства, Кіевъ 1898, стр. 56), допуская несуществовавшихъ «прозелитовъ *Торы*» [1])... Эти классы не сливались между собою фактически, и

[1]) Ужъ не произведены ли они авторомъ изъ нѣмецкихъ die Proselyten des Tores?!... См. у о. *Вл. Н. Страхова* на стр. 12, 1: „Σεβόμενοι—это прозелиты, имѣвшіе право присутствовать при іудейскомъ богослуженіи, такъ называемые «прозелиты вратъ» («*Торы*»). Отъ нихъ отличались «эллины», чистые греки, которые до обращенія въ христіанство были настоящими язычниками“ и ср. D. *G. Wohlenberg* въ Kommentar zum Neuen Testament herausg. von Prof. Th. Zahn XII (Leipzig 1909), S. 3: „Es würden also von den regelmässig zum jüdischen Gottesdienst sich haltenden eigentlichen Proselyten («*Tores*»), den σεβόμενοι, «Hellenen», unterschieden werden reine Griechen, welche bis dahin noch ganz und gar im Heidentum gestanden hatten“. „Прозелиты завѣта“ (gerej hab-berith) принадлежали къ другому классу—„прозелитовъ правды“.

первый изъ нихъ служилъ только предуготовленіемъ ко второму, обнимая всѣхъ не-іудеевъ, которые въ разныхъ формахъ проявляли свое тяготѣніе къ почитанію и культу Бога Израилева, но оффиціально не принадлежали къ іудейству и въ глазахъ послѣдняго считались собственно язычниками († Prof. *Emil Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi III, Leipzig ⁴1909, S. 174—175; Prof. Dr. *Joseph Felten*, Neutestamentliche Zeitgeschichte I, Freiburg im Breisgau 1900, S. 518—519). И Дѣписатель рѣшительно различаетъ ихъ, когда рисуетъ намъ (XIII, 43) πολλοὶ τῶν Ἰουδαίων καὶ τῶν σεβομένων προσηλύτων, ясно выражая, что одна «чтительность» далеко еще не констатируетъ настоящаго прозелитства, которое—иначе—предполагалось бы при ней само собою—безъ всякихъ особыхъ дополненій. Очевидно, что слово σεβόμενος устойчиво употреблялось лишь для характеристики религіозной приверженности всѣхъ не-евреевъ къ іудейству и въ этомъ смыслѣ вполнѣ естественно прилагалось какъ къ языческому эллинству, такъ и къ эллинскому язычеству. Предъ нами будутъ расположенные къ іудейству язычники, а въ Θессалоникѣ такими являлись именно эллины, составлявшіе главнѣйшій контингентъ населенія. Въ этомъ случаѣ сглаживается почти до исчезновенія и преувеличиваемый диссонансъ съ 1 Θесс., ибо и по тексту Дѣян. XVII, 4 «значительный успѣхъ былъ не среди народа іудейскаго корня, но у языческихъ приверженцевъ синагоги» (*J. Ev. Frame*, p. 3). Здѣсь о. Вл. Н. Страховъ просто лишь недостаточно выяснилъ себѣ дѣло, если и о гонителяхъ адресатовъ 2 Θесс. пишетъ (стр. 293): «разумѣть ли подъ θλίβουσιν [I, 6] языческихъ или іудейскихъ враговъ христіанъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ,—съ точностію сказать нельзя».

Въ этомъ пунктѣ контрастъ Дѣписателя съ посланіями къ Θессалоникійцамъ допускается и принимается безъ надобности, въ рѣчи же объ обстоятельствахъ ихъ происхожденія онъ недостаточно устраняется и разъясняется. Замѣтенъ только нѣкоторый наклонъ противъ Дѣписателя, но если и правиленъ Бароніевскій принципъ, что именно epistolaris historia est optima historia, то здѣсь это весьма не безспорно по смутности всѣхъ извѣстій. По Дѣян. XVII, 14 сл. Сила и Тимоѳей остались въ Веріи, а св. Павелъ былъ одинъ въ Аѳинахъ и (сначала) въ Коринѳѣ, но по 1 Θесс. III, 1, 2 и III, 6, яко бы, выходитъ, что въ первомъ городѣ встрѣтились всѣ

трое, а во второй Сила прибылъ раньше Тимоѳея. Сужденія автора по этому предмету не согласованы и не убѣдительны по нѣкоторой неизвѣстности данныхъ, отправленъ ли былъ Тимоѳей изъ Веріи или изъ Аѳинъ (ср. † Bishop *J. B. Lightfoot*, Biblical Essays, London 1893, p. 263). Онъ держится того мнѣнія, что Сила и Тимоѳей приходили къ Апостолу въ Аѳины (стр. 18, 19, 20, 48), но потомъ получается, какъ будто Тимоѳей былъ посланъ въ Ѳессалонику чуть ли ужъ не изъ Коринѳа (см. стр. 114 и 115 и ср. *E. H. Askwith*, p. 24, 27). Послѣднее, конечно, немыслимо и представляетъ просто лишь случайный недосмотръ, но еслибы даже вѣрно было и первое, все-таки не будетъ дѣйствительнаго противорѣчія, ибо оба реферата не заключаютъ абсолютной дисгармоніи (Prof. *Arthur C. McGiffert*, p. 257). Дѣян. XVII, 15—16 гласитъ, что чрезъ провожавшихъ Верійцевъ Апостолъ Павелъ приказалъ Силѣ и Тимоѳею поспѣшить къ нему и ждалъ ихъ именно въ Аѳинахъ. Этимъ прямо предполагается для столь категорическаго повелѣнія точное исполненіе. Объ этомъ не упоминается, но умолчаніе ничуть не отрицаетъ его, между тѣмъ оно возможно по отсутствію всякихъ намековъ на отмѣну. Тогда открывается достаточное согласіе съ 1 Ѳесс. III, 1—2, которое—въ свою очередь—вовсе не выражаетъ того, что усвояетъ ему о. Вл. Н. Страховъ, и опять допускаетъ примиреніе даже при обратномъ пониманіи. Тамъ писатель свидѣтельствуетъ, что по отправленіи въ Ѳессалонику Тимоѳея εὐδοκήσαμεν καταλειφθῆναι ἐν Ἀθήναις μόνοι. Усилительная прибавка весьма характерна и стремится внушить, что авторъ оказался теперь *въ единственномъ числѣ*. Но эта единичность была бы фиктивной, еслибы при Апостолѣ находился Сила, и ихъ было двое. Въ этомъ видѣ тезисъ о. Вл. Н. Страхова (принимаемый и у † Prof. D. *Fritz Barth*, Einleitung in das Neue Testament, Gütersloh 1911, S. 22—23; Prof. D. *Johann Weiss*, Das Urchristentum I, Göttingen 1914, S. 216) несостоятеленъ, поскольку не согласуется съ фактомъ единоличнаго апостольскаго одиночества въ разумѣемое время. Не совсѣмъ несомнѣнна и другая формула, будто въ Аѳинахъ былъ еще и Тимоѳей (*Jos. Knabenbauer*, p. 4). Въ предшествующемъ стихѣ о немъ не говорится. Правда, въ апостольской рѣчи доминируетъ форма множественнаго числа, и о. Вл. Н. Страховъ склоненъ понимать ее въ буквальномъ смыслѣ (стр. 18. 121—122, 269). Его наклонъ въ эту сторону простирается

столь далеко, что для 1—2 Θесс. онъ позволяетъ говорить объ авторахъ (стр. 49) въ лицѣ всѣхъ трехъ поименованныхъ тамъ благовѣстниковъ (стр. 26). Хотя потомъ это сужденіе и ограничивается болѣе точными указаніями (стр. 269), но нельзя забывать, что именно въ виду обычности 1 pers. plur. даже проф. George Milligan (p. 132) заключаетъ о соавторствѣ нѣсколькихъ апостольскихъ помощниковъ въ 1—2 Θесс., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ (напр., для 1 Кор. называетъ Сосѳена «joint author of the letter» Prof. *W. M. Ramsay* въ «The Expositor» 1900, I, p. 26). Значитъ, это обстоятельство надо было выяснить твердо и формулировать опредѣленно. А здѣсь несомнѣнно, что филологически ἡμεῖς не отсылаетъ непремѣнно ко множественности (см. Rev. *E. H. Askwith*, 'I' and 'We' in the Thessalonians Epistles въ «The Expositor» 1911, II, p. [149—]159: «We can never forget when we read St. Paul's Epistles that, while he may, in appropriate parts of them, be content to speak as if he were only a partner in their composition by using the plural „we", yet the Epistles are really his»), которую должно принимать лишь при безспорной необходимости по фактическимъ обстоятельствамъ (см. у *Karl Dick*, Der schriftstellerische Plural bei Paulus, Halle a. S. 1900; ср. Prof. *James Hope Moulton*, A Grammar of New Testament Greek, vol. I, Edinburgh ³1908, p. 86 — 87, и въ нѣмецкомъ переводѣ: Einleitung in die Sprache des Neuen Testaments, Heidelberg 1911, S. 137—138). Благовѣстникъ всегда дѣйствовалъ на основаніи своего божественнаго авторитета и не передавалъ и не подкрѣплялъ его соучастіемъ другихъ, которые бы служили къ огражденію или обезпеченію, почему съ этой точки зрѣнія сомнительно, будто «Апостолъ Павелъ вообще не имѣетъ привычки отдѣлять себя отъ сотрудниковъ» (стр. 332). И самъ о. Вл. Н. Страховъ долженъ согласиться, что въ разсматриваемомъ контекстѣ ἡμεῖς не содержитъ оттѣнковъ множественности и скорѣе исключаетъ ее (стр. 19 и ср. 332), ибо въ 1 Θесс. II, 18 съ энергичностію подчеркивается, что «мы», разлучившіеся съ Θессалоникійцами и жаждавшіе снова увидѣть ихъ, обнимали собственно одного Павла, какъ къ нему же отсылаютъ и всѣ указанія относительно единоличности взаимоотношеній писателя съ читателями. Присутствіе спутниковъ не совсѣмъ допускается и замѣткой, что все изображаемое происходило не вдолгѣ по разлукѣ съ Θессалоникійцами (1 Θес. II, 17: ἡμεῖς δέ, ἀδελφοί, ἀπορφανισθέντες

ἀφ' ὑμῶν πρὸς καιρὸν ὥρας), откуда Апостолъ удалился безъ Силы и Тимоѳея. Св. Павелъ ждалъ послѣднихъ къ себѣ, но миссіонерскіе запросы побудили его къ тому, что онъ рѣшилъ остаться безъ нихъ и не приглашать въ Аѳины. Фраза 1 Ѳесс. III, 1—2 совершенно примирима съ такимъ пониманіемъ, а дальше нужно будетъ только принять, что Тимоѳей былъ посланъ въ Ѳессалонику изъ Вѣріи апостольскимъ распоряженіемъ, сообщеннымъ ему чрезъ посредниковъ. Позднѣйшія встрѣчи всѣхъ членовъ этой благовѣстнической тріады въ Коринѳѣ (Дѣян. XVIII, 5) понятны сами собою и во всякомъ случаѣ не встрѣчаютъ для себя затрудненій въ извѣстіяхъ Дѣписателя, который не отмѣчаетъ всѣхъ частностей. И если мы будемъ усвоять ему даже отрицаніе прихода Тимоѳея въ Аѳины, то—по моему мнѣнію—это ближе къ самосвидѣтельству апостольскому въ 1 Ѳесс.

Въ результатѣ имѣемъ, что о. Вл. Н. Страховъ напрасно затемнилъ прямыя историческія данныя и осложнилъ искусственными неясностями обстоятельства созиданія Ѳессалоникійской церкви. Естественно, что это отразилось нѣкоторою примрачностію и въ обрисовкѣ позднѣйшихъ апостольскихъ связей съ нею, разрѣшившихся спеціальными посланіями. Изъ послѣднихъ насъ занимаетъ здѣсь лишь второе, — и вотъ о поводахъ и побужденіяхъ къ нему далеко не все отчетливо освѣщается въ обозрѣваемомъ сочиненіи. Главнѣйшимъ была эсхатологическая напряженность, *яко уже настоитъ день Христовъ* (2 Ѳесс. II, 2), но она вызывалась и окончательно обострилась особыми условіями. Апостолъ обозначаетъ ихъ, заповѣдуя Ѳессалоникійцамъ не волноваться отъ подобныхъ мыслей μήτε διὰ πνεύματος, μήτε διὰ λόγου, μήτε δι' ἐπιστολῆς ὡς δι' ἡμῶν. Эти термины и въ отдѣльности и во взаимной комбинаціи анализируются у о. Вл. Н. Страхова тщательно и всесторонне, однако не получаютъ выдержаннаго и убѣдительнаго истолкованія. По словамъ автора, «πνεῦμα есть пророчество, произносимое подъ вліяніемъ Божественнаго Духа», и «является выраженіемъ настроенія, вдохновлявшаго и одушевлявшаго общину» (стр. 36), но фактически обнимаетъ «пророческія рѣчи (стр. 115, 323) въ богослужебныхъ (религіозныхъ) собраніяхъ» (стр. 45, 47), гдѣ «главное участіе принимали пророки, особенно тѣ, которые, подобно Даніилу, умѣли яркими красками рисовать картину будущаго пришествія Христа, наступленія Его славнаго Царства и

побѣду Его надъ антихристомъ (стр. 11). Вообще, πνεῦμα—это были «голоса пророковъ», «надѣленныхъ харизматическими дарованіями», «постоянно раздававшіеся или во время общественныхъ богослуженій или въ частныхъ кругахъ» (стр. 69), при чемъ «дѣйствіемъ св. Духа человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ собственной мысли и рѣчи и говоритъ то, что ему внушаетъ Духъ Божій, не давая себѣ яснаго отчета въ содержаніи своего пророческаго слова» (стр. 322). Значитъ, разумѣется «рѣчь боговдохновенная» въ отличіе отъ «простой человѣческой рѣчи» (стр. 323). Очевидно, о. Вл. Н. Страховъ предполагаетъ функціонировавшій въ первенствующей церкви даръ пророчества и (неудачно) старается точнѣе описать его. Нельзя сказать, чтобы впечатлѣніе получалось ясное, какъ не обоснована спеціальною аргументаціей и самая кардинальная предпосылка, будто πνεῦμα знаменуетъ именно пророчество, между тѣмъ отъ этого тезиса авторъ отправляется и при опредѣленіи λόγος'а. Еще болѣе сомнительно примѣненіе подобной идеи къ дальнѣйшему, гдѣ читаемъ, что мысль о немедленной близости парусіи ошибочна, а она мотивировалась διὰ πνεύματος, которое тоже будетъ невѣрнымъ, однако было «пророческимъ словомъ, произносимымъ подъ вліяніемъ Божественнаго Духа» (стр. 322), тогда какъ по ходу рѣчи представлялась бы согласнѣе интерпретація Тертулліана (стр. 149): «neque per spiritum neque per sermonem, scilicet *pseudoprophetarum*». (De resurrectione carnis 24: Migne lat. II, col. 828). Авторъ слишкомъ утрировалъ божественность въ содержаніи πνεῦμα и сдѣлалъ приложеніе его къ контексту непонятнымъ, открывъ мѣсто для обратныхъ истолкованій.

То же самое получилось и съ λόγος'омъ, каковое—«въ противоположность πνεῦμα—обозначаетъ самопроизвольное выраженіе собственныхъ мыслей» (стр. 36, 322) въ видѣ «устныхъ извѣстій» (стр. 39, 40, 45—46, 47, 115). Это «простая человѣческая рѣчь» (стр. 323), но въ такомъ случаѣ непостижимо, почему она могла пріобрѣсти столь внушительную и возбуждающую авторитетность наряду съ «пророчествомъ»?

Недоумѣніе по сему предмету авторъ разрѣшаетъ особыми сужденіями касательно сочетанія ὡς δι' ἡμῶν, обычно примѣняемаго только къ упоминанію посланія (см. и Rev. Prof. *James Moffatt* въ The Expositor's Greek Testament, London 1910, p. 40), какъ подложнаго (проф. о. *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа по Еванге-

лію и Посланіямъ св. Апостоловъ, Казань 1906, стр. 347; Rev. *R. D. Shaw,* The Pauline Epistles, Edinburgh 1903, p. 38; *F. Prat* S. J., La théologie de Saint Paul I, Paris 1908, p. 113; Prof. Dr. *Carl Clemen,* Paulus, sein Leben und Wirken II, Giessen 1904, S. 187; Privatdoz. Dr. *Fritz Tillmann,* Die Wiederkunft Christi nach den Paulinischen Briefen въ «Biblische Studien» herausg. von Prof. Dr. O. Bardenhewer XIV, 1—2, Freiburg im Breisgau 1909, S. 9). По его мнѣнію, эти слова «всего проще соединять съ двумя непосредственно предшествующими членами — λόγου и ἐπιστολῆς (стр. 35 — 36, 322—324; см. и Prof. *C. Toussaint,* Épitres de Saint Paul I, Paris 1910, p. 150,2) и нельзя относить къ πνεῦμα, ибо «одушевленная» «пророческая боговдохновенная рѣчь требуетъ личнаго присутствія пророчествующаго» (стр. 36, 323). Едва ли нужно раскрывать, что для простой человѣческой рѣчи, самопроизвольно выражающей собственныя мысли, это еще болѣе необходимо, поскольку божественныя вѣщанія не всегда совершаются чрезъ посредство человѣческое (ср. Ін. XII, 28 сл.). Можно согласиться, что πνεῦμα было авторитетно само по себѣ и не нуждалось въ апостольской санкціи, какая являлась желательною для обыкновеннаго человѣческаго слова. Но въ чемъ же она состояла и была ли достаточна?—это не очевидно прямо и раскрывается лишь замѣчаніями по поводу ἐπιστολή.

Здѣсь разумѣются «письменныя извѣстія» (стр. 39, 45—46, 47, 115) въ особомъ посланіи, принадлежность коего себѣ св. Павелъ отрицаетъ дальнѣйшею прибавкой (стр. 324). Тѣмъ не менѣе «о дѣйствительной поддѣлкѣ при жизни апостола совершенно не можетъ быть и рѣчи, потому что отношенія апостола къ общинамъ были въ высшей степени свѣжи и непосредственны, его наставленія пользовались высокимъ авторитетомъ и его посланія сохранялись, какъ драгоцѣнный памятникъ апостольскаго участія и общенія» (стр. 37 и ср. 70). Эта характеристика «прекраснаго состоянія христіанской жизни Ѳессалоникійскихъ христіанъ» (стр. 283—284) нѣсколько неожиданна, разъ мы слышимъ, что невысокіе умственно и малоразвитые Ѳессалоникійцы (стр. 117, 130) «забыли» первоначальныя апостольскія наставленія (стр. 27, 91, 92, 93) и «ложно истолковали первое посланіе» (стр. 90), «недостаточно ясно понявъ» (стр. 127) и оцѣнивъ его (стр. 277), обнаружили нѣкоторую небрежность (стр. 92—93), отнес-

лись невнимательно къ устнымъ внушеніямъ и исказили ихъ (стр. 115—116). Въ такой атмосферѣ мыслимы даже неблагонамѣренныя злоупотребленія, но пока въ нихъ нѣтъ надобности, ибо не видно, чтобы разумѣемое посланіе исходило *не* отъ членовъ Ѳессалоникійской общины, а могло быть занесеннымъ въ нее со стороны. Тогда подложность оказывается исторически допустимой. Отрицая ее, о. Вл. Н. Страховъ только запутываетъ свои соображенія. По нему, «въ древности во главѣ посланій и писемъ обыкновенно надписывались имена ихъ авторовъ», въ силу чего нельзя принять «еще болѣе сомнительнаго» предположенія о безымянности письменнаго документа, упоминаемаго во 2 Ѳесс. II, 2 (стр. 38). Но эта аргументація опровергается наличностію посланія къ Евреямъ, которое со вредомъ для дѣла не рѣдко игнорируется авторомъ, и ведетъ къ заключенію, что если ἐπιστολή 2 Ѳесс. II, 2 было не подложно и не безымянно и считалось Павловымъ, то—значитъ—оно было подлиннымъ апостольскимъ писаніемъ. Однако такая идея рѣшительно устраняется, поскольку то посланіе прямо называется «апокрифическимъ» (стр. 131), гдѣ «распространялись письменныя извѣстія отъ имени ап. Павла» (стр. 47, 70), которому приписывались (стр. 115, 116). Для обезпеченія этого мнѣнія о. Вл. Н. Страховъ вынужденъ отказаться отъ своихъ прежнихъ сужденій и согласиться, что «въ надписаніи посланія, появившагося въ Ѳессалоникійской церкви, не стояло имени его автора», а «это легко могло случиться потому, что общинѣ были извѣстны тѣ лица изъ среды лицъ, окружавшихъ Павла, которыя были дѣйствительными авторами какого-то посланія и которыя выдавали это посланіе за Павлово посланіе или, точнѣе, содержащееся въ этомъ посланіи ученіе о наступленіи дня Господня, на основаніи, можетъ быть, неправильнаго истолкованія словъ 1 Ѳесс. 5, 1 ff. [sic!] или 1 Ѳесс. 4, 15, безо всякаго дурного умысла приписали самому ап. Павлу» (стр. 39). Помимо противорѣчія прежнему,—эта фраза (сходная съ сужденіемъ Prof. Dr. *Theodor Zahn*'а, Einleitung in das Neue Testament I, Leipzig ^{3}1906, S. 167) заключаетъ внутреннія неясности и несообразности. За время между 1 и 2 Ѳесс. исторія не знаетъ при Апостолѣ приближенныхъ спутниковъ, которые бы считали себя полномочными и компетентными излагать его мысли по тревожному и важнѣйшему вопросу безъ совѣта съ нимъ на свой страхъ и по

собственному соображенію. При этомъ свое толкованіе они сами выдали за Павлово, не пожелавши даже спросить благовѣстника, и намѣренно увѣряли въ этомъ читателей, которые лишь вслѣдствіе такихъ утвержденій усмотрѣли здѣсь апостольскія внушенія. Правдоподобно ли все это въ близкихъ ко св. Павлу людяхъ, и не правильнѣе ли за такую дерзость приравнивать ихъ съ Тертуллліаномъ (стр. 149) къ лжеапостоламъ (De resurrectione carnis 24 ap. Migne lat. II, col. 828:... neque per epistolam, scilicet *pseudoapostolorum)* какъ нынѣ иногда видятъ въ нихъ іудаистовъ († Prof. Dr. *Moritz v. Aberle*, Einleitung in das Neue Testament, Freiburg im Breisgau 1877, S. 183; Prof. D. *Adolf Deissmann*, Paulus, Tübingen 1911, S. 147)? Во всякомъ случаѣ Ѳессалоникійцы признали данное посланіе за Павлово по его содержанію, гдѣ были прямыя указанія въ этомъ смыслѣ. Иначе въ богослужебныхъ собраніяхъ кто-нибудь изъ членовъ Ѳессалоникійской церкви возбудилъ бы сомнѣнія и выразилъ протестъ. Коль скоро объ этомъ не говорится,—мы должны думать, что письменный документъ имѣлъ вполнѣ удовлетворительную видимость Павлова писанія, а тогда это посланіе никоимъ образомъ не могло быть невиннымъ изобрѣтеніемъ (ср. *J. Ev. Frame*, p. 247), и по отношенію къ нему ожидалось бы рѣшительное изобличеніе со стороны Апостола.

Въ концѣ концовъ о письмѣ—по его происхожденію, характеру и вліянію—получается—при такомъ предположеніи—совершенная неясность, которая распространяется и на предшествующее, поелику остается загадочнымъ, было ли «слово» дѣйствительно апостольскимъ, или напрасно усвоялось благовѣстнику,—кѣмъ, въ какомъ смыслѣ и по какимъ мотивамъ? Неизвѣстно также, совпадаютъ ли писавшіе съ говорившими? Вторые, конечно, были въ самой Ѳессалоникѣ, чего о первыхъ нельзя думать, ибо въ этомъ случаѣ они открыли бы свое авторство или—при умолчаніи о семъ—превратились бы въ злостныхъ преступниковъ, коварно злоупотребившихъ именемъ апостольскимъ. При отожествленіи говорившихъ и писавшихъ былъ бы фактически одинъ источникъ, не дозволявшій раздѣленія на два равноправныхъ элемента, а при обособленіи будетъ непостижимо, какимъ образомъ совпали между собою въ общемъ убѣжденіи независимыя взаимно лица, которыхъ опять было бы напрасно расчленять на самостоятельную двоицу, если глаголавшіе просто лишь комментировали посланіе.

Всѣ эти загадки свидѣтельствуютъ, что 2 Θесс. II, 2 понятно и освѣщается у о. Вл. Н. Страхова неправильно ни въ цѣломъ, ни въ комбинаціи своихъ частей, поелику въ результатѣ даются туманности и антиноміи. Разъ πνεῦμα констатируетъ богодухновенныя вѣщанія, то такими будутъ и равныя по положенію λόγος и ἐπιστολή, а коль скоро послѣднее сознательно, но неосновательно прикрывалось апостольскимъ авторитетомъ, тогда это будетъ не менѣе вѣрно и для первыхъ двухъ, что и вдохновеніе и глаголаніе были ошибочнымъ извращеніемъ Павловой проповѣди. Тутъ tertium non datur по самой неестественности чего-либо третьяго. Это безспорно и грамматически по одинаковой условливающей энергіи всѣхъ членовъ (чрезъ διά) и по тожественному взаимоотношенію ихъ (при помощи μήτε). Но что̀ именно наиболѣе справедливо изъ остальныхъ двухъ возможностей? Для точнаго отвѣта надо прежде всего опредѣленно выяснить самыя событія въ ихъ фактическихъ перипетіяхъ. Θессалоникійцы сподобились благодатнаго просвѣщенія чрезъ Апостола и были тверды въ своемъ христіанскомъ бытіи по устойчивости въ апостольскомъ назиданіи. Все у нихъ созидалось и держалось св. Павломъ, имѣя въ немъ незыблемый фундаментъ, при чемъ внутреннее настроеніе закрѣплялось внѣшнимъ поведеніемъ. Дальше происходитъ довольно прискорбное измѣненіе, когда внутреннее напряженіе (σαλευθῆναι ἀπὸ τοῦ νοός) отражалось во внѣшнемъ смятеніи (θροεῖσθαι). Отсюда слѣдуетъ, что поколебался самый основной базисъ, какимъ являлся великій просвѣтитель. Должно бы получиться предательство по отношенію къ нему, но этого не было, ибо Θессалоникійскіе христіане продолжали считать себя вѣрными апостольской проповѣди и ревностными въ ея примѣненіи, какъ не обличаетъ ихъ въ противномъ и св. Павелъ. Въ такомъ случаѣ могло быть только новое дѣйствіе прежняго авторитета, развивающаго и приспособляющаго свое вліяніе съ равно обязательною силой. Лишь при наличности подобнаго равенства мыслима была происшедшая трансформація, и Θессалоникійцы были убѣждены, что они стоятъ несокрушимо на апостольскомъ основаніи. Для нихъ новые факторы были безусловно тожественны прежнему и совпадали съ нимъ. Вѣрующіе поколебались единственно потому, что поименованныя причины имѣли для нихъ полную апостольскую важность, и вызванный ими переворотъ почитался совершившимся какъ бы чрезъ

самого благовѣстника, котораго онѣ равноправно замѣняли. Безъ этого Θессалоникійцы не рѣшились бы пошатнуться и уклониться отъ стараго пути или допустить недозволенныя новшества, продолжая исповѣдывать себя преданными учениками Павловыми. Въ ихъ сознаніи дѣйствовавшіе въ этомъ процессѣ мотивы были истинно апостольскими, и они «смутились отъ духа, слова и посланія» потому, что приравнивали ихъ къ самому Павлу, полагая, что «подвизаются» именно имъ самимъ, хотя и не личнымъ, непосредственнымъ присутствіемъ. Для нихъ διὰ πνεύματος, διὰ λόγου и δι' ἐπιστολῆς были абсолютны эквивалентны съ δι' ἡμῶν [1]). Въ силу этого ὡς не отрицаетъ отношеніе послѣдняго сочетанія ко всему предшествующему, а рѣшительно утверждаетъ его, констатируя всецѣлое равенство между обоими рядами (см. и *J. C. West* въ «The Journal of Theological Studies» XV, 57 [October 1913], p. 66; *J. Ev. Frame*, p. 246—247). Въ нихъ одинъ замѣнилъ другой по внутреннему тожеству, которое будетъ свойственно всѣмъ членамъ, ибо каждый вліялъ на Θессалоникійцевъ съ одинаковою апостольскою авторитетностію, безъ которой не могъ бы и претендовать даже на минимальное участіе въ преобразованіи господствовавшаго апостольскаго строя.

Слѣдовательно, всѣ три условливавшія начала принимались въ собственномъ достоинствѣ апостольскомъ и всякое изъ нихъ было для читателей Павловымъ. Для первыхъ двухъ данное примѣненіе нимало не затруднительно, поелику въ Θессалоникѣ апостольское благовѣствованіе было не въ словѣ только, но и въ силѣ, и во Святомъ Духѣ, и со многими удостовѣреніями (1 Θесс. I, 5), при чемъ христіане восприняли слышанное, какъ истинное слово Божіе (1 Θесс. II, 13). Проповѣданіе апостольское было вдохновеннымъ словеснымъ учительствомъ и въ этомъ качествѣ трактовалось Θессалоникійцами вполнѣ правильно. Это были несомнѣнные факты, но тогда сходное должно думать и о посланіи, что оно тоже было апостольскимъ. Въ согласіи съ подавляющимъ большин-

[1]) Только отсюда объясняется вполнѣ удовлетворительно διά при ἡμῶν, которое было бы непонятно для обозначенія авторства, почему и late († 19 апрѣля 1855 г.) *Frederick Field* предполагалъ возможнымъ (Notes on the Translation of the New Testament being the Otium Norvicense, pars tertia, Cambridge 1899, p. 202) ὡς δή ἡμων (согласно A s t, Lex. Plat. II, 586: „cum irrisione quadam plerumque ponitur ὡς δή“), но для сего нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

ствомъ экзегетовъ, о. Вл. Н. Страховъ энергически отвергаетъ подобное толкованіе, однако соотвѣтствующая аргументація не обладаетъ неотразимою убѣдительностію. По его сужденію (стр. 36—37), ὡς δι' ἡμῶν отрицаетъ принадлежность λόγος и ἐπιστολή Апостолу, между тѣмъ фактически этого вовсе нѣтъ [1]). Св. Павелъ говоритъ не болѣе того, что тамъ не содержится лишь волновавшаго мнѣнія въ столь острой и крайней формѣ. Устраняется не бытіе самыхъ факторовъ въ Θессалоникійской оцѣнкѣ, а только ошибочные выводы изъ нихъ, какъ это дѣлается и касательно πνεῦμα. Въ противномъ случаѣ проще и полезнѣе для цѣли было сказать прямо, что ни того, ни другого совсѣмъ не было, когда сразу прекращались всякіе разговоры. Апостолъ ведетъ свою рѣчь совсѣмъ иначе, заповѣдуя, чтобы Θессалоникійцы не колебались отъ всѣхъ перечисленныхъ причинъ, наличность и важность которыхъ этимъ вполнѣ допускаются. И по существу всѣхъ историческихъ условій гораздо вѣроятнѣе злоупотребленіе или недоразумѣніе въ готовомъ, чѣмъ собственное изобрѣтеніе его, всегда до извѣстной степени зазорное и заслуживавшее рѣзкаго пресѣченія, хотя бы, ради предотвращенія худшихъ золъ. Вѣдь терпимость къ «подлогу благочестивому» открывала просторъ для всякихъ пагубныхъ контрафакцій, а это требовало энергическихъ предупрежденій, но мы не видимъ даже намековъ этого рода.

Затѣмъ, о. Вл. Н. Страховъ заявляетъ (стр. 36): «нельзя далѣе подъ ἐπιστολή разумѣть здѣсь первое посланіе еще и потому, что ἐπιστολή стоитъ здѣсь безъ члена, и поэтому не можетъ указывать на опредѣленное, извѣстное посланіе апостола, т. е. въ данномъ случаѣ на 1 Θесс.». Но это пустая мелочность, лишенная всякаго вѣса, поелику тутъ вовсе не нужно было никакой особой опредѣлительности, разъ тогда имѣлось одно и единственное посланіе апостольское къ Θессалоникійцамъ:—для чего или для кого было бы спеціально опредѣлять столь опредѣленное само по себѣ для всѣхъ? И во 2 Θесс. II, 15 св. Павелъ пишетъ δι' ἐπιστολῆς, хотя мыслитъ, конечно, свое посланіе (*J. Ev. Frame*, p. 284; *Jos. Knaben-*

[1]) Съ этимъ соглашается даже *Jos. Knabenbauer* (p. 133), который, какъ будто признавъ подложность упоминаемаго въ 2 Θесс. II, 2 письма (p. 11), потомъ говоритъ, что скорѣе тутъ констатируется лишь ходившіе въ общинѣ слухи о (новомъ) посланіи Павловомъ (p. 133—134).

bauer, p. 12, 15, 154), вполнѣ опредѣленное, какъ фактически существующее. По внѣшности нѣсколько внушительнѣе ссылка (ср. *Fr. Tillmann*, S. 9, 1; *Jos. Knabenbauer*, p. 12, 133, 166), что—при отнесеніи 2 Θесс. II, 2 къ 1 Θесс.—«собственноручная приписка и предостереженіе отъ неподлинныхъ посланій въ 3, 17 лишаются мотива, который дѣлалъ бы понятными эту приписку и предостереженіе» (стр. 36—37), между тѣмъ теперь для Апостола «было существенно необходимо условиться [съ Θессалоникійцами] насчетъ дѣйствительныхъ, подлинныхъ его посланій» (стр. 39) и предотвратить повтореніе подобныхъ злоупотребленій въ будущемъ (стр. 381). Но что касается «условливанія», то оно едва ли вѣроятно, ибо ни откуда не слѣдуетъ, чтобы св. Павелъ предвидѣлъ или обѣщалъ свои новыя письменныя обращенія въ Θессалонику. Литературныя сношенія вовсе не входили въ благовѣстническіе интересы и допускались по фактической вынужденности. Апостолъ вообще предпочиталъ личныя воздѣйствія или пользовался посредствомъ своихъ учениковъ и сотрудниковъ, какъ это было и съ Θессалоникійцами. Этому благовѣстническому методу св. Павелъ никогда не измѣнялъ въ принципѣ, а потому до крайности сомнительно, чтобы въ столь раннюю эпоху онъ помышлялъ о широкой письменной производительности. Для сего потребны настоятельныя причины въ начавшейся и сильно угрожавшей подложности. Но при упоминаніи объ ἐπιστολή совсѣмъ нѣтъ указаній на возможность аналогичныхъ ему литературныхъ контрафакцій, о чемъ было бы умѣстнѣе замѣтить въ ближайшей связи, чѣмъ говорить послѣ—безъ прямого соотношенія съ мотивирующимъ поводомъ. Казалось бы, что для самого о. Вл. Н. Страхова всего менѣе мыслимо столь напряженное опасеніе подложности. Мы знаемъ, что онъ упорно отвергаетъ самую ея возможность по фактической недопустимости сего въ тѣ времена (см. выше стр. 13). Но, разумѣется Апостолъ не хуже его долженъ былъ знать и понимать это, а тогда нарочитыя предостереженія были бы фактически необоснованными и теоретически невѣроятны. Въ результатѣ намъ пришлось бы всецѣло согласиться съ тѣми авторами, которые усматриваютъ во 2 Θесс. III, 17 свидѣтельство неподлинности посланія, какъ принадлежащаго позднѣйшему, неапостольскому періоду (стр. 131; см. Dr. *G. A. van den Bergh van Eysinga*, Radical Views about the New Testament, translated by S. B. Black, London 1912, p. 73). Однако апостольскія слова вовсе не

имѣютъ такого характера. Самъ о. Вл. Н. Страховъ справедливо отмѣчаетъ (стр. 85—87, 380—381), что собственноручныя приписки были общепринятою практикой древности при господствѣ диктанта, вовсе не вызывались наличностію подлоговъ и ничуть не отсылаютъ къ нимъ (см. *J. Ev. Frame*, p. 311; Prof. *Ad. Deissmann*, Licht vom Osten, Tübingen $^{2-3}$1909, S. 108,5, 113; проф. *С. М. Зарин*ъ, Современныя открытія въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту, Спб. 1914, стр. 15—16, и въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1914 г., № 4, стр. 444—445). Нашъ авторъ называетъ (стр. 381) два такихъ случая, гдѣ совсѣмъ не содержится подобныхъ ассоціацій (1 Кор. XVI, 21. Кол. IV, 18), но можно бы еще яснѣе выдѣлить типичный въ этомъ смыслѣ примѣръ Гал. VI, 11. Вездѣ тутъ данное обстоятельство нарочито подчеркивается по особымъ причинамъ, а онѣ были и въ разсматриваемомъ посланіи. Послѣднему усвояется спеціальное назначеніе дисциплинарнаго свойства (2 Θесс. Ш, 14): εἰ δέ τις οὐχ ὑπακούει τῷ λόγῳ ἡμῶν διὰ τῆς ἐπιστολῆς τοῦτον σημειοῦσθε. Въ этой фразѣ взаимная комбинація элементовъ нѣсколько спорна. О. Вл. Н. Страховъ связываетъ διὰ τῆς ἐπιστολῆς съ τῷ λόγῳ ἡμῶν, разумѣя настоящее, письменное апостольское слово, при чемъ если безчинные члены общины не послушаютъ послѣдняго, то остальные должны имѣть ихъ на примѣтѣ (стр. 375—378). Пониманіе—возможное (*J. Ev. Frame*, p. 309), но не единственное и не самое вѣроятное. Было всѣмъ и сразу очевидно, что рѣчь идетъ о ближайшемъ письменномъ распоряженіи, такъ что выразительное обозначеніе сего оказывалось совершенно ненужнымъ. Съ другой стороны, и обязанность «замѣчать» заблуждающихся братьевъ не требовала апостольскаго повелѣнія, а была самопонятнымъ христіанскимъ долгомъ. Естественно, что онъ въ Θессалоникѣ исполнялся, и именно поэтому узналъ о прискорбныхъ ненормальностяхъ св. Павелъ, которому донесли Θессалоникійцы. Необходимы были дальнѣйшія мѣры, чтобы водворить надлежащій порядокъ, который подвергался опасности даже отъ самой ревности усердныхъ исправителей. Вѣрно и удачно защищаютъ (*J. Ev. Frame*, p. 310), что во 2 Θесс. Ш, 15 главное ударение сосредоточивается на μὴ... ἡγεῖσθε, а не на νουθετεῖτε, откуда вытекаетъ, что Θессалоникійцы смотрѣли слишкомъ сурово на заблуждающихся и готовы были на радикальныя средства. Въ этихъ условіяхъ рекомендація про-

стого «обращенія вниманія» была бы совсѣмъ неподходящею. Надобны были точныя практическія указанія, а такія предлагаетъ самое посланіе, почему и слѣдовало поступать согласно ему [1]). Способъ дѣйствія означается глаголомъ σημειοῦσθαι, который всего естественнѣе толковать соотвѣтственно ближайшему (III, 17) σημεῖον (ср. у проф. *С. М. Зарина* на стр. 15,6 и въ «Христ. Чтеніи» 1914 г., № 4, стр. 444,6). Это не общая отмѣтка, но спеціальный знакъ со строго опредѣленнымъ содержаніемъ и значеніемъ, что снабженное имъ посланіе есть истинно апостольское. Ясно, что и тамъ заповѣдуется запечатлѣвать безчинныхъ чѣмъ-либо типическимъ и конкретнымъ, когда тѣ лица получали подлинную оцѣнку для другихъ и даже въ собственныхъ глазахъ. Все это давалось настоящимъ посланіемъ, которымъ и должны были знаменоваться непослушные, какъ подлежащіе его запечатлѣнію и соотвѣтственному исправленію. Ихъ объявляли въ богослужебномъ собраніи повинными въ безпорядочности на основаніи апостольскаго посланія и въ качествѣ врачуемыхъ подвергали узаконенной въ немъ (III, 14) дисциплинѣ—отлученія отъ братскаго общенія. Это пониманіе тѣмъ возможнѣе, что отвѣчало практической нуждѣ въ замѣнѣ строгихъ карательныхъ мѣръ отверженія цѣлительнымъ вліяніемъ спасительной любви. Если говорится (у о. Вл. Н. Страхова на стр. 375 и см. † Bishop *Charles J. Ellicott*, St. Paul's Epistles to the Thessalonians, London [4]1880, p. 133), что для сего была болѣе естественной и простой разстановка τοῦτον διὰ (τῆς) ἐπιστολῆς (безъ члена), то едва ли это вѣрно, ибо удареніе не на лицахъ, совершенно извѣстныхъ всѣмъ, а именно на самыхъ средствахъ, которыя предрѣшали весь modus agendi. И о. Вл. Н. Страховъ всего менѣе можетъ оправдываться грамматическими тонкостями, коль скоро тутъ же говоритъ (по поводу сочетанія τῷ λόγῳ ἡμῶν съ διὰ τῆς ἐπιστολῆς безъ связующаго τῷ, о чемъ см. у † Bishop *Charles J. Ellicott*, p. [4]133*b*), что «апостолъ свободно обращается съ конструкціей классической грамматики» (стр. 376). Впрочемъ, при всякихъ толкованіяхъ несомнѣнно, что самъ св. Павелъ придаетъ особенную важ-

[1]) Этимъ устраняется возраженіе Prof. *George Milligan*'а (p. 117), что членъ въ διὰ τῆς ἐπιστολῆς даетъ знать письмо не будущее (отъ Ѳессалоникійцевъ или самого Апостола Павла), но уже существующее, а это такъ и есть по нашему толкованію.

ность своему посланію, а потому вполнѣ натурально, что оно «знаменуется» и санкціонируется спеціальнымъ образомъ.

Теперь исчезаетъ послѣдній намекъ на какую-либо подложность, и мы получаемъ опору утверждать, что во 2 Θесс. II, 2 позволительно разумѣть 1 Θесс. Хотя эта идея принимается не столь многими учеными (напр., Prof. Dr. *Hub. Theophil Simar*, Die Theologie des heiligen Paulus, Freiburg im Bresgau ²1883, S. 259; † Prof. *Willibald Beyschlag*, Neutestamentliche Theologie II, Halle a. S. ²1896, S. 260; Prof. *Franz Sales Trenkle*, Einleitung in das Neue Testament, Freiburg im Bresgau 1897, S. 18; Prof. *Arthur C. McGiffert*, p. 253; *E. H. Askwith*, An Introduction to the Thessalonian Epistles, London 1902, p. 98—99; Lic. *Wilhelm Lueken* въ Die Schriften des Neuen Testaments herausg. von Prof. Johannes Weiss II, Göttingen 1907, S. 21; Prof. D. Dr. *Paul Feine*, Theologie des Neuen Testaments, Leipzig ²1912, S. 466; *Willaughby C. Allen* and *L. W. Greensted*, Introduction to the Books of the New Testament, Edinburgh 1913, p. 104, 1; † Prof. *Adolf Hausrath*, Jesus und die neutestamentlichen Schriftsteller I, Berlin 1908, S. 391—392 Anm.; *J. Ev. Frame*, p. 246—248; *Ad. Harnack* l. cit., S. 568), но она вполнѣ допустима научно и заключаетъ немалыя преимущества. Ею болѣе отчетливо освѣщается историческое осложненіе по происхожденію и характеру. Для него называются три причины, а тутъ и является крайне загадочнымъ, что̀ могло прибавлять простое учительное слово къ боговдохновенному вѣщанію? Если же всѣ ихъ прилагать къ миссіонерскимъ соотношеніямъ Апостола Павла съ Θессалоникійцами, то πνεῦμα пріобрѣтаетъ собственную энергію, указывая благовѣствованіе въ Духѣ Святомъ, которое сопровождалось многими удостовѣреніями (1 Θесс. I, 5), конечно, чрезвычайнаго свойства. Это были чудесныя знаменія, и они какъ въ началѣ, такъ и послѣ оставались убѣждающими наряду со словомъ ученія и письменными вразумленіями. Что до связи съ напряженными «парусійными» томленіями, то уже по обращеніи своемъ Θессалоникійцы стали ожидать съ небесъ Сына Божія, избавляющаго отъ грядущаго гнѣва (1 Θесс. I, 9—10), чего не исключало и 1 Θесс. Эти самые факторы сохранялись у нихъ и потомъ, когда развилась «парусійная» обостренность. Очевидно, послѣдняя питалась прежними источниками, а въ такомъ случаѣ и корень эсхатологическаго кризиса былъ не въ новыхъ, постороннихъ причинахъ, создавшихъ

его, но во внутреннихъ переживаніяхъ самихъ Θессалоникійцевъ, которые въ старомъ усмотрѣли нѣчто особое въ силу своего внутренняго настроенія. Это помогаетъ лучше понять и вѣрнѣе оцѣнить всю картину. Наконецъ, отсюда точнѣе раскрываются и взаимоотношенія 1 и 2 Θесс. Прежнее посланіе было неправильно истолковано и преувеличенно примѣнено читателями, у которыхъ прочно сочеталось съ извѣстными ошибочными ассоціаціями. При подобныхъ условіяхъ этотъ письменный документъ былъ бы просто неудобенъ и даже непригоденъ для дальнѣйшихъ разъясненій. Таковыя должны были направляться не къ комментированію ранѣйшаго посланія, потому что въ немъ объективно не заключалось обсуждаемыхъ матерій, а къ раскрытію этихъ послѣднихъ. Но для нихъ могло служить почвою лишь то, что уже извѣстно Θессалоникійцамъ отъ Апостола сверхъ посланія и было сообщено имъ устно. Естественно, что теперь благовѣстникъ не ссылается на 1 Θесс. и апеллируетъ собственно къ устной проповѣди, возвращаясь къ пережитымъ впечатлѣніямъ, которыя сейчасъ не имѣли первоначальной живости и были письменно закрѣплены раньше. Отсюда естественно и раціонально, что 2 Θесс. не опирается на 1 Θесс., базируется на устныхъ данныхъ и лишено интимной горячности, обнаруживая извѣстную оффиціальность (см. у о. *Вл. Н. Страхова*, стр. 47, 48—49, 53, 94 и ср. Prof. *George Milligan*, p. LXXXIII; *J. Ev. Frame*, p. 34; *Eugène de Faye*, Étude sur les origines des églises de l'age apostolique, Paris 1909, p. 242). Наоборотъ, 1 Θесс. необходимо отражаетъ всю непосредственность воспламенившейся взаимной любви (ср. у о. *Вл. Н. Страхова*, стр. 25) и дополняетъ устное благовѣствованіе, которое—поэтому—и не воспроизводится опредѣленно, уступая мѣсто новымъ назиданіямъ.

Такъ все будетъ ясно и на своемъ мѣстѣ.

Но вопросы о взаимоотношеніи Θессалоникійскихъ посланій тѣсно связаны съ проблеммами касательно подлинности второго изъ нихъ и непосредственно направляютъ въ эту сторону. Данному предмету о. Вл. Н. Страховъ посвящаетъ много сосредоточеннаго вниманія и старается раскрыть все дѣло до осязательности—отрицательно и положительно. По первому пункту особенно выдвигается именно взаимоотношеніе 1 и 2 Θесс., которое обсуждается подробно и обстоятельно (стр. 99, 108—131). Этотъ моментъ утилизируется крити-

чески—для аргументаціи такой сильной литературной зависимости 2-го посланія отъ перваго, что оно можетъ быть лишь позднѣйшею компиляціей какого-либо Paulus redivivus (Prof. *Paul Schmidt,* Der erste Thessalonicherbrief neu erklärt, Berlin 1885, S. 127), т. е. неизвѣстнаго фальсарія, не очень удачно обозначаемаго у нашего автора необычнымъ словомъ «поддѣльщикъ» (стр. 128, 131, 133, 212). Въ такомъ критическомъ освѣщеніи смотритъ на эту задачу и самъ о. Вл. Н. Страховъ и тутъ достигаетъ достаточнаго успѣха, убѣдительно раскрывая, что доводы этого рода вовсе не свидѣтельствуютъ о подложности 2 Θесс. Рѣчи по сему предмету даже слишкомъ пространны и нѣсколько затемняютъ тотъ знаменательный фактъ, что все сходство обнимаетъ не болѣе трети содержанія 2 Θесс. (см. у Prof. *George Milligan,* p. LXXXIII), а въ остальномъ послѣднее является и оригинальнымъ и павлинистическимъ, почему имѣетъ всѣ литературныя права на самостоятельное историческое бытіе подлѣ 1 Θесс. въ равномъ апостольскомъ достоинствѣ. Въ этой комбинаціи разумѣемый методъ оказывается скорѣе критическою придиркой. Подобное впечатлѣніе нѣсколько поспѣшно и для своего утвержденія нуждалось бы въ поддержкѣ съ другой стороны. Мы знаемъ, что бывшій защитникъ 2 Θесс.—американскій профессоръ Arthur Cushman McGiffert пришелъ къ отрицанію его главнымъ образомъ въ виду литературной близости къ 1 Θесс. (см. у *J. Ev. Frame,* p. 42). Собственно тутъ и заключается весь корень соблазна противъ 2 Θесс. (Prof. D. Dr. *Paul Wendland,* Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum, Tübingen ^{2}1912, S. 358 ff.), которое являлось бы вполнѣ безспорнымъ, еслибы не было предшествующаго ему 1 Θесс. (Prof. D. *Adolf Jülicher,* Einleitung in das Neue Testament, Tübingen $^{5-6}$1913, S. 56). Въ свою очередь проф. Ad. Harnack авторитетно свидѣтельствуетъ, что все сомнѣніе вызывается загадочностію столь тѣсной связи 2 Θесс. съ 1 Θесс. (op. cit., S. 561), когда позднѣйшее является непостижимою диттографіей ранѣйшаго (S. 575), между тѣмъ умалчиваетъ о немъ и, рисуя совсѣмъ иную перспективу, попираетъ или извращаетъ его (S. 561). Единственнымъ спасеніемъ считается гипотеза, что фактически 2 Θесс. было первымъ или написано хоть одновременно, при чемъ подлинность будетъ незыблемой (S. 573). Эта теорія разбирается и у о. Вл. Н. Страхова (стр. 54—55), но въ другомъ контекстѣ—хронологическаго характера и

частію по соотношенію съ критическими нападками. Здѣсь она теряетъ свою солидность и устраняется съ легкимъ сердцемъ, какъ напрасная или пристрастная фантазія. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторые даже полагали, что подобная мысль не найдетъ дальше серьезныхъ защитниковъ (Prof. *George Milligan,* p. XXIX). Совсѣмъ иное получается, если это есть главнѣйшій апологетическій аргументъ. Тогда онъ пріобрѣтаетъ исключительное значеніе и долженъ быть оцѣненъ со стороны его важности для научно-объективнаго рѣшенія вопроса о подлинности. А здѣсь встрѣчаются и почтенные голоса въ пользу гипотезы профессора Ад. Гарнака (*Willoughby C. Allen* and *L. W. Greensted,* Introduction to the Books of the New Testament, p. 112—113) и спеціальные опыты детальнаго обоснованія, что оба посланія спасаются лишь при измѣненіи теперешняго порядка между ними (*J. C. West,* The Order of 1 and 2 Thessalonians въ «The Journal of Theological Studies» XV, 57: October, 1913, p. 66—74); даже категорически принимается, что 2 Θесс. явилось раньше, написано въ Аѳинахъ и отправлено вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ (Prof. D. *Johannes Weiss,* Das Urchristentum I, S. 217 ff.). О. Вл. Н. Страховъ, конечно, не могъ знать эти позднѣйшія работы и не имѣетъ въ виду даже при текстуальныхъ разысканіяхъ о II, 13 (стр. 351—352), гдѣ для проф. Ад. Гарнака требуется чтеніе (вмѣсто ἀπ' ἀρχῆς) ἀπαρχῆς (S. 575 ff.), принимаемаго и нѣкоторыми другими авторами (напр., Prof. *Bernhard Weiss,* Das Neue Testament III, Leipzig ^{2}1902, S. 516; Prof. *H. B. Swete,* The Apocalypse of St. John, London ^{3}1911, p. 180);— но позволительно было ожидать, что авторъ глубже заглянетъ въ этотъ предметъ и освѣтитъ его въ аспектѣ апологетической защиты. Здѣсь неумѣстно вдаваться въ частности, и мы въ правѣ ограничиться краткими замѣчаніями. При всякихъ перестановкахъ оба посланія будутъ хронологически близкими, и самъ проф. Ад. Гарнакъ долженъ допустить, что 2 Θесс. написано одновременно съ 1-мъ или даже немного послѣ его, хотя отправлено съ однимъ посыльнымъ (S. 563, 564, 570, 572, 574, 575). Слѣдовательно, прямой необходимости въ новомъ распорядкѣ нѣтъ, и всѣ дальнѣйшія соображенія получаютъ чисто экзегетическій характеръ, ничуть не оправдывая прямо проектируемаго перемѣщенія. Говорится, что въ Θессалоникѣ были двѣ христіанскія группы (S. 577), и 1 Θесс. предполагаетъ язычниковъ (S. 562 ff.), чуждыхъ апокалиптики

(S. 568), а 2 Θесс. отсылаетъ къ небольшому обособленному кругу іудеевъ (S. 564, 565, 576—577), «начатку» (S. 569, 575—577) вѣрующихъ изъ обрѣзанія (S. 574), которые жили въ апокалиптическомъ мірѣ (S. 567). Здѣсь была яко бы истинно апостольская мудрость (S. 565), что св. Павелъ по апостольской душепопечительности оставлялъ въ своихъ общинахъ вмѣстѣ и независимо іудеевъ и язычниковъ (S. 574), которые въ началѣ вездѣ не сходились для совокупныхъ богослуженій (S. 566,1). Все это крайне искусственно и совершенно невѣроятно исторически (ср. *Jos. Knabenbauer,* p. 19). При такомъ обособленіи благовѣстникъ совсѣмъ неблагоразумно самъ создавалъ бы повсюду источники раздѣленія и заразу смутъ, ибо какъ могли безъ него сплотиться тѣ, которыхъ онъ самъ не объединилъ? Ему былъ слишкомъ ясенъ человѣческій наклонъ къ распаду, и даже по простой предусмотрительности Апостолъ долженъ былъ сразу водворять сліяніе, а послѣднее требовалось еще и принципіально-догматическимъ сознаніемъ фактической обязательности взаимнаго единства всѣхъ искупленныхъ по самому христіанскому бытію, которое необходимо является братски-солидарнымъ благодатнымъ союзомъ. Проектируемое раздвоеніе просто немыслимо,—и 1 и 2 Θесс. выдвигаютъ лишь новыя стороны въ настроеніи и развитіи читателей, гдѣ вполнѣ допустимы и варіаціи положенія и разности освѣщенія. Тогда не будетъ надобности въ измѣненіи принятаго распорядка при неизвѣстности намъ всѣхъ тогдашнихъ отношеній (Prof. *Ad. Harnack,* S. 573),—и гипотезы этого рода теряютъ даже апологетическій интересъ, хотя способствуютъ болѣе углубленному уразумѣнію предмета.

За отмѣченнымъ сейчасъ изъятіемъ, критическая часть разбираемаго труда отличается богатствомъ и солидностію. Кое-гдѣ не все какъ будто провѣрено собственнымъ изученіемъ, ибо, напр., De Wette (стр. 99) отказался отъ первоначальнаго взгляда уже въ четвертомъ изданіи своего «Введенія» (1842 г.), а не различаемыя авторомъ (стр. 94,1) сужденія Баура въ книгѣ объ Апостолѣ Павлѣ и въ особомъ трактатѣ (Die beiden Briefe an die Thessalonicher, ihre Aechtheit und Bedeutung für die Lehre von der Parusie Christi въ «Theologische Jahrbücher» XIV, 2, Tübingen 1855, S. 141—168) далеко несогласны, какъ это выразительно отмѣчено (S. 107,1) при перепечаткѣ второго въ первой (Paulus, der Apostel Jesu Christi, zw. Aufl., Band II, Leipzig 1867, S. 341—

369). Въ критикѣ опровергаемыхъ взглядовъ о. Вл. Н. Страховъ не всегда чутокъ къ ихъ подлинному содержанію и дѣйствительной силѣ, не попадая въ цѣль и не достигая успѣха. Указываютъ, что «слова ἐν πάσῃ ἐπιστολῇ неизвѣстный авторъ 2 Θесс. могъ поставить въ томъ только случаѣ, если бы онъ имѣлъ предъ своими глазами собраніе всѣхъ Павловыхъ посланій», но здѣсь будто бы лишь «незнаніе обычной практики древнихъ собственноручно подписывать свои посланія», соотвѣтственно чему и «апостолъ обращаетъ вниманіе на свой почеркъ, какъ на признакъ подлинности его посланій вообще» (стр. 86—87). Однако тутъ вся важность въ упоминаніи о «*всякомъ* посланіи», а это естественно предполагаетъ или наличность нѣсколькихъ, или факультативную несомнѣнность таковыхъ, между тѣмъ перваго не было, и второе едва ли предусматривалось (см. выше стр. 19), коль скоро самъ св. Павелъ яко бы «недостаточно высоко цѣнилъ свои посланія» (стр. 120)... Съ этой стороны требовалось бы особое объясненіе, какого въ книгѣ нѣтъ (стр. 381—382). Въ другомъ мѣстѣ полемически свидѣтельствуется, что «второе посланіе къ Θессалоникійцамъ не только не исключаетъ, но, наоборотъ, предполагаетъ существованіе перваго; безъ перваго посланія второе виситъ прямо на воздухѣ» (стр. 114). Критика именно и утверждаетъ это самое, развивая далѣе съ логическою непосредственностію, что 2 Θесс., очевидно, представляетъ лишь позднѣйшую переработку 1 Θесс. У нихъ находятъ еще ту несогласованность, что собственноручную работу св. Павелъ мотивируетъ и желаніемъ неотягощенія и въ качествѣ образца для подражанія. Это, конечно, относится къ разряду дѣтской критики—въ родѣ той, какъ дѣти требуютъ, чтобы сказка всегда передавалась одними и тѣми же словами (ср. † Prof. *George Salmon,* A Historical Introduction to the Study of the Books of the New Testament, London ⁴1894, p. 366, и см. Prof. *Robert Johnstone,* On Principles of Evidence in Critical Inquiry: with special reference to the New Testament, Edinburgh 1913, p. 19 sqq.). Однако о. Вл. Н. Страховъ оппонируетъ иначе, что вполнѣ допустима подобная двойственность освѣщенія (стр. 130), хотя фактически ея не было, ибо вѣдь примѣръ-то и сводился къ убѣжденію, чтобы никто не обременялъ другого безъ нужды. Заявляется, яко бы «авторъ-подѣльщикъ» воспользовался бы свойственными Павловыми выраженіями и не употребилъ бы менѣе обычныхъ (стр. 133),

но безъ послѣдняго не обходился во всемъ мірѣ ни одинъ подлогъ, а въ данномъ случаѣ никѣмъ не проповѣдуется, чтобы мнимый фальсарій 2 Θесс.—кромѣ 1 Θесс.—имѣлъ (все) собраніе Павловыхъ посланій, откуда извлекаетъ обычныя реченія нашъ авторъ, который аналогичные недочеты обнаруживаетъ и въ другихъ полемическихъ отдѣлахъ своего сочиненія. По словамъ о. Вл. Н. Страхова, «нельзя утверждать, что апостолъ въ лицѣ человѣка беззаконія и въ его дѣйствіяхъ изобразилъ именно гностицизмъ, потому что онъ ясно отличаетъ беззаконіе своего времени отъ всеобщаго отступленія, имѣющаго быть въ концѣ міра» (стр. 215—216). Тутъ замалчивается, что—по критическимъ теоріямъ—благовѣстникъ въ самомъ ближайшемъ времени ожидалъ этой рѣшительной катастрофы, которая неудачно называется у о. Вл. Н. Страхова «міровымъ концомъ» (стр. 33, 105, 361). «Подъ антихристомъ Буссэ [?! Бу́ссетъ!] разумѣлъ іудейскаго лжемессію, который игралъ роль уже въ дохристіанской іудейской апокалиптикѣ»; вопреки сему категорически отвергается, «чтобы идея антихриста, какъ іудейскаго лжемессіи, была произведеніемъ дохристіанской іудейской апокалиптики», ибо «представленіе объ антихристѣ, какъ объ іудейскомъ лжемессіи,—созданіе христіанское» (стр. 228). Изобличитель не хочетъ понять своего противника и борется съ искусственными абсурдами. Конечно, никто и никогда не думалъ, будто іудаизмъ изобрѣлъ вѣрованіе, что врагомъ Христа, какъ истиннаго Мессіи, будетъ іудейскій безбожный претендентъ. Но безспорно для всѣхъ освѣдомленныхъ въ предметѣ, что до христіанства и независимо отъ него была въ іудействѣ концепція лжемессіи, находившая немало историческихъ воплощеній, а вѣдь по прямому смыслу это есть идея антихриста, которая въ примѣненіи къ христіанству получала иное приложеніе, даже явно антіудейское. Такія предпосылки Буссета теоретически правильны, почему для 2 Θесс. II издревле (см., напр., у св. Ефрема Сирина въ Твореніяхъ его, ч. VII, Сергіевъ Посадъ 1913, стр. 245) принимаются многими учеными (см. † Prof. *Fr. Godet,* Introduction au Nouveau Testament: Introduction particulière I, Neuchatel 1893, p. 208—209; † Prof. *Auguste Sabatier,* L'Apôtre Paul, Paris ³1896, 110—111; Rev. *H. A. Kennedy,* St. Paul's Conceptions of the Last Things, London 1904, p. 218—219; Prof. *Caspar René Gregory,* Einleitung in das Neue Testament, Leipzig 1909, S. 659—660;

Prof. D. *A. Schlatter,* Die Theologie des Neuen Testaments II, Calw und Stuttgart 1910, S. 334; Rev. Prof. *James Moffatt* въ The Expositor's Greek Testament, p. 16, 17; Lic. Dr. *Martin Dibelius* въ Handbuch zum Neuen Testament III, Tübingen 1911, S. 33; Prof. *Ad. Jülicher,* Einleitung in das Neue Testament, S. 5—6 52; *J. A. McClymont,* New Testament Criticism, p. 242). Въ отрицаніе тожества антихриста съ сатаной подчеркивается, что второй будетъ дѣйствовать въ антихристѣ или черезъ него (стр. 245), но эта близость вполнѣ можетъ граничить съ поглощеніемъ человѣческой личности сатанинскою, какъ видимъ даже при демоническихъ одержаніяхъ.

Эти и другіе частные недостатки полемическихъ пріемовъ не ослабляютъ общаго впечатлѣнія серьезности авторской критики, которя не просто разрушаетъ, но и созидаетъ, подкрѣпляя положительное обоснованіе. Послѣднее поставлено широко и обезпечивается выясненіемъ «цѣли и ситуаціи посланія» (стр. 31—56) и «внѣшними и внутренними свидѣтельствами о происхожденіи» его (стр. 56—96). Для документальныхъ удостовѣреній привлекаются и анализируются всѣ доступныя данныя, въ числѣ коихъ упоминаются подъ неудачными квалификаціями «канонъ Моммзеніанскій» (стр. 67) и «метрическіе списки Григорія Назіанзина» (стр. 68). Матеріалъ собранъ богатый, но нуждался въ лучшемъ очищеніи и ближайшемъ приспособленіи. Не говоримъ о нѣкоторыхъ деталяхъ въ родѣ того, будто «въ новѣйшихъ канонахъ посланія расположены по ихъ объему» (стр. 55). Если столь туманная фраза относится только къ 1 и 2 Θесс., то надо бы соображать, что этимъ доселѣ пользуются для измѣненія хронологическаго распорядка между ними (Prof. *Johannes Weiss,* Das Urchristentum I, S. 217). Многими неясностями производитъ впечатлѣніе несамобытности и авторская рѣчь насчетъ Маркіона (стр. 56—57), прозываемаго «первороднымъ сатаною» (?) [1]) и награждаемаго (по западной номенклатурѣ) пѣлою «Библіею Маркіона», когда у него былъ сектантски обработанъ лишь Новый Завѣтъ, а далѣе о. Вл. Н. Страховъ повторяетъ маловразумительную и едва ли пріемлемую сентенцію, что тек-

[1]) О. Вл. Н. Страховъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что въ его первоисточникѣ здѣсь разумѣется *S. Irenaei* Adversus haereses III, 4 (Migne gr. VII, col. 853), гдѣ разсказывается, какъ на вопросъ Маркіона „ἐπιγνώσκεις ἡμᾶς;“ св. Поликарпъ отвѣтилъ: ἐπιγνώσκω τὸν πρωτότοκον τοῦ Σατανᾶ, „знаю первенца сатаны“.

стуальныя «измѣненія могли еще случиться предъ началомъ распространенія отдѣльныхъ Павловыхъ посланій, но въ этой стадіи новозавѣтнаго канона они совершенно невѣроятны» (стр. 73).

Особенно существеннымъ является то, что сближенія 2 Θесс. съ патристическими документами не всегда столь характерны и не обезпеченъ пріоритетъ перваго предъ вторыми. Одно связано съ другимъ, ибо—помимо критическихъ крайностей—надо согласиться, что общія выраженія могли употребляться независимо и ничего не даютъ для точной хронологіи, допуская обратное, что 2 Θесс. позднѣе. Это видимъ, напр., уже въ трактаціяхъ объ «апостольскихъ отцахъ», какъ о. Вл. Н. Страховъ почему-то [съ западнаго голоса?] называетъ «мужей апостольскихъ» (стр. 58). Здѣсь читаемъ, что «авторъ посланія Варнавы стоялъ въ литературной зависимости отъ 2 Θесс.» (стр. 58), между тѣмъ всякій безпристрастный читатель долженъ сказать, что тутъ нѣтъ никакого типическаго сходства, а тогда можно ли говорить съ такою рѣшительностію и не допустимо ли вліяніе Варнавина посланія, коль скоро принимается и у о. Вл. Н. Страхова (стр. 59), что оно позднѣе лишь лѣтъ на сорокъ? Утилизируется терминъ ὑπομονή, хотя у Варнавы чаще глаголъ ὑπομένειν (стр. 58), но не отмѣчена (стр. 59—60) болѣе созвучная параллель (для 2 Θесс. III, 5) у св. Игнатія Богоносца (Rom. X, 3), гдѣ † Bishop J. B. Lightfoot находилъ одинаковый смыслъ съ Апостоломъ, хотя и колеблется насчетъ точнаго значенія (The Apostolic Fathers, Part II, Vol. II, London ²1889, p. 234). Если устранить все проблемматичное и спорное, то получится весьма небольшой запасъ фактическихъ аналогій. Въ спеціальномъ и чуждомъ всякой партійной тенденціозности трудѣ этого рода, который можно и слѣдовало бы знать о. Вл. Н. Страхову, отмѣчаются всего лишь три совпаденія (The New Testament in the Apostolic Fathers, Oxford 1905, p. 75, 95), да и то одно (съ Игнатіемъ Б.) сомнительно, почему будутъ только два (Polyc. X, 3, 4 и 2 Θесс. I, 4; III, 15). Такіе рессурсы ближе къ нуждающейся скудости, чѣмъ къ импонирующему богатству.

Болѣе солидны и полезны старательныя наблюденія относительно павлинистическаго характера въ языкѣ 2 Θесс. Въ этой области научная аргументація можетъ пріобрѣтать характеръ неотразимой убѣдительности, но у нашего автора далеко не достигаетъ этого уровня. Прежде всего, утилизируемыя «пособія» (стр. 74) недостаточны и количественно и каче-

ственно. Не касаясь позднѣйшихъ трудовъ и ограничиваясь только отмѣченными нами категоріями, мы все-же находимъ существенные дефекты. «Словари»—почти всѣ устарѣвшіе и малопригодные, при чемъ для Гриммовскаго лексикона оказались неизвѣстными ни англійская обработка † проф. Joseph Henry Thayer'a, содержащая изобиліе важныхъ филологическихъ восполненій, которыя много бы просвѣтили и научили, ни editio quarta recognita, хотя это есть простая перепечатка (см. «Странникъ» 1904 г., № 1, стр. 202—203). Не упоминаются Дейсмановскія Bibelstudien и Neue Bibelstudien, объединенныя вмѣстѣ въ англійскомъ переводѣ The Bible Studies, Edinburgh 1901 (2-е изд. 1909 г. безъ измѣненій). О. Вл. Н. Страховъ остался внѣ новѣйшаго библейско-филологическаго движенія и лишился всѣхъ его пріобрѣтеній, а его разысканія получили архаическій интересъ и иногда совсѣмъ аннулировались. Правда, обобщающія работы этого порядка стали выходить послѣ [1]), но необходимо было ознакомиться хотя бы со сводными предварительными опытами, напр., въ Lexical Notes from Papyri Moulton'a и Milligan'a, печатавшимися въ журналѣ «The Expositor» съ 1908 г., a Vollständiges Griechisch-Deutsches Handwörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur von D. Dr. *Erwin Preuschen* (Giessen 1910) каждому русскому ученому можно было имѣть въ своей библіотекѣ даже въ началѣ 1910 года [2]). Особенно удивительно и прискорбно, что совсѣмъ не поименованъ и не употребляется спеціальный и пока единственный въ этомъ родѣ Der Wortschatz des Apostels Paulus von *Theodor Nägeli*, Göttingen 1905. Наряду съ грамматиками Blass'a и Wiener-Schmiedel'я обязательно было привлечь *James Hope Moulton*'a

[1]) Имѣемъ въ виду главнымъ образомъ The Vocabulary of the Greek New Testament illustrated from the Papyri and other non-literary Sources by the Rev. Professor *J. H. Moulton*, D. D., and the Rev. Professor *George Milligan*, D. D., разсчитанный на 6 частей; онъ былъ объявленъ еще въ январѣ 1914 г. (напр., при „The Journal of Theological Studies“ XV, 58: January, 1914, p. [2]), но запоздалъ выходомъ, и Part I (11+100: ἀβαρής—ἄφυκτος) получена нами въ Петроградѣ 1915, I, 2 (пятница), хотя еще 3 декабря 1914 г. мы имѣли возможность читать разъяснительную поправку къ ней самого проф. Моултона въ „The Expository Times“ XXVI, 3 (December 1914), p. 139, а отзывъ о первой части см. у Rev. Prof. *James Moffatt* въ „The Expositor“ 1915, II, p. 189—192.

[2]) Нѣсколько позже получился Novi Testamenti Lexicon graecum auctore *Francisco Zorell*, Parisiis 1911.

A Grammar of New Testament Greek, vol. I (Edinburgh 1906), выпущенную третьимъ изданіемъ еще въ 1908 году, а въ 1911-мъ изданную понѣмецки (Einleitung in die Sprache des Neuen Testaments, Heidelberg 1911). Для синонимики Тренча не указанъ нѣмецкій обработанный переводъ Synonyma des Neuen Testaments von R. Ch. Trench, ausgewählt und übersetzt von *Heinrich Werner*, mit einem Vorwort von Prof. D. Adolf Deissmann (Tübingen 1907) и опущенъ аналогичный трудъ *Gerhard Heine*, Synonymik des Neutestamentlichen Griechisch, Leipzig 1898. При старинной конкорданціи Bruder'а забыта новѣйшая *W. F. Moulton*'а и *A. S. Geden*'а, Edinburgh 1897. Совсѣмъ непостижимо совершенное игнорированіе спеціальной диссертаціи *Wilhelm Brüning*'а, Die Sprachform des zweiten Thessalonicherbriefes, Naumburg a. S. 1903, а для сравненія съ 1 Θесс. напрасно пропущенъ особый трактатъ у Prof. *Paul Schmidt*, Der erste Thessalonicherbrief neu erklärt, nebst einem Excurs über den zweiten gleichnamigen Brief, Berlin 1885 (S. 75—85: Die Sprachform). Терминологія о. Вл. Н. Страхова довольно своеобразна и не способствуетъ желательной ясности соображеній и выводовъ, если сообщается о «трехъ-членномъ составѣ предложеній» (стр. 80) и «трехъ-членныхъ періодахъ» (стр. 81), о «цѣпеобразныхъ соединеніяхъ словъ» и оборотовъ (стр. 80—81), о «широтѣ и (или) растянутости рѣчи» (стр. 82, 83, 132), о «контрастной сильной рѣчи» и о «выраженныхъ нарѣчіями опредѣленіяхъ, напр. ἐν φλογὶ πυρός» (?!) и под. (стр. 83), о «разговорныхъ и рѣчевыхъ аргументахъ» (стр. 134), объ «относительныхъ союзахъ» (стр. 276), etc. Частныя наблюденія далеко не во всемъ точны. Такъ, ἁγιασμός причисляется къ «техническимъ терминамъ Павловой догматики» (стр. 74), но вскорѣ фигурируетъ подъ рубрикою словъ, которыя изрѣдка встрѣчаются и въ другихъ новозавѣтныхъ посланіяхъ (стр. 76). Почитается «тяжелымъ сочетаніемъ» ἔργον πίστεως (стр. 83), но оно есть и въ 1 Θесс. I, 3 (ср. еще Рим. III, 12 νόμος πίστεως), а παράκλησιν αἰώνιον и ἐλπίδα ἀγαθήν 2 Θесс. II, 16 почему-то провозглашаются «употребленіемъ неподходящихъ эпитетовъ» (стр. 83), хотя потомъ принимаются безъ оговорокъ (стр. 357), и выраженіе ὄλεθρος αἰώνιος (ср. 4 Макк. X, 15. Прем. Сол. I, 12) признается такимъ, которое «нисколько не странно въ устахъ ап. Павла» (стр. 134). Προσεκληρώθησαν (Дѣян. XVII, 4) яко бы «заимствовано изъ Ветхаго Завѣта» (стр. 12, 1), между

тѣмъ его совсѣмъ нѣтъ у LXX-ти, о которыхъ вообще допускаются удивительныя сужденія. Такъ, мы читаемъ: «ἡ ἀποστασία употреблено у LXX въ I Макк.» (стр. 235), когда эта книга несомнѣнно принадлежитъ позднѣйшему времени на цѣлое столѣтіе, а Сир. совсѣмъ не привлекается къ LXX-ти, поскольку для περιεργάζεσθαι у послѣднихъ не дано параллели (стр. 373), имѣющейся Сир. III, 23 (24). Къ Ветхому Завѣту относится даже 4 Макк. (стр. 134), которая обычно пріурочивается къ первому вѣку *по* р. Хр. Для освѣщенія новозавѣтныхъ варіантовъ утилизируются (стр. 374) позднѣйшіе греческіе переводы Симмаха (II—III в.) и Ѳеодотіона (II в.) и для сравненія съ Дан. XI, 36—37 съ большими уклоненіями (καὶ ὁ βασιλεὺς ὑψωθήσεται вм. ὑψ. ὁ βασ.; прибавлено изъ LXX-ти ἐπὶ τὸν θεὸν τῶν θεῶν;—καὶ ἐπὶ πάντας θεοὺς τῶν πατέρων вм. καὶ ἐπὶ παντὸς θεοῦ τῶν πατέρων) перепечатывается версія второго (стр. 243—244 и ср. 384), которая, конечно, не могла быть извѣстна Апостолу Павлу. Сближенія съ ветхозавѣтнымъ вокабуляромъ страдаютъ неточностію и неполнотой. Это мы видимъ и въ трактаціи о важнѣйшемъ реченіи ἡ ἀποστασία, гдѣ не отмѣчены I. Нав. XXII, 22; 3 Цар. XX (XXI), 13 (по cod. Alex.) и ср. 10; 2 Пар. XXIX, 19. XXXIII, 19; Іер. II, 19. Что «у пр. Даніила ἡ ἀποστασία имѣетъ смыслъ также религіозный»,—для сего приводятся изъ VIII, 23 и XI, 30 цитаты объ «отступникахъ» «святого завѣта» (стр. 236); а тамъ слово ἡ ἀποστασία отсутствуетъ у LXX-ти и у Ѳеодотіона. Свидѣтельствуется (стр. 236), что «у пр. Осіи 14, 2 ἀποστασία... означаетъ отпаденіе Израильскаго народа отъ Іеговы: „Обратись, Израиль, къ Господу Богу твоему, ибо ты упалъ отъ нечестія твоего“», но погречески тутъ читается:... ἠσθένησας ἐν ταῖς ἀδικίαις σου. Для περιεργάζεσθαι не допускается ни одной ветхозавѣтной параллели (стр. 373), потому что авторъ забылъ о Сир. III, 23 (24).

Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ недочетовъ не отличается совершенною точностію и ближайшая характеристика языка 2 Ѳесс. Въ пользу «полной самостоятельности его сравнительно съ другими посланіями ап. Павла» выдвигаются ἅπαξ λεγόμενα, а между ними непонятнымъ образомъ различаются двѣ категоріи—словъ «находящихся *только* во 2 Ѳесс.», и такихъ, «которыя находятся *только* во 2 Ѳесс. и которыхъ нѣтъ въ другихъ посланіяхъ ап. Павла» (стр. 78). Разность—не всѣмъ не очевидная. Авторъ хочетъ сказать, что первыхъ—кромѣ 2

Θесс.—нѣтъ въ Новомъ Завѣтѣ вообще, а вторыхъ—во всѣхъ остальныхъ Павловыхъ посланіяхъ. Во всемъ этомъ немало недоумѣннаго или невѣрнаго. Въ первомъ разрядѣ названо σημειοῦν вмѣсто σημειοῦσθαι и выдѣляются ἔνδειγμα, καλοποιεῖν и ὑπεραυξάνειν, которыхъ яко бы «нѣтъ ни у LXX-ти, ни у греческихъ авторовъ» (стр. 78). Правильно здѣсь лишь первое, поскольку всѣ эти три термина извѣстны у греческихъ писателей (см. напр., у *Heinrich Ebeling,* Griechisch-deutsches Wörterbuch zum Neuen Testament, Hannover und Leipzig 1913, S. 149, 219, 406) и встрѣчаются въ обыкновенной рѣчи апостольскаго вѣка, ὑπεραυξάνω нѣсколько разъ попадается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ, а καλοποιέω находится въ варіантѣ Лев. V, 4 (Prof. *George Milligan,* p. LIII) и заслуживало бы особаго обсужденія со стороны его павлинистическихъ свойствъ. Для этого обязательно было вспомнить о τὸ δὲ καλὸν ποιοῦντες Гал. VI, 9 и по вопросу о словообразованіи сослаться на κακοποιέω 1 Петр. II, 14 и нерѣдкія καλῶς ποιέω въ папирусахъ (Prof. *George Milligan,* Selections from Greek Papyri, Cambridge 1912, p. 7, 58). Насчетъ 11 словъ второй категоріи нужно полагать, что вся она появлялась по недосмотру или по недоразумѣнію—съ голоса ученыхъ, отвергающихъ Павлово происхожденіе посланія къ Евреямъ. О. Вл. Н. Страховъ многими примѣрами (стр. 74, 77, 78, 133, 326, 377) убѣждаетъ, что подобный взглядъ ему чуждъ; но есть достаточно и другихъ случаевъ напраснаго забвенія, когда непремѣнно надо было бы вспомнить это посланіе (см., напр., стр. 319, 325, 341, 351). Въ немъ изъ 11 поименованныхъ словъ употребляются ἀναιρεῖν X, 9, ἐπισυναγωγή X, 25 (ср. *J. Ev. Frame,* p. 245) и μιμεῖσθαι XIII, 7. Касательно павлинистическихъ свойствъ языка слѣдовало бы рельефно оттѣнить филологически-докринальное сходство съ миссіонерскими рѣчами въ Дѣян. (Prof. *George Milligan,* p. LXIV), весьма знаменательное для раннихъ апостольскихъ посланій въ разныхъ отношеніяхъ.

Послѣ всего предшествующаго неудивительно, что и конечные выводы по данному предмету не обладаютъ безспорностію. Заключеніе дается не очень благопріятное, что «второе посланіе къ Θессалоникійцамъ въ общемъ написано языкомъ неуклюжимъ, не настолько литературнымъ, какъ другія посланія Павла. Въ немъ почти нѣтъ слѣдовъ той необыкновенной живости языка, той простоты и естественности, той краткости и сжатости рѣчи, какія являются характерными чертами по-

сланій ап. Павла. Недостатокъ этихъ характерныхъ особенностей объясняется ветхозавѣтною окраскою посланія» (стр. 82). Во 2 Θесс. «нѣтъ правильнаго построенія періодовъ, а есть только простое, съ грамматической точки зрѣнія совершенно неправильное, нанизываніе мыслей» (стр. 80). Это и рѣзко и не согласовано, если тутъ же мы читаемъ (стр. 82), что «стиль посланія образный, воззрительный, свойственный языку пророческому, или вообще, восточному» (?), чѣмъ, конечно, создавалась весьма яркая живость; равно и послѣ читаемъ о нѣкоторыхъ отраженіяхъ поэтической рѣчи (стр. 301, 302) и аттическаго языка (стр. 318). Компетентные авторы не подтверждаютъ столь уничижительныхъ отзывовъ, удостовѣряя, что въ 1—2 Θесс., являющихся нормальнымъ типомъ Павловыхъ посланій (ср. Prof. *George Milligan*, The New Testament Documents, their Origin and Early History, London 1913, p. 96), Апостолъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи обширный греческій вокабуляръ и пользовался имъ почти какъ вторымъ природнымъ языкомъ (Prof. *George Milligan*, St. Paul's Epistles to the Thessalonians, p. LV), а въ стилѣ, выдержанномъ и правильномъ (direct and regular), нѣтъ небрежности, и оба посланія не чужды отличныхъ пассажей, если и не равныхъ съ позднѣйшими великолѣпными образцами, то подготовительныхъ къ нимъ; св. Павелъ обладалъ высшимъ даромъ великаго писателя — въ инстинктивномъ чувствѣ къ подбору самыхъ подходящихъ словъ, почему, пиша просто и избѣгая преобладавшей въ тѣ дни риторичности, умѣетъ оттѣнить и подчеркнуть искуснымъ распорядкомъ словъ, картинными реченіями, вносными вопросами и даже игрою словъ (р. LVII). Вокабуляръ обоихъ этихъ посланій — павлинистическій, хотя въ первомъ немного богаче, а фразы и обороты обнаруживаютъ изобильное Павлово творчество (*J. Ev. Frame*, p. 28, 31, 32). Ветхозавѣтныя вліянія ничуть не подавляютъ этихъ качествъ, и глаголъ αἱρεῖσθαι употребляется въ Филип., 2 Θесс. и Евр. совершенно погречески въ смыслѣ «избирать», замѣняемаго въ 1 Кор. и Ефес. черезъ ἐκλέγεσθαι, когда въ обиходной Κοινή первое значило «желать» (см. *Th. Nägeli*, S. 82). Еще болѣе существенно, что во 2 Θесс. первая глава полна предметными и языковыми библейскими реминисценціями, хотя безъ цитатъ (*J. Ev. Frame*, p. 229, 234), но о ней прямо утверждаютъ (Prof. *Ad. Harnack* l. cit., S. 567), что по стилю и періодичности это есть обращикъ Павловой рѣчи («Muster

paulinischer Diction»). «Ветхозавѣтная окраска» излишне преувеличивается, какъ увидимъ ниже (стр. 46 сл.) и не объясняетъ вполнѣ языковыхъ особенностей 2 Θесс. уже потому, что во многихъ типическихъ чертахъ онѣ не зависятъ отъ нея, будучи индивидуально-павлинистическими, о чемъ сказано у автора гораздо меньше и блѣднѣе. Впрочемъ, эта ветхозавѣтная стихія безспорна и требовала бы сосредоточеннаго вниманія съ другой стороны—по ея происхожденію; при этомъ открылось бы, что она вполнѣ умѣстна, естественна и законна именно въ раннюю благовѣстническую эпоху, когда письменнымъ источникомъ религіозно-мессіанскаго назиданія могъ служить лишь Ветхій Завѣтъ. Здѣсь была бы прочная опора для широкихъ наблюденій и важныхъ выводовъ самаго разнообразнаго характера,—тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что данный моментъ, будучи существеннымъ въ исторіи первенствующаго христіанства, почти совершенно забывается изслѣдователями.

И о. Вл. Н. Страховъ, примѣнивъ только филологическій масштабъ, утрировалъ «ветхозавѣтную окраску». Во всякомъ случаѣ наряду съ нею были другіе факторы, которые непосредственнѣе и сильнѣе способствовали языковой оригинальности 2 Θесс. въ его единичной отдѣльности. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ спеціальнаго упоминанія по прямой пригодности для самаго истолкованія. Давненько было высказано (см. Prof. *J. Rendel Harris*, A Study in Letter-Writing въ «The Expositor» 1898, IX, p. 168 sq. и ср. XII, p. 404) и яко бы хорошо возстановлено (Rev. Prof. *W. Lock* y James Hastings въ The Dictionary of the Bible IV, Edinburgh 1902, p. 744,1), что 1 Θесс. частію отвѣчаетъ на письмо Θессалоникійцевъ и иногда воспроизводитъ его [1]). Эта догадка, допускавшая ранѣе и для другихъ Павловыхъ посланій [2]), не менѣе возможна для 2 Θесс., а въ послѣднее время примѣняется къ нему не безъ успѣха (см. *J. Ev. Frame*, p. 19, 21, 219, 220, 221, 288, 290, 295) при объясненіи нѣкоторыхъ характерныхъ частностей (напр., выразительнаго ὀφείλομεν I, 3, II, 13, καθὼς ἄξιον I, 3, αὐτοὺς ἡμᾶς I, 4, καί въ εἰς

[1]) И *Fritz Tillmann* допускаетъ (Die Wiederkunft Christi, S. 52), что φθάνειν 1 Θесс. IV, 15 заимствовано Апостоломъ изъ устъ самихъ Θессалоникійцевъ, ибо только здѣсь употребляется у св. Павла въ смыслѣ praevenire.

[2]) Такъ, Rev. Prof. *Walter Lock* доказываетъ, что въ 1 Кор. VIII прямо цитуется письмо Коринѳянъ къ Апостолу Павлу (I. Corinthians VIII. 1—9: a Suggestion въ „The Expositor“ 1897, VII, p. 65—74). Это принимаетъ и Rev. Prof. *G. G. Findlay*, Paul's First Letter to the Corinthians въ „The Expositor“ 1915, IV, p. 303,2, 309,2.

ὃ καί I, 11) и при устраненіи экзегетическихъ трудностей (III, 1—5), между тѣмъ этому предположенію вовсе не противорѣчитъ ἀκούομεν III, 11, гдѣ констатируется лишь освѣдомленіе безъ точной квалификаціи конкретнаго способа, устнаго или письменнаго (ср. *J. Ev. Frame*, p. 220, 306 и Prof. *Ernest De Witt Burton*, Syntax of the Moods and Tenses in the New Testament Greek, Chicago 1893, p. 10, § 16: «The use of ἀκούω meaning *I am informed* is more nearly a proper Present for Perfect»). Намъ лично представляется, что будутъ болѣе естественны по своему происхожденію довольно загадочныя реченія 2 Θесс. II, 2, если видѣть въ нихъ отраженіе письменныхъ формулъ въ обращеніи къ Апостолу самихъ Θессалоникійцевъ, для которыхъ былъ понятенъ отвѣтъ на ихъ языкѣ, хотя мы, не зная вполнѣ послѣдняго, должны ограничиваться вѣроятностію. Заключительная фраза ὡς ὅτι ἐνέστηκεν ἡ ἡμέρα τοῦ Χριστοῦ (Κυρίου) напоминаетъ прямую цитату, при чемъ ὡς отмѣчаетъ апостольское сужденіе [1]), а ὅτι подчеркиваетъ буквалистическую точность тезиса. Тогда исчезаетъ нѣкоторая примрачность и этого сочетанія (ср. *Friedrich Blass'* Grammatik des neutestamentlichen Griechisch, 4-te Aufl. besorgt von Dr. phil. Albert Debrunner, Göttingen 1913, § 396, S. 227—228) и perfectum'а ἐνέστηκεν, которое—иначе—требуетъ разныхъ окольныхъ пріемовъ для уразумѣнія того, какъ можно было говорить о совершившемся фактѣ, коль скоро его еще не находилось въ наличности, — и потому «буквальное значеніе... не совсѣмъ подходило къ положенію читателей», ибо «ни одинъ христіанинъ того времени не могъ сказать, что день Господень уже наступилъ» (см. у о. *Вл. Н. Страхова*, стр. 325). Теперь мы получаемъ, что таковъ былъ собственно лишь спеціальный лозунгъ Θессалоникійскихъ прозорливцевъ, а для ихъ восторженной экзальтированности ничуть неудивительно, что это желанное событіе казалось имъ фактически начавшимся въ качествѣ нѣлаго періода славнаго мессіанскаго царства (ср. *J. Ev. Frame*, p. 248, 264) [2]).

[1]) Въ этомъ же смыслѣ и въ упоминаніи о письмѣ II, 2 ὡς не отрицаетъ непремѣнно принадлежности его св. Павлу, какъ думаетъ Prof. *Wilhelm Schmiedel* (въ Hand-Commentar zum Neuen Testament, herausg. von † Prof. H. J. Holzmann u. And., II, 1, Freiburg i. B. ²1892, S. 37), а лишь присоединяетъ апостольское сужденіе къ факту, неправильно примѣнявшемуся у Θессалоникійцевъ (см. выше стр. 17—18).

[2]) Ср. у *Fritz Tillmann*, S. 72, что во 2 Кор. VII, 25 ἐνεστῶσα „bedeutet stets etwas, was schon da ist, etwas Gegenwärtiges, also zum mindesten

II.

Текстуально-критическіе вопросы и—о значеніи славянскаго перевода.—Филологическіе пріемы и экзегетическія примѣненія.

Послѣдній примѣръ уже непосредственно соприкасается съ экзегетикой и отсылаетъ къ нарочитому разсмотрѣнію ея, какъ главнѣйшаго предмета всей авторской работы. Всѣми предшествующими предвареніями эта часть хорошо подготовлена, удовлетворительно обезпечена и здѣсь пріобрѣтаетъ для себя прочную научную почву. Естественно, что на такомъ солидномъ фундаментѣ и сама она утверждается съ ученою внушительностію. Въ ней принимаются и осуществляются всѣ обязательныя экзегетическія нормы. Таковыя три основныя экзетическія требованія, чтобы 1) установленъ былъ комментируемый текстъ, 2) раскрытъ по его ближайшему филологическому смыслу и 3) освѣщенъ съ идейно-предметной стороны. Всѣ эти условія систематически примѣняются о. Вл. Н. Страховымъ, обращая насъ къ частнѣйшей характеристикѣ его труда съ этихъ сторонъ.

Текстуальные вопросы представляли весьма не легкую задачу, ибо для 1—2 Θесс. имѣется около 600 греческихъ манускриптовъ (*J. Ev. Frame*, p. 55), а сверхъ того немало побочныхъ пособій въ видѣ разныхъ переводовъ и патристическихъ цитатъ. Матеріалъ привлекается достаточный, и я не могу упрекать въ особыхъ опущеніяхъ, на которыя напрашивается самъ о. Вл. Н. Страховъ. Вслѣдъ за своимъ достопочтеннѣйшимъ руководителемъ (см. «Журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи» за 1911 г., стр. 102), онъ въ позднѣйшемъ критическомъ этюдѣ буквально повторяетъ его ультиматумъ, что «изученіе славянской текстологіи является не только общенаучнымъ, но и патріотическимъ долгомъ всѣхъ славянскихъ богослововъ, занимающихся толкованіемъ Библіи» (см. «Богословскій Вѣстникъ» 1913 г., № 11, стр. 637). Это слишкомъ торжественно и столь преувеличенно, что теряетъ научную обязательность. Славянскій переводъ, конечно, подлежитъ ближайшему вѣдѣнію славянскихъ ученыхъ, но лишь въ мѣру своего истиннаго достоинства. Онъ служитъ величайшимъ памятникомъ славянской литературы и языка, будучи всегдашнимъ источникомъ христіанской культуры сла-

etwas das, da es einzutreten begonnen hat, schon der Gegenwart angehört". См. и Prof. *Th. Zahn*, Einleitung in das Neue Testament [3], S. 167.

вянства,—и въ этомъ отношеніи вполнѣ безспорна его исключительная важность. Всестороннее объективное выясненіе послѣдней есть несомнѣнный долгъ славянской науки, которая и по личной заинтересованности и по внутреннему сродству болѣе всѣхъ призвана и компетентна къ выполненію высшихъ запросовъ знанія въ этой области. Но совсѣмъ иное дѣло, когда рѣчь идетъ о текстуальной критикѣ. И по своей вторичности, и по времени происхожденія славянскій переводъ вовсе не имѣетъ собственнаго текстуальнаго значенія, и его варіанты не въ состояніи ни усилить, ни ослабить того или другого чтенія, потому что не обладаютъ самостоятельнымъ голосомъ. Онъ является позднѣйшимъ переводнымъ снимкомъ извѣстнаго текстуальнаго типа и можетъ вспомогательно способствовать къ реставраціи его первоначальнаго, подлиннаго вида, да и то лишь добавочно къ другимъ пособіямъ, болѣе древнимъ и авторитетнымъ. Понятно, что при нихъ славянскій переводъ въ частностяхъ теряетъ право даже на систематическое упоминаніе въ текстуальномъ аппаратѣ, поскольку это будетъ напраснымъ количественнымъ нагроможденіемъ въ пользу того, что достовѣрно уже независимо отъ него, а имъ не подкрѣпляется ни на іоту свыше сего. Когда у насъ налицо самый оригиналъ, — копія совершенно излишня, при отсутствіи же перваго вторая утрачиваетъ авторитетность, однако и этотъ случай безпримѣренъ и говорилъ бы просто о нѣкоторой отдаленной пригодности славянскаго перевода для реконструкціи предполагаемой имъ греческой рецензіи. Отсюда ничуть не слѣдовало бы текстуально-критической плодотворности его для установки опредѣленныхъ частныхъ чтеній, которыя утверждаются на свидѣтельствахъ прямо несоизмѣримой съ нимъ цѣнности. Нѣсколько выше экзегетическая значимость славянскаго перевода, дающаго свою интерпретацію греческихъ реченій и закрѣпляющаго за ними извѣстное толкованіе, хотя понятно, что и здѣсь подлинная роль будетъ весьма небольшая, ибо не обезпечена ни обоснованною солидностію, ни почтенною древностію, ни выдержанною систематичностію. По всѣмъ этимъ причинамъ мы считаемъ частичное текстуальное использованіе славянскаго перевода простымъ засореніемъ и порчею научнаго аппарата безъ всякихъ плодотворныхъ результатовъ. Послѣдніе могли бы еще получиться, еслибы для каждой взятой новозавѣтной книги брался весь славянскій переводъ ея въ цѣлости и освѣщался по общимъ своимъ

особенностямъ. Тогда постепенно накоплялся бы провѣренный и обработанный матеріалъ для научной характеристики и текстуальной оцѣнки всего новозавѣтнаго славянскаго перевода, но, конечно, и это для потребностей и видовъ экзегетики не является ни принципіальнымъ, ни патріотическимъ долгомъ, служа побочнымъ цѣлямъ.

Скорѣе было бы нашею патріотическою миссіей тщательное освѣдомленіе съ общенаучною текстуальною критикой и строгое ея примѣненіе въ экзегетическихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи мы наиболѣе нуждаемся, ибо недалеко ушли отъ примитивности: — наши текстуальныя знанія слабы и неглубоки, а текстуально-критическіе пріемы случайны и необоснованны. Вотъ здѣсь и нужно бы съ особенною старательностію потрудиться ради объективныхъ интересовъ русской науки. И нельзя не сочувствовать, что о. Вл. Н. Страховъ обнаруживаетъ большую внимательность по этой части непрерывными текстуально-критическими замѣчаніями и трактаціями. Однако въ нихъ не усматривается предметной ясности и принципіальной выдержанности. Авторъ не даетъ никакого общаго обзора текстуальныхъ матеріаловъ, лишая себя и читателей надлежащей научной оріентировки, между тѣмъ есть указанія, что и самъ онъ не все постигъ съ отчетливостію. Отсюда неизбѣжны неточности, колебанія, несогласованности, туманности, хотя о. Вл. Н. Страховъ обладалъ особо выгоднымъ преимуществомъ въ существованіи спеціальной текстологической работы (*Friederich Zimmer*'a, Der Text der Thessalonicherbriefe samt textkritischem Apparat und Kommentar nebst einer Untersuchung der Individualität und der Verwandschaft der Textzeugen der Paulinishen Briefe, Quedlinburg 1893), а это удобство встрѣчается крайне рѣдко и было для автора столь велико, что онъ уже мало обращаетъ вниманія на аналогичные труды современнаго патріарха по новозавѣтной экзегетикѣ, берлинскаго профессора Bernard'a Weiss'a.

При такихъ пособіяхъ можно бы ожидать лучшихъ результатовъ и меньшихъ дефектовъ. Самыя критическія изданія *называются и характеризуются не всегда вѣрно. Константируется* (къ II, 8) даже «Эльзевирское изд. *Библіи*» (стр. 339), но столь высокой чести вовсе не принадлежитъ этимъ лейденскимъ типографамъ, братьямъ Бонавентурѣ и Абраму Эльзевирамъ, издававшимъ греческій Новый Завѣтъ (1624, 1633, 1641, 1656, 1662, 1678 г.г.). Затѣмъ, приводятся не всѣ ва-

ріанты, конъектуры и авторитеты. Возбуждаетъ много затрудненій I, 10 и—въ частности—глаголъ ἐπιστεύθη, который способенъ приводить въ отчаяніе своею внѣшнею непригодностію къ контексту (ср. Prof. *George Milligan*, p. 92). Авторъ дѣлаетъ широкія разысканія (стр. 307—309), но умалчиваетъ, что въ виду безнадежности положенія компетентнѣйшій † Prof. F. J. A. Hort рекомендовалъ ἐπιστώθη (The New Testament in the Original Greek: Notes, p. 128, и Text, p. 579), которое иногда и отмѣчается (ad loc.) въ качествѣ варіанта (Prof. *Alexander Souter*, Novum Testamentums graece, Oxonii 1910), какъ поддерживаемое нѣкоторыми позднѣйшими авторитетами (mss. 104 и 469, отъ XI и XIII—XIV в., и Амросіастъ). Для II, 11 наряду съ πέμπει и πέμψει не отмѣчено (стр. 346) чтеніе Безы πέμψῃ, а къ II, 8 не показано (стр. 339), что у Westcott-Hort'a въ текстѣ ἀνελεῖ, принятое теперь и † Prof. Hermann von Soden'омъ.

Руководящія начала текстуальныхъ операцій о. Вл. Н. Страхова весьма эластичны. Онъ склоненъ брать хорошо засвидѣтельственное (стр. 364,2 къ III, 4 объ ὑμῖν) и лучшими текстуальными поручителями называетъ (стр. 363,1 для III, 3) ℵBD***EKL по сравненію съ AFG. Здѣсь не усматривается должной оцѣнки манускриптовъ по взаимному соотношенію, ибо F. J. A. Hort аргументировалъ, что E (E_3) и F (F_2) не имѣютъ самостоятельнаго значенія, разъ первый почитается простою перепиcью D (D_2), а второй—тоже для G (G_3) или низшая копія общаго для нихъ экземпляра (W.-H., Introduction § 203, 149—150; ср. *Edward Ardon Hutton*, An Atlas of Textual Criticism, Cambridge 1911, p. 43). Чаще предпочитаются варіанты, обильнѣе подкрѣпляемые текстуальными голосами (стр. 351—352 за ἀπ' ἀρχῆς въ II, 13). Авторъ придаетъ такую великую силу текстуальнымъ удостовѣреніямъ, что слѣдуетъ имъ при самой внушительной древности другихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ (стр. 301 для I, 9 за ὄλεθρον противъ ὀλέθριον) и прямо отвергаетъ менѣе обезпеченныя текстуально чтенія (стр. 330 прим. къ III, 6). Текстуальные факторы рѣшаютъ дѣло въ пользу извѣстнаго чтенія, хотя бы оно было необычно (стр. 13 прим. о Дѣян. XVII, 4). Послѣднее качество получаетъ преобладающій вѣсъ и начинаетъ конкуррировать съ тѣкстуальною засвидѣтельствованностію настолько, что рекомендуется предпочитать чтенія именно необычайныя (стр. 299 для I, 8), рѣдкія (стр. 348,1 объ ἅπαν-

τες II, 12) и болѣе оригинальныя (стр. 370 прим. для III, 6). Провозглашается верховенство Лахмановскаго принципа «praestat lectio ardua» до того, что лучшее по текстуальнымъ даннымъ (въ I, 4) устраняется, какъ не первоначальное, по его обычности (стр. 282), которая служитъ плохою репутаціей и способствуетъ провалу (стр. 363,1 для III, 3). Текстуальная удостовѣрительность существенно подрывается въ своей показательной и вершительной энергіи, но и необычность не замѣняетъ ее вполнѣ. Наоборотъ, иногда первая санкціонируется собственно потому, что благопріятствуетъ обыкновенному и болѣе принятому (стр. 267—268 объ I, 1—2). Объективный критерій для оцѣнки текстуальныхъ матеріаловъ исчезаетъ,—и намъ безъ надлежащихъ критическихъ обоснованій прямо заявляется, что въ III, 13 «форма ἐκκακήσητε, несмотря на то, что она засвидѣтельствована лучше двухъ другихъ [ἐνκακήσητε и ἐγκακήσητε], есть, повидимому, позднѣйшая поправка» (стр. 374). Теперь открывается просторъ для индивидуальнаго субъективизма, и предъ нами выдвигаются уже «внутреняя вѣроятность» (стр. 346 къ II, 11) и гипотетическая догадочность (стр. 145,1).

Во всемъ предшествующемъ проглядываетъ теоретическая неотчетливость въ текстуально-критическихъ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ существуютъ принципіальныя нормы. Такъ, въ собственно текстуальномъ преданіи наиболѣе важно генетическое соотношеніе mss., возводящее тѣ или иныя чтенія къ древнѣйшимъ общимъ первоисточникамъ въ индивидуальныхъ родоначальникахъ разныхъ теченій. Тогда послѣднія будутъ соизмѣряться не количествомъ голосовъ, а засвидѣтельствованною принадлежностію къ основнымъ типамъ и должны опредѣляться ихъ текстуальною важностію. Въ наши дни это начало справедливо выдвинуто на первый планъ † Prof. Hermann v. Soden'омъ, столь несчастно скончавшимся 2 (15) января 1914 г. по завершеніи своего колоссальнаго труда, и безусловно преимуществуетъ надъ ариѳметическимъ плебисцитомъ кодексовъ. А для оцѣнки самыхъ чтеній надо отрѣшиться отъ гипноза Лахмановской формулы. Ея крайность видна уже по неизбѣжной логической абсурдности, если самъ провозвѣстникъ приглашалъ всегда предпочитать необычные варіанты, хотя бы они казались безсмысленными. Наоборотъ, наиболѣе принятое у извѣстнаго писателя бываетъ вполнѣ естественнымъ для него и потому гораздо вѣроятнѣйшимъ. Это

истинно не только для сходныхъ отрывковъ, какъ убѣдительно проф. George Salmon доказывалъ по отношенію къ синоптикамъ (Some Thoughts on the Textual Criticism of the New Testament, Dublin 1897), но и въ качествѣ повсюднаго текстуально-критическаго руководства. Рѣдкость же по самой своей необычайности возбуждаетъ законное сомнѣніе и можетъ возобладать надъ ординарностію лишь при особо усиленныхъ и превосходящихъ удостовѣреніяхъ. Уклоненіе отъ этихъ простѣйшихъ требованій сопровождается неизбѣжными возмездіями. Для иллюстраціи отмѣтимъ, что въ III, 6 принимается «менѣе употребительная александрійская форма» παρελάβοσαν (стр. 370 прим.), но это есть собственно эллинистическое окончаніе (ср. *Blass-Debrunner*, Grammatik, § 84, S. 49), и оно столь единично въ папирусахъ, что сразу вызываетъ научное подозрѣніе (Prof. *James Hope Moulton*, A Grammar of New Testament Greek, Edinburgh ^{3}1908, p. 52, и понѣмецки Einleitung in die Sprache des Neuen Testaments, Heidelberg 1911, S. 76—77), какъ явившееся по ошибкѣ зрѣнія въ связи съ предшествующимъ παράδοσιν (W.-H., Notes, p. 172), и должно уступить первенство нормальному παρελάβετε (см. Prof. *George Milligan*, p. 113; *J. Ev. Frame*, p. 300).

При обрисованныхъ условіяхъ вполнѣ натурально для разсматриваемаго сочиненія, что частныя текстуально-критическія реконструкціи о. Вл. Страхова отличаются иногда зыбкостію и неясностію. Въ II, 8 изъ четырехъ варіантовъ ἀναλοῖ, ἀνειλεῖ, ἀναλώσει и ἀνελοῖ онъ принимаетъ второе (послѣклассическое fut. отъ ἀναιρέω), усвоенное новѣйшими издателями на основаніи BAP, поскольку «находится уже у Исаіи 11, 4 и потому заслуживаетъ предпочтенія предъ остальными» (стр. 339—340). Аргументъ тѣмъ менѣе убѣдительный, что не всѣ стороны дѣла захвачены и освѣщены по должному. Противъ ἀναλοῖ выставляется, что «у Оригена соотвѣтственно этому чтенію слѣдуетъ далѣе καταργεῖ» (стр. 340), но тутъ важность не въ «соотвѣтствіи», а въ томъ, что явное уклоненіе для формы послѣдняго глагола внушаетъ тоже и для перваго. Однако ἀναλοῖ выгодно выдѣляется тѣмъ преимуществомъ, что даетъ готовый ключъ къ выясненію генезиса двухъ другихъ варіантовъ, изъ коихъ ἀναλώσει могло быть грамматическою поправкой ради согласованія съ ближайшимъ καταργήσει, а ἀνελοῖ — ошибкою правописанія или объединеніемъ начертаній ἀναλοῖ и ἀνελεῖ. Этотъ моментъ всегда сохраняетъ су-

щественную, иногда рѣшающую важность въ текстуально-критическихъ вопросахъ и не рѣдко утилизируется самимъ о. Вл. Н. Страховымъ, почему въ настоящемъ случаѣ его вердиктъ является недостаточно мотивированнымъ. А касательно III, 14 у него царитъ какой-то таинственный туманъ, если не допустить неоговоренныхъ опечатокъ. Тамъ констатируются три варіанта: μὴ συναμίγνυσθαι, καὶ μὴ συναναμίγνυσθε и μὴ συναναμίγνυσθε. «При сильномъ колебаніи рукописей вообще первое чтеніе συναναμίγνυσθαι лучше засвидѣтельствовано, чѣмъ второе и третье», хотя «не столько внѣшнія свидѣтельства.., сколько логическій смыслъ говоритъ въ пользу инфинитива συναναμίγνυσθαι», между тѣмъ «μὴ или καὶ μὴ συναναμίγνυσθε возникло, вѣроятно, вслѣдствіе трудности толковать инфинитивное предложеніе послѣ σημειοῦσθε»; однако «мы лишній разъ убѣждаемся въ томъ, что чтеніе—καὶ μὴ συναναμίγνυσθαι—невозможно, ибо тогда σημειοῦσθε не имѣетъ подходящаго смысла» (стр. 377). Здѣсь безъ надлежащаго соотношенія смѣшиваются различные критеріи, и въ результатѣ все оказывается неяснымъ, поелику наиболѣе удостовѣренное текстуально и логически чтеніе въ концѣ концовъ «невозможно»... Это просто какая-то удивительная путаница. Она могла быть простою случайностію, но достаточно иллюстрируетъ, что текстуально-критическія операціи нашего автора не всегда приводятъ къ надежному успѣху. Подтвержденіе сему мы находимъ и въ трактаціяхъ даже о кардинальныхъ теологическихъ концепціяхъ, напр., о II, 8, гдѣ есть колебаніе между ὁ Κύριος Ἰησοῦς и краткимъ ὁ Κύριος. Голосъ кодексовъ — ℵAFPF за первое и BKL за второе — долженъ считаться нерѣшительнымъ по масштабу самого о. Вл. Н. Страхова. Но онъ ссылается, что «простое ὁ κύριος было бы единственнымъ въ обоихъ посланіяхъ къ Ѳессалоникійцамъ», а «чтеніе ὁ κύριος Ἰησοῦς, повидимому, болѣе свойственно ап. Павлу», почему «можно думать, что первоначальнымъ чтеніемъ было ὁ κύριος Ἰησοῦς» (стр. 339). Но заявленіе о необычайности для 1—2 Ѳесс. титула ὁ κύριος прямо странно, когда самъ же о. Вл. Н. Страховъ принимаетъ его въ другихъ мѣстахъ и вездѣ относитъ къ Іисусу Христу (стр. 351, 360, 363, 378,1). Въ такомъ важномъ пунктѣ требовалось бы больше обстоятельности и вниманія. Наименованіе (ὁ) κύριος типично для Македонскихъ посланій Павловыхъ (*J. Ev. Frame*, p. 279) и—въ частности—для 2 Ѳесс. (p. 25), какъ титулъ для Господа Христа (Prof. *George*

Milligan, p. LXVII, LXXX). Отсюда пріобрѣтаются весьма существенные выводы, которые формулируются наукой въ томъ видѣ, что «по частотѣ употребленія имя κύριος или ὁ κύριος можно считать отличительнымъ для обоихъ этихъ посланій, гдѣ оно встрѣчается 22 раза — 8 съ членомъ и 14 безъ него. И хотя здѣсь нельзя обнаружить различіе между этими двумя способами такъ же, какъ для Христός и ὁ Χριστός, но тотъ фактъ, что слово берется безъ члена въ $^2/_3$ случаевъ, достаточно свидѣтельствуетъ, насколько къ этому времени данный терминъ сталъ вполнѣ признаваться за собственное имя... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ на первый взглядъ скорѣе относится къ Богу (Отцу), чѣмъ ко Христу, напр., въ заимствованныхъ изъ LXX-ти (1 Θес. IV, 6. 2 Θес. I, 9. II, 13), но преобладающее примѣненіе къ Сыну наклоняетъ принять это для всѣхъ случаевъ—согласно общему употребленію св. Павла. При такомъ положеніи разнообразныя комбинаціи его сочетаній освѣтятъ намъ всю глубину созерцаній, какія въ столь раннюю пору исторіи церкви связывались съ этимъ простымъ титуломъ, который въ періодъ земной жизни Спасителя, среди учениковъ, лишь замѣнялъ „равви“ или „раввуни“, по интерпретаціи Апостола Іоанна (XX, 16 и ср. Мѳ. XXIII, 8. XX. 25, 49. Мрк. X, 1), мало для нихъ отличавшіеся отъ обычнаго „учитель“. Теперь этого нѣтъ, и—согласно тенденціи, проглядывавшей вскорѣ по воскресеніи (Дѣян. II. 36),—этотъ титулъ отнынѣ становится краткимъ и полновѣстнымъ обозначеніемъ Христа, какъ Господа-Бога, воскресшаго, прославленнаго и превознесеннаго». Наоборотъ, комбинація ὁ κύριος Ἰησοῦς, которая по высотѣ и богатству содержанія кажется происшедшею по божественному вдохновенію, всего 9 разъ находится въ нашихъ посланіяхъ, а для всѣхъ другихъ констатируется сравнительная рѣдкость употребленія (см. Prof. *George Milligan*, p. 136—139).

Мы видимъ, что нашъ авторъ — не твердый текстуально-критически—въ разобранномъ случаѣ не обнаружилъ ни точности, ни широты изслѣдованія и въ экзегетическомъ обоснованіи. Однако послѣднее ведется по научному методу и справедливо всегда отправляется отъ филологическихъ разысканій, которыя должны быть первѣйшими въ отношеніи священнаго писателя, строго наблюдающаго даже тонкіе оттѣнки, напр., между ὅς и ὅστις (*J. Ev. Frame*, p. 235), интенсивную усилительность εἴπερ (p. 228 и Prof. *George Milligan*, p. 89) и т. п.

Посему законна особая заботливость даннаго рода, хотя иногда она бываетъ слишкомъ преувеличенною, если грамматическія частности совершенно вытѣсняютъ всякое толкованіе (см. для 2 Θесс. III, 14—15 стр. 375—378). Впрочемъ, въ большинствѣ филологическія экзерциціи нормальны и полезны, хотя не лишены нѣкоторыхъ своеобразныхъ особенностей. По обычаю, о. Вл. Н. Страховъ и здѣсь утрируетъ, что «наше посланіе носитъ вообще ветхозавѣтную окраску» (стр. 351) и обороты въ немъ образуются по аналогіи съ ветхозавѣтными (стр. 362). Этотъ масштабъ примѣняется въ цѣломъ и частностяхъ. Такъ, въ II, 3 «по семитскому образу выраженія предикаты предшествуютъ субъектамъ, причемъ аористъ стоитъ тутъ въ значеніи fut. exact.» (стр. 326). Равно «употребленный ап. Павломъ оборотъ ὁ ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας можетъ быть вполнѣ понятъ только на основаніи еврейскаго оборота» (стр. 241). Отсюда въ II, 3 и «выраженіе υἱὸς ἀπωλείας [—сопоставляемое съ τέκνα ἀπωλείας Иса. 57⁴ по LXX-ти у Prof. D. *Adolf Deissmann,* Bible Studies transl. by *Alexander Grieve,* Edinburgh 1901 (1908), p. 163—] примѣнительно къ еврейскому словоупотребленію съ род. лица или вещи обозначаетъ не происхожденіе, но принадлежность, здѣсь — судьбу, т. е. здѣсь указывается именно на то, что антихристъ погибнетъ» (стр. 329). При такомъ семитическомъ верховенствѣ крайне неожиданно привлеченіе чисто греческой риторической мѣрки, фигурирующей подъ страннымъ (нѣмецкимъ?) названіемъ «цеугматическаго» соединенія (стр. 333). Тѣмъ не менѣе и этимъ свидѣтельствуется, что не все исчерпывается семитическою «окраской», въ которой всѣ тоны сгущаются до совершенной непригодности для подлинной картины. Въ разстановкѣ грамматическихъ членовъ нѣтъ надобности видѣть семитическое вліяніе, поскольку это есть довольно нерѣдкое эмфатическое расположеніе, весьма знаменательное въ нашемъ случаѣ. Въ немъ все ударепіе сосредоточивается на дѣйствіи съ рѣшительнымъ отрицаніемъ, но вѣдь вся смута и вызывалась именно его мнимою наличностію, какъ совершающагося факта. Поэтому естественно, что выдвигается напередъ данный негативный моментъ, а весь строй фразы своеобразною иррегулярностію скорѣе внушаетъ, что тутъ опять воспроизводится парусійный лозунгъ въ письменной формулировкѣ Θессалоникійцевъ (см. выше стр. 36—37). Съ генитивами у автора тоже не все благополучно, ибо онъ допускаетъ, что «гене(и?)тивное соеди-

неніе ψεύδους обозначаетъ чудеса по ихъ происхожденію и дѣйствію, именно — они происходятъ отъ діавола, отца лжи (Іоан. 8, 44), ихъ производитъ не божественная, а демонская сила (Ириней, Adv. haer. V, 28, 2), и дѣйствіе ихъ состоитъ въ обольщеніи людей, въ распространеніи среди нихъ лжи» (стр. 344). Въ такомъ случаѣ идея происхожденія устраняется для II, 3 не особыми, евраистическими свойствами генитива, а самою сущностію вещей, поелику фактически немыслимо рожденіе изъ погибели. При всемъ томъ безспорны и отношенія къ ней сыновства, когда она бываетъ какъ бы натурально-прирожденною, будучи свойственною по естеству (ср. у проф. о. *І. В. Боркова*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, Казань 1906, стр. 354). Вся причина гибельности и заключается именно въ томъ, что таково это бытіе по самымъ своимъ качествамъ, полученнымъ изначально или воспринятымъ потомъ въ достоинствѣ опредѣляющихъ всю личность факторовъ. Въ строгомъ смыслѣ «сынъ погибели» есть сатана (въ Евангеліи Никодима гл. 20 у *Joh. Car. Thilo*, Codex apocryphus Novi Testamenti I, Lipsiae 1832, p. 708: Κληρόνομε τοῦ σκότος, υἱὲ τῆς ἀπωλείας, διάβολε), но подобенъ ему и предатель Іуда (Ін. XVII, 12), допустившій себя до внутренняго сопроникновенія съ нимъ (Ін. XIII, 27). Во всѣхъ случаяхъ здѣсь выдвигается преобладающее качество (ср. у † Bishop *Charles J. Ellicott*, St. Paul's Epistles to the Thessalonians, London 1880, p. 109), но послѣднее обусловливается происхожденіемъ данной конкретной индивидуальности по ея возникновенію или реальному формулированію. Разумѣется, этимъ предрѣшается и конечная судьба, однако уже отдаленно, почему въ нашемъ примѣрѣ идея погибельной участи выражается посредственно (ср. Prof. *George Milligan*, p. 99), хотя и вполнѣ несомнѣнна [1]). Еврапстическій оттѣнокъ генитива (ср. *Winer-Lünemann*, Grammatik, § 34b, Anm. 2, S. 223—224) кроется въ идейныхъ концепціяхъ, а не въ его формѣ и вообще не подтверждаетъ авторскихъ построеній. Въ другихъ случаяхъ грамматическая еврапзація оказывается и совершенно призрачною. О II, 10 мы читаемъ, что «genet. ἀδικίας соотвѣтственно еврейскому словоупотребленію поставленъ здѣсь вмѣсто прилагательнаго и об-

[1]) Ср. *Fritz Tillmann*, Die Wiederkunft Christi, S. 137: „er ist hier nach seiner hervorstehendsten Eigenschaft ὁ ἄνομος (V. 8), ὁ ἀνθρωπος τῆς ἀνομίας (V. 3), nach seinem Schicksal ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας (V. 3) genannt".

означаетъ ἀπάτη или обманъ по его существу, т. е. обманъ этотъ названъ потому, что онъ противоположенъ справедливости» (стр. 344). Эта, не совсѣмъ вразумительная, интерпретація обезпечивается ссылками на «Winer-Schmiedel, 30, 8; Blass 35, 5», но первый, говоря объ евраистической подражательности genit. qualitatis, совсѣмъ не упоминаемъ 2 Θесс. II, 10, какъ нѣтъ его и у Blass'a ни во второмъ, цитуемомъ у нашего автора, изданіи (S. 100—101), ни въ позднѣйшей обработкѣ Albert'a Debrunner'a (Göttingen 1913, S. 101—102). Тоже у Winer-Lünemann (S. 222) и у Winer-Moulton (A Treatise on the Grammar of the New Testament Greek, translated, with Large Additions and Full Indices, by Rev. *W. F. Moulton*, Edinburgh ³1882, p. 297), а въ другихъ мѣстахъ и первый (S. 178) и второй (p. 236) защищаютъ совсѣмъ иное значеніе: «обманъ, который ведетъ къ неправдѣ». По общности предмета отмѣтимъ еще, что по части генитивовъ, всегда именуемыхъ у автора genetivi, встрѣчается у о. Вл. Н. Страхова достаточно туманности. Для III, 5 онъ отвергаетъ субъективный характеръ въ ἡ ἀγάπη τοῦ θεοῦ и ἡ ὑπομονὴ τοῦ Χριστοῦ «въ смыслѣ любви Божіей [Бога] къ вѣрующимъ» и «терпѣнія Христова [Христа], обнаруженнаго Имъ въ перенесеніи страданій». Предпочитается «genetivus objectivus» о «любви къ Богу» и «надеждѣ на Христа», ибо «такое пониманіе обоихъ родительныхъ лучше всего соотвѣтствуетъ грамматической конструкціи и логическому смыслу апостольской рѣчи. Выраженіе κατευθύνειν τὴν καρδίαν со слѣдующимъ предлогомъ εἰς... обозначаетъ жизненное отношеніе или поведеніе всѣхъ тѣхъ, къ чему кто направилъ свое сердце, т. е. въ данномъ случаѣ жизнь въ любви къ Богу и въ надеждѣ на Христа. Такимъ образомъ оба генетива суть genetivi objectivi... Что касается значенія ὑπομονή, то въ данномъ случаѣ на первый планъ выступаетъ та сторона, которая сближаетъ его по значенію съ ἐλπίς, т. е. означаетъ не столько добровольное, терпѣливое и безропотное перенесеніе страданій, сколько мужественное, терпѣливое ожиданіе, упованіе, надежду» (стр. 365—366). Какъ ясно безъ словъ, авторъ старается использовать собственно контекстъ, но вовсе не представляетъ грамматическаго обоснованія и прямо формулируетъ желательное толкованіе, которое требовалось аргументировать. Вотъ въ этомъ отношеніи все спорно. Конечно, у Апостола предначертывается объективная цѣль, но развѣ любовь къ Богу и надежда на

Христа служили для христіанъ только объектомъ ихъ стремленій? Не вѣрнѣе ли, что на нихъ созидается и держится все христіанское бытіе, которое, проникаясь ими, должно имѣть свой высшій предметъ внѣ ихъ—въ независимомъ отъ людей благѣ? Это требуется самою сущностію христіанскаго устроенія и неотразимо внушаетъ, что идеаломъ жизни вѣрующихъ можетъ быть лишь объективное совершенство, какое проистекаетъ изъ любви Бога къ нимъ и утвердилось въ мірѣ подвигомъ искупительнаго терпѣнія Христова. Съ другой стороны, ничѣмъ рѣшительно не оправдывается и столь категорическое усвоеніе ὑπομονή одного опредѣленнаго оттѣнка и именно надежды (стр. 367). Въ этомъ случаѣ сочиненію не хватаетъ широкаго освѣщенія и глубокаго анализа отличительныхъ терминовъ. О настоящемъ трактуется и раньше, но тамъ (для I, 4) сказано, что «подъ именемъ ὑπομονή въ Новомъ Завѣтѣ разумѣется добровольное, терпѣливое и безропотное перенесеніе страданій» (стр. 284), «достойная похвалы стойкость и терпѣніе» (стр. 285). Эта довольно общая, расплывчивая характеристика нуждается въ восполненіи болѣе конкретными чертами, какія легко опредѣляются сопоставленіемъ терминовъ ὑπομονή и μακροθυμία. Отсюда получается, что—по контрасту со вторымъ — первый этически выше, ибо чуждъ голой пассивности, а содержитъ элементы активности и цѣлеположности, или выдержанной терпѣливости въ достиженіи извѣстныхъ плановъ (см. и у Rev. *Arthur Carr* въ «The Expositor» 1913, XII, p. 511—517). Моментъ надежды хотя не исключается, но не дается прямо, а потому говорятъ, что ведетъ къ лексикально незащитимому разумѣнію слова ὑπομονή объективное пониманіе генитива († Bishop *Charles J. Ellicott*, p. [4]127), которое отвергается и по контекстуальнымъ соображеніямъ (Prof. *George Milligan*, p. 112; *J. Ev. Frame*, p. 296). Сомнительная филологія разрѣшается экзегетическою спорностію немалаго догматическаго значенія, поелику вѣдь далеко не одно и то же, искать ли намъ любви къ Богу и надежды на Христа, или жить въ самой сферѣ божественной любви и Христова искупительнаго подвига.

Этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ уже и о свойствахъ авторской экзегетики, которую достаточно освѣтить по связи съ филологическими разысканіями. На основаніи I, 4—5 о. Вл. Н. Страховъ выясняетъ (стр. 286 сл.) взаимоотношеніе христіанскихъ скорбей и царства Божія въ томъ смыслѣ, что первыя условли-

ваютъ для человѣка второе, при чемъ тѣ—нѣчто настоящее, это—будущее. Но тутъ прежде всего не аргументировано, почему въ ст. 4 ὑπέρ (τῆς ὑπομονῆς) отмѣчаетъ stitus praesens, а въ ст. 5 (ὑπὲρ ἧς—τῆς βασιλείας)—futurus. Въ такомъ случаѣ указанная взаимная обусловливаемость будетъ необезпеченною, и она не ограждается чрезъ ἀνέχεσθε, которое лишь констатируетъ «происходящія въ настоящее время гоненія» (стр. 237) и вовсе не ручается за достойный успѣхъ; въ свою очередь и логически-предметно ἔνδειγμα не можетъ означать «залогъ» (стр. 288), какъ это столь же невѣрно лексически (см. Prof. *George Milligan*, p. 87; *J. Ev. Frame*, p. 226) для активнаго доказыванія фактическими убѣжденіями (ср. Рим. Ш, 25—26. 2 Кор. VШ, 24). Тогда колеблются и общіе выводы, яко бы «царство Божіе находится въ тѣснѣйшей прагматической связи со скорбію» (стр. 236) и «страданіями» и есть «*результатъ* свободныхъ усилій человѣка», означая «будущее, совершенное и свободное отъ зла, состояніе всѣхъ вещей» (стр. 290—291). Все это не подтверждается и глаголомъ καταξιωθῆναι. Ему усвояется пассивная энергія—«признаваться достойнымъ, заслуживающимъ вознагражденія» (стр. 291), откуда необходимо слѣдуетъ, что счастливый «*результатъ*» зависитъ не отъ «свободныхъ усилій», а отъ конечнаго рѣшающаго суда, предъ которымъ—самъ по себѣ—«кто постоитъ»? Ясно, что авторскій тезисъ экзегетически шатокъ и теоретически требовалъ бы болѣе осторожной формулировки касательно царства Божія, въ которомъ предполагается какое-то «двойное воздаяніе» (стр. 317). Въ другихъ случаяхъ толкованія оставляютъ впечатлѣніе примрачности и непрочности по недостаточности филологическаго, контекстуальнаго и идейнаго анализа, если, напр., говорится, что въ I, 11 «нельзя принимать εἰς ὅ въ финальномъ смыслѣ» и его «финальное значеніе въ нашемъ мѣстѣ... ослаблено слѣдующимъ предложеніемъ цѣли» (стр. 309), хотя это констатируетъ лишь ослабленную цѣленоложность, а связь частей, при особомъ ударѣніи на εἰς ὅ, можетъ сообщать ему даже усиленную финальность (ср. *J. Ev. Frame*, p. 238—239). По мнѣнію о. Вл. Н. Страхова, «нельзя сдѣлать выводъ, будто мысль о вѣчныхъ мученіяхъ чужда Новому Завѣту и въ частности ап. Павлу», если «выраженіе ὄλεθρος ἀιώνιος (и) не встрѣчается ни въ Новомъ Завѣтѣ вообще, ни въ посланіяхъ ап. Павла въ частности» (стр. 302). Подозрѣнія этого рода праздны уже потому, что рѣчь идетъ о самомъ

началѣ священнописательской дѣятельности эллинскаго благовѣстника, между тѣмъ вездѣ необходимо принимать всю совокупность концепцій, гдѣ терминъ αἰώνιος безспорно имѣетъ значеніе прямой вѣчности (см. Rev. *H. A. Kennedy*, St. Paul's Conceptions of the Last Things, London 1904, p. 316 sqq. и ср. у *нѣсъ*, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу I, стр. 331,180, 388,337, 593, 788,337; II, стр. 379,1089, 613,633). Прибавляется, что «ἀπό въ соединеніи съ ὄλεθρος встрѣчается... въ смыслѣ удаленія, отдѣленія и потери» (стр. 304), но во всѣхъ четырехъ новозавѣтныхъ примѣрахъ (1 Кор. V, 5. 1 Θесс. V, 3. 2 Θесс. I, 9. 1 Тим. VI, 9) такого соединенія совсѣмъ нѣтъ. При этомъ довольно пространно трактуется (стр. 303—304) и объ ἀπό для I, 9, хотя просто надо было бы аппеллировать къ первоосновѣ всей фразы въ Иса. II, 10 сл., 19. 21. Авторъ забываетъ здѣсь о библейской «окраскѣ», какъ и при I, 10, гдѣ не совсѣмъ вразумительно защищается, что въ этомъ стихѣ «выраженіе должно понимать въ томъ смыслѣ, что прославятся не столько сами вѣрующіе, сколько Господь Іисусъ Христосъ, и что это прославленіе Господа и изумленіе предъ Нимъ проявится въ противоположность безбожникамъ, которыми имя Божіе хулится, во святыхъ и вѣрующихъ, въ нихъ сдѣлается видимымъ, въ нихъ обнаружится, такъ что δόξα Господа произойдетъ отъ нихъ и созерцаніе этой δόξα вызоветъ по отношенію къ Нему изумленіе». Великая загадочность этого толкованія усиливается еще тѣмъ, что «не видно, на кого Господь произведетъ такое величественное впечатлѣніе», а «различіе между οἱ ἅγιοι αὐτοῦ и οἱ πάντες οἱ πιστεύσαντες является очень искусственнымъ и далекимъ отъ простого и непосредственнаго смысла текста», «но съ другой стороны неправильно считать это различіе названій совершенно лишеннымъ особаго смысла» (стр. 305—307). Всѣ эти трактаціи скорѣе затемняютъ, чѣмъ разъясняютъ апостольскія слова, въ которыхъ существенные обороты воспроизводятъ библейскую рѣчь (см. Пс. LXXXVIII, 8 и LXVII, 36; Иса. XLIX 3), а части расположены вполнѣ по еврейско-библейскому параллелизму и потому выражаютъ одну мысль лишь съ разными варіаціями, какія и требовалось оттѣнить на общемъ фонѣ всей картины. Грамматическое строеніе I, 10 напоминаетъ I, 4 и возвращаетъ къ нему. Сопоставленіе авторскихъ замѣчаній обнаруживаетъ немалую несогласованность взаимнаго ослабленія. Въ первомъ доминирующимъ почитается субъектъ

глагола по сравненію съ зависимыми опредѣленіями: «не столько сами вѣрующіе, сколько Господь Іисусъ Христосъ». Подобное ожиданіе бы и тамъ, что будутъ прославляемы «мы» — Апостолы — больше «васъ» — читателей. Однако это пониманіе отвергается съ предпочтеніемъ иного, что «не только другіе прославляютъ Ѳессалоникійцевъ, но даже сами апостолы, которымъ по отношенію къ ученикамъ приличествовала бы нѣкоторая сдержанность, въ полнотѣ своей радости не могутъ не хвалиться своимъ духовнымъ твореніемъ» (стр. 282—283), «восхваляя Ѳессалоникійскую общину предъ тѣми общинами, гдѣ принятіе христіанства не сопровождалось такими мученіями» (стр. 286 и ср. 284). Эта интерпретація поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ, что αὐτοὺς ἡμᾶς содержитъ противоставленіе другимъ хвалителямъ и среди нихъ особенно выдвигаетъ «самихъ насъ». Вѣрно, что названное сочетаніе отмѣчаетъ не взаимность, а контрастъ, однако—вопреки нашему автору (стр. 282)—въ немъ «удареніе лежитъ» не на ἡμᾶς, но на αὐτούς (см. *J. Ev. Frame*, p. 223—224; † Bishop *Charles J. Ellicott*, p. 95). Тогда устраняется столь отдаленная адверсативность, которая мало вѣроятна и потому, что обѣ стороны совершаютъ одно и то же по одинаковымъ основаніямъ, равно восхваляя Ѳессалоникійцевъ за «прекрасное состояніе христіанской жизни» (стр. 283). Энергическое выдѣленіе «самого» дѣятеля по сравненію съ соучастниками отсылаетъ къ болѣе тѣсной и близкой группѣ, скрѣпленной единствомъ общей связи, гдѣ они неразрывны, хотя и разнятся извѣстнымъ градальнымъ расчлененіемъ. Послѣднее для всѣхъ безспорно по фактической очевидности и не нуждалось въ спеціальномъ оттѣненіи. Тогда контрастъ можетъ относиться только къ описываемому дѣйствію, которое примѣняется къ обѣимъ частямъ цѣлаго комплекса, въ коемъ *похваляются не только читатели, но и самъ Апостолъ черезъ нихъ*. Это разумѣніе допустимо грамматически и тѣмъ болѣе конкуррируетъ съ предпочитаемымъ у нашего автора, что лучше соотвѣтствуетъ миссіонерскимъ интересамъ и упованіямъ. Имъ мало помогало, что самъ благовѣстникъ хвалитъ «свое духовное твореніе», хваля собственно самого себя. Но если, прославляя результатъ, другіе превозносятъ и самую производящую причину, то этимъ прямо открывается свободное мѣсто для дальнѣйшей созидательной работы удостовѣреннаго качества. Въ данномъ случаѣ о. Вл. Н. Страховъ ради укрѣпле-

нія своей позиціи долженъ былъ оцѣнить и эту возможность, которая непроизвольно вызывалась собственными его соображеніями о весьма аналогичномъ текстѣ. Иногда несогласованность еще болѣе разительна по непосредственной совмѣстности явно дисгармонирующихъ мыслей, напр., для I, 11 ο κλῆσις, которое относится то къ прошлому, то къ будущему. По автору «оба взгляда невѣрны». Ожидается третій, но фактически представляется лишь какое-то неотчетливое обобщеніе обоихъ, яко бы «апостолъ молится о томъ, чтобы Ѳессалоникійцы оставались вѣрны божественному призванію, совершившемуся посредствомъ апостольской проповѣди, и удостоились окончательнаго будущаго призванія и, главнымъ образомъ, чтобы совершившійся уже κλῆσις τοῦ θεοῦ пребывалъ съ ними неизмѣнно..., такъ какъ христіане по причинѣ дурной жизни могутъ лишиться божественной милости и благодатныхъ плодовъ перваго призванія» (стр. 310—311). Нѣсколько удивительно, какимъ способомъ изъ двухъ, отдѣльно невѣрныхъ, взглядовъ получается нѣчто вѣрное при ихъ объединеніи. Это само по себѣ не совсѣмъ естественно и потому не выдерживается вполнѣ, ибо въ концѣ концовъ все сводится больше къ сохраненію полученнаго. Этотъ оттѣнокъ обезпечивается тѣмъ, что ἀξιόω въ Новомъ Завѣтѣ «вездѣ означаетъ» не «дѣлать достойнымъ», а «считать достойнымъ, признавать достойнымъ» (стр. 310). Данное пониманіе (ср. стр. 50) является преобладающимъ, но для нашего случая будетъ чистою предзанятостію безъ особаго обоснованія, поскольку отвергаемое значеніе не допускается въ силу отрицанія футурности призванія, а это надо еще напередъ доказать, между тѣмъ будущему прославленію весьма соотвѣтствуетъ идея «удостоенія». Получается логическій circulus vitiosus, въ которомъ авторъ закружился потому, что не формулировалъ съ отчетливою ясностію оба конкуррирующія воззрѣнія. По одному изъ нихъ рѣчь идетъ о провозглашеніи христіанъ достойными совершившагося призванія при вѣрности ему (ср. *J. Ev. Frame*, p. 239—240); по другому—трактуется о завершительномъ исходѣ призванія (Prof. *George Milligan*, p. 93), которое выражаетъ длительное состояніе (Еф. IV, 1), обнимая (по Ѳеофилакту) τὴν διὰ τῶν πράξεων βεβαιουμένην κλῆσιν († Bishop *Charles J. Ellicott*, p. [4]104). О. Вл. Н. Страховъ сильнѣе склоняется къ первому рѣшенію, но оставляетъ въ немаломъ недоумѣніи касательно обѣихъ мыслимыхъ возможностей: если призваніе фактически суще-

ствуетъ и сохраняется, то какъ говорить о зачисленіи въ нѣчто достойное наличнаго реальнаго достоинства, безспорнаго по самому своему бытію? Если же его нѣтъ или оно поругано, то еще болѣе странно считать и признавать это достойнымъ. Наоборотъ, вполнѣ нормально, что достойное и удостоивается соотвѣтствующаго увѣнчанія, строго пропорціональнаго и адекватно реальнаго. Въ этомъ ихъ сходство по содержанію, что второе является точнымъ воплощеніемъ всѣхъ обѣтованій благодатнаго призванія, но здѣсь и разница, что благодатная полнота пока предвосхищается и реально достигнется въ будущемъ за подвигъ всей жизни, какъ фактическое удостоеніе. Значитъ, авторъ правильно констатируетъ оттѣнки въ содержаніи κλῆσις, но колеблется въ надлежащемъ комбинированіи ихъ, почему общая концепція у него достаточно примрачная. Во многихъ другихъ случаяхъ нѣтъ желательной всеобъемлемости въ характеристикѣ важнѣйшихъ терминовъ и въ отчетливой обрисовкѣ каждаго изъ нихъ со строгимъ различеніемъ отъ сродныхъ и подобныхъ. Это мы находимъ, напр., касательно II, 11 (ср. выше стр. 41); если тутъ въ книгѣ не опечатка, то въ разсужденіяхъ получается большая путаница, ибо «внутренняя вѣроятность говоритъ за πέμπει, которое было обращено въ πέμψει просто для того, чтобы самою граматическою формою выразить мысль о будущемъ наказаніи. Но для этого не требуется будущаго времени, потому что praesens πέμπει не означаетъ того, что дѣйствіе происходитъ уже въ настоящемъ. Въ подтвержденіе такого пониманія πέμψει, употребленнаго въ формѣ futuri для обозначенія будущаго наказанія, ссылаются на 7-ой стихъ... Однако... πέμπει... также должно относить къ будущему времени» (стр. 346—347). Наряду съ этимъ категорически свидѣтельствуется, что «ἐνέργεια — сила или дѣйствіе» (стр. 347), но эти идеи не тождественны и не взаимнозамѣнимы, а иногда настолько расходятся, что возникаетъ вопросъ объ одной изъ двухъ, изъ коихъ лишь первую принимаетъ и самъ авторъ немного выше (стр. 343). Это чисто павлинистическое новозавѣтное реченіе, означающее внутреннее дѣйствіе Бога (Еф. I, 19. III, 7) и Христа (Кол. I, 29. Филипп. III, 21), заслуживало бы болѣе тщательной обрисовки, а за рѣдкостію его въ греческой Библіи (только въ Прем. Сол. и 2—3 Макк.) для сего пригоднѣе сопоставленіе съ δύναμις. Хотя оба они иногда ассоціируются вмѣстѣ (Прем. Сол. XIII, 4. Еф. III, 7), но

всегда сохраняется коренная разница δύναμις и ἐνέργεια, какъ силы потенціальной и дѣйствующей (*J. Ev. Frame,* p. 268). Конечно, все это въ высокой степени важно, показывая, что погибающіе будутъ обнаруживать пагубную активность, аналогичную сатанинской работѣ «сына погибели». Слѣдовательно, заблуждающіеся погибнуть не по внѣшнему насилію или очарованію послѣдняго, но по внутреннему сродству своей извращенной природы. Та же общность описаній замѣчается относительно νοῦς въ качествѣ «интеллектуальной стороны человѣческой природы» (стр. 320), τὸ μυστήριον (стр. 240: «подъ тайной беззаконія слѣдуетъ разумѣть самое беззаконіе»), трудно различаемыхъ у насъ доселѣ (*С. Савинскій,* Эсхатологическая бесѣда Христа Спасителя, Кіевъ 1906, стр. 270) σημεῖον, τέρας и δύναμις, изъ коихъ о третьемъ сказано единственно то, что оно «употребляется независимо отъ обоихъ названныхъ понятій» (стр. 343). Даже о кардинальномъ терминѣ παρουσία, исключительно характеристичномъ для раннихъ христіанскихъ настроеній, констатируется кратко, что это «слово для обозначенія второго пришествія Господня встрѣчается у ап. Павла только въ обоихъ посланіяхъ къ Θесс. и въ 1 Кор. 15, 23... Кромѣ того παρουσία въ этомъ же значеніи употреблено въ посланіяхъ Іакова, 2 Петра и 1 Іоанна» (стр. 318). Но это перечисленіе не точно (ср. *F. Prat,* La théologie de Saint Paul II, Paris 1912, p. 509,1), ибо забываетъ о Евангеліи Матѳея (XXIV, 3, 27, 37, 39), и не раскрываетъ самой основной особенности. Всѣмъ извѣстно, что по грамматическій энергіи παρουσία, употреблявшееся въ классической свѣтской литературѣ для фактическаго осуществленія (реализаціи) данной идеи (Pastor *Heinrich Dieckmann,* Die Parusie Christi, Geestemünde 1898, S. 22), есть собственно «присутствіе», praesentia,—и для дѣла важно установить, какимъ образомъ присоединился новый дополнительный моментъ «прибытія» (*H. Dieckmann,* S. 78), совершенно подавляющій у автора первый оттѣнокъ (стр. 341). Самыя простыя справки могли бы убѣдить, что это былъ своего рода terminus technicus для посѣщенія царей и великихъ мужей (ср. Prof. *George Milligan,* The New Testament Documents, London 1913, p. 89) и для языческихъ ѳеофаній (см. у Prof. *James Moffatt* въ The Expositor's Greek Testament, p. 49), а дальнѣйшіе оттѣнки (см. Prof. D. *Adolf Deissmann,* Licht vom Osten, S. 2–3228 ff.) раскрываются путемъ разграниченія отъ аналогичныхъ ἐπιφάνεια,

ἀποκάλυψις (*G. Milligan,* St. Paul's Epistles to the Thessalonians, p. 145—151), изъ коихъ первое напрасно совсѣмъ и прямо уравнивается съ παρουσία (у *Fritz Tillmann,* Die Wiederkunft Christi, S. 18), хотя фактически и совпадаетъ (ср. у проф. *С. М. Зарина*, Современныя открытія въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту, стр. 81—83, и въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1914 г., № 6, стр. 819—822). Тогда ярче обнаружились бы и типически-индивидуальная природа данной концепціи и ея спеціально-христіанская несравнимость, поскольку—въ контрастъ секулярному употребленію — въ ней констатируется не появленіе чего-либо совершенно новаго и не временность этого событія, но постоянное конкретное раскрытіе всегда сущей энергіи, высшій модусъ неизмѣннаго дѣйствія. Христосъ неотлучно остается съ вѣрующими и потомъ лишь прославится вмѣстѣ съ ними въ торжествѣ царства своего. Идея παρουσία утверждается на сопричастіи намъ Господа, а вовсе не на сопребываніи нашемъ съ Нимъ въ Богѣ на небесахъ (Еф. II, 1—7; Кол. III, 1—4), откуда неправильно выводится (у Dozent *P. Olaf Moe,* Paulus und die evangelische Geschichte, zugleich ein Beitrag zur Vorgeschichte der Evangelien, Leipzig 1912, S. 206) уравненіе съ ἀποκάλυψις, въ которомъ эта ассоціація безспорна, хотя при значительномъ обособленіи единой личности Искупителя. Эти наблюденія лучше бы раскрыли и зловѣщую фигуру антагониста, тайна котораго тоже дѣется и послѣ только обнажится конкретно, какъ скрытая сила зла, гнѣздящаяся въ мірѣ и неотступно противоборствующая добру. Эта внутренняя отчужденность свѣта и тьмы разрѣшится въ концѣ внѣшнимъ кризисомъ, гдѣ погибнутъ лишь именно соучастники лукаваго, которые и нынѣ носятъ пагубу въ глубинахъ своего сердца. Самые главные моменты въ понятіи χάρις не затронуты у о. Вл. Н. Страхова въ должной степени, а объ ἀγάπη не дается ничего, кромѣ общихъ словъ (стр. 279—281), между тѣмъ весьма цѣнно было бы знать, что если этотъ терминъ и не родился въ нѣдрахъ откровенной религіи, то все-таки внѣ ея доселѣ не найдено абсолютно ясныхъ слѣдовъ въ свѣтскомъ греческомъ употребленіи, для библейскихъ же писаній онъ столь характеристиченъ, что во всей полнотѣ своего глубокаго смысла можетъ считаться собственностію ихъ (Prof. *George Milligan,* The New Testament Documents, p. 58—59; ср. *Passow*'s Wörterbuch der griechischen Sprache

völlig neu bearbeitet von Wilhelm Crönert, 1 Lief., Göttingen 1913, S. 25, и—особенно—Proff. *J. H. Moulton* und *G. Milligan,* The Vocabulary of the Greek Testament I, p. 2). Близкое къ сему χάρις провозглашается «новообразованіемъ апостола», какъ «соединеніе обычнаго греческаго и іудейскаго привѣтствій», которому усвояется тутъ вся сумма новозавѣтныхъ обозначеній (стр. 274—275). При этомъ не показывается и не видно, какимъ способомъ простая привѣтственная формула разрослась пышными и богатыми цвѣтами христіанской благодати. Отмѣченное происхожденіе ея изъ греческой салютаціи χαίρειν принималъ уже Θеодоръ Мопсуэстійскій, сближавшій ἐν θεῷ πατρί съ обиходнымъ ἐν κυρίῳ письменныхъ обращеній (*Theodori Episcopi Mopsuesteni* in Epistolas B. Pauli Commentarii, ed. by H. B. Swete, vol. II, Cambridge 1882, p. 2: ad. I Thess. I, 1), а затѣмъ отсюда выводятся всѣ дальнѣйшіе предикаты (ср. Prof. D. *Johann Weiss,* Der erste Korintherbrief v Meyer'a [9]V, Göttingen 1910, S. 4—5 къ I, 3) въ качествѣ чисто логическихъ извлеченій или инородныхъ наслоеній, говорящихъ только о внѣшнихъ опредѣляющихъ вліяніяхъ Павловой христологіи. Подобныя комбинаціи тѣмъ возможнѣе, что это есть излюбленная и типическая формула привѣтствій въ Павловыхъ посланіяхъ (ср. Prof. *Marcus D. Buell,* The Authographs of Saint Paul, New York 1913, p. 13, 15 sq.), и ее вполнѣ дозволительно понимать эпистолярно, если—по словамъ о. Вл. Н. Страхова—послѣднія «носятъ характеръ частной корреспонденціи» (стр. 114) и точно отражаютъ господствовавшія нормы и пріемы тогдашей эпистолографіи (см. Prof. *Paul Wendland,* Die hellenistisch-römische Kultur, S. 411—417). Однако внимательное изученіе удостовѣряетъ, что χάρις является въ салютаціяхъ посланій новозавѣтно-павлинистическимъ терминомъ (ср. у Prof. Lic. Dr. *Friedrich Zimmer,* Die neutestamentliche Briefform въ «Zeitschrift für kirchliche Wissenschaft und kirchliches Leben», herausg. von Chr. E. Luthardt VII, Leipzig 1886, S. 443—453), который у Апостола языковъ вовсе не эллинскаго (греческаго) происхожденія, избранъ по глубокимъ основаніямъ и спиритуализированъ (ср. Prof. *George Milligan,* St. Paul's Epistles to the Thessalonians, p. 4), при чемъ «нельзя ни чувства его ниспускать до уровня земныхъ созерцаній греко-іудейскаго привѣтствія, ни первыхъ читателей поднимать до высочайшихъ вершинъ Павлова благочестія, гдѣ чувство зависимости отъ

абсолютной воли Бога неразрывно связывается съ благодарнорадостнымъ сознаніемъ Его прощающей благодати и съ ощущеніемъ мира въ сердцѣ, примиренномъ съ Богомъ. На самомъ дѣлѣ (привѣтственныя) слова (апостольскія) обнимаютъ всю скалу религіозныхъ чувствованій отъ одного до другого... Какъ χαίρειν и εἰρήνη, каждое само по себѣ, могутъ гласить о спасеніи, такъ тоже читателямъ желается и въ χάρις καὶ εἰρήνη, но въ глубочайшемъ христіанскомъ смыслѣ, когда въ благодати и мирѣ дано все» (см. *Gillis P: son Wetter*, Charis: ein Beitrag zur Geschichte des ältesten Christentums, Leipzig 1913, S. 201—206: Zu χάρις in den Brief-Grüssen).

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ общность авторскихъ терминологическихъ истолкованій отзывается нѣкоторою зыбкостію экзегетическихъ и богословско-теоретическихъ конструкцій, для чего еще можно указать на нѣсколько блѣдныя и тусклыя замѣчанія о πίστις (стр. 362—363), ἐν Κυρίῳ (стр. 364). Иногда эта шаткость увеличивается равною неотчетливостію въ глагольныхъ опредѣленіяхъ. Мы читаемъ (къ II, 1), что «ἐρωτᾶν въ классическомъ греческомъ (языкѣ) всегда употребляется для обозначенія вопросительной просьбы (?!) = спрашивать (interrogare), въ Новомъ же Завѣтѣ оно употребляется въ значеніи просить=rogare и предполагаетъ близкія и равныя отношенія между тѣми, кто проситъ, и тѣми, кого просятъ» (стр. 317). Но первое должно бы показать непригодность классическихъ параллелей вообще, второе обязывало къ спеціальному выясненію новозавѣтнаго употребленія. Для него доселѣ ссылались обыкновенно на вліяніе еврейскаго глагола schaal, однако теперь удостовѣрено папирусами (ср. Prof. *George Milligan*, Selections from the Greek Papyri, Cambridge 1912, p. 97, No. 39), что ἐρωτάω поэллинистически выражало идею просьбы и приглашенія (Prof. *G. Milligan*, The New Testament Documents, p. 51). Затѣмъ, у о. Вл. Н. Страхова свидѣтельствуется, что «въ ὀφείλομεν [I, 3] заключается понятіе объективнаго долга» (стр. 279), а въ II, 13 «обозначаются долгъ и обязанность» (стр. 350). Второе разъясненіе нѣсколько затемняетъ первое, привнося субъективный оттѣнокъ личной «обязанности», когда тамъ разумѣлись принужденіе и необходимость (стр. 278—279). Въ результатѣ смутнымъ стало и невѣрное, ибо—вопреки δεῖ или обязательству по природѣ вещей—ὀφείλειν выражаетъ спеціальное, личное обязательство († Bishop *Br. F. Westcott*, The Epistles of St. John,

Cambridge and London ³1892, p. 50 къ II, 6; ср. проф. *Н. И. Сагарда*, Первое соборное посланіе святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, Полтава 1903, стр. 369—370: «ὀφείλειν указываетъ на внутреннее, личное, нравственное обязательство» или «нравственное требованіе» «въ отличіе отъ δεῖν, обозначающаго долгъ, какъ внѣшнюю принудительную силу»). «Объективный долгъ» становится въ ὀφείλειν личнымъ моральнымъ велѣніемъ, хотя и обоснованнымъ фактическими данными, а не просто обусловленнымъ субъективно. Измѣнивъ подлинный смыслъ глагола и даже не желая признавать его (стр. 278,4), авторъ затруднилъ себѣ пониманіе связанныхъ съ нимъ частей въ такомъ отдѣлѣ (стт. 3—12), гдѣ—по его словамъ—«весь періодъ построенъ очень тяжело» (стр. 276). Долженствованіе у Апостола квалифицируется прибавкой καθὼς ἄξιόν ἐστιν, и—по мнѣнію о. Вл. Н. Страхова—«это вводное предложеніе обозначаетъ апостольскую благодарность какъ такую, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ или равняется... тому, о чемъ идетъ рѣчь далѣе, т. е. дѣйствительнымъ успѣхамъ ѳессалоникійцевъ въ христіанской жизни» (стр. 279). Но вѣдь въ томъ моральная объективность и заключается, что она фактически обоснована и пропорціональна «природѣ вещей», а св. Павелъ не могъ о себѣ допускать, что уклонится въ сторону преуменьшенія совершонныхъ заслугъ. Совсѣмъ иначе обрисовывается все апостольское реченіе, когда — вопреки нашему автору (стр. 278,4)—«мы сочтемъ различіе δεῖ и ὀφείλειν правильнымъ». Тогда личное поведеніе благовѣстника будетъ обезпечиваться объективными причинами и опредѣляться ими въ своемъ бытіи, откуда получаемъ далѣе, что καθώς, имѣя у Апостола нѣсколько каузальный оттѣнокъ (ср. Prof. *Friedrich Blass*, Grammatik des neutestamentlichen Griechisch, Göttingen ²1902, S. 276, § 78,1), отмѣчаетъ не мѣру или степень («*насколько это* достойно»), а объективную условливаемость («*какъ это по истинѣ* достойно и заслужено»). Послѣ этого обращаетъ на себя вниманіе лишь характерная энергичность въ указаніи Апостола на свое собственное долженствованіе. О. Вл. Н. Страховъ этого не раскрываетъ, говоря только, что хотя благовѣстникъ пишетъ «подъ впечатлѣніемъ» «недовольства общиной», тѣмъ не менѣе онъ «не хочетъ отрицать дѣйствительныхъ успѣховъ» и «поэтому прибавляетъ: καθὼς ἄξιόν ἐστιν» (стр. 277). Въ такомъ случаѣ необходимо ожидается точная датировка подлинныхъ размѣровъ для справед-

ливаго благодаренія, но подобный оттѣнокъ рѣшительно отвергается (стр. 277—778). Съ другой стороны, не видно здѣсь и личной апостольской обязательственности, коль скоро Θессалоникійцы исполняли лишь должное, обнаруживая больше дефектовъ, чѣмъ преимуществъ. Невольно напрашивается догадка, что потому именно и выдвигается этотъ долгъ, что онъ отрицался столь же выразительно и, конечно, тѣми, къ кому теперь аппеллируетъ св. Павелъ. Такъ получаемъ, что предполагается сообщенное читателями строго формулированное убѣжденіе даннаго рода, а это всего вѣроятнѣе въ письменномъ документѣ (см. выше стр. 36), почему въ анализируемой фразѣ имѣется антитетическое отраженіе соотвѣтствующихъ пассажей Θессалоникійскаго письма (ср. *J. Ev. Frame*, p. 220—221).

III.

Библейско-богословскія построенія, особенно—эсхатологическія.

Нѣкоторая эластичность текстуально-критическаго и филологическо-экзегетическаго анализа обнаруживается и въ богословско-догматическихъ конструкціяхъ, обезпечиваемыхъ и защищаемыхъ въ разныхъ истолкованіяхъ. Въ этомъ отношеніи знаменательны разсужденія касательно I, 12, гдѣ—по автору—«рѣчь идетъ не о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, но объ единой божественной ипостаси,—объ Іисусѣ Христѣ, Который называется здѣсь Господомъ и вмѣстѣ Богомъ нашимъ» (стр. 313—314). Заключеніе это прямо неисчислимо по своей важности, а мотивируется оно довольно удивительнымъ образомъ, что грамматически этого «спорнаго вопроса» «нельзя точно и опредѣленно рѣшить», однако предлагаемая интерпретація «съ грамматической точки зрѣнія возможна и очень вѣроятна», хотя «включеніе предикативныхъ опредѣленій въ предложеніе цѣли, начинающееся съ ὅπως, невозможно, какъ грубая тавтологія, если считать и τοῦ θεοῦ и τοῦ κυρίου обозначеніемъ одного Іисуса Христа», почему «эти предикативныя опредѣленія лучше всего соединяются съ глаголами стиха 11-го: ἀξιώσῃ и πληρώσῃ» (стр. 314—315). Запутанность и неотчетливость этой аргументаціи очевидны безъ всякихъ дальнѣйшихъ словъ. По истинѣ, тутъ цѣлыя горы утверждаются на остріѣ надломленной иголки. Между тѣмъ было бы до чрезвычайности важно, еслибы раскрылось, что

св. Павелъ съ самаго начала благовѣстнической дѣятельности провозглашалъ абсолютное божество Христа, и недавно обращенные читатели были способны постигать эту высочайшую истину по простому намеку, «спорному» даже для строгой науки на протяженіи чуть не двухъ тысячелѣтій... Это столь чудесно, что и теоретически представляется мало вѣроятнымъ для данной исторической эпохи, откуда естественно, что послѣдовательные сторонники этого взгляда отвергаютъ—въ силу его—подлинность 2 Θесс. (напр., † Prof *Ad. Hilgenfeld*). Уже это наблюденіе должно бы побудить къ бо́льшей осторожности и внимательности построеній, между тѣмъ они лишены собственно всякой серьезной базы. О. Вл. Н. Страховъ совсѣмъ не упоминаетъ, что обсуждаемое пониманіе созидается (у Hofmann, Riggenbach, Wohlenberg) на присутствіи члена τοῦ, который, находясь впереди, объединяетъ въ индивидуальное пѣлое оба титула—θεοῦ и κυρίου. Объ этомъ ничего не говорится, и авторъ—вопреки всякимъ даннымъ — свободно пишетъ дважды τοῦ κυρίου (стр. 315), уничтожая самую то́чку отправленія для своей теологической концепціи. Наряду съ этимъ, и (неподходящія) аналогіи приводятся (изъ Blass'a) въ пользу безчленнаго употребленія словъ θεός и κύριος, а тогда второе могло быть независимымъ и самостоятельнымъ. На этой именно сторонѣ нужно было сосредоточиться попреимуществу, и тутъ оказалось бы, что разумѣемое мнѣніе не прочно и по правиламъ употребленія грескаго члена (см. у *Th. F. Middleton,* the Doctrine of the Greek Article applied to the Criticism and Illustration of the New Testament, ed. by H. J. Rose, London 1841, p. 379—382; † Bishop. *Ch. J. Ellicott*, p. [4]105). Послѣдній имѣлъ бы большой вѣсъ, еслибы сохранялъ здѣсь свойственную ему опредѣляюще-объединительную силу. Тщательное изученіе фактовъ убѣждаетъ, что отличительнымъ для 1—2 Θесс. обозначеніемъ Бога является комбинація ὁ θεὸς ἡμῶν (*J. Ev. Frame*, p. 93, 242 и ср. Prof. *George Milligan*, p. LXIV) и въ ней членъ не имѣетъ особой указательности, какая была бы довольно естественна лишь при существенномъ преобладаніи формулы θεὸς ἡμῶν, но послѣдняя обычна только въ привѣтствіяхъ, свидѣтельствуя здѣсь о своей стереотипной устойчивости. По этой причинѣ во всѣхъ другихъ случаяхъ членъ не можетъ простирать свое вліяніе на связанныя съ этимъ сочетаніемъ дополнительныя прибавки. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что и κύριος употребляется безчленно въ качествѣ termini technici (см.

выше стр. 44—45), не требующаго спеціальныхъ квалификацій и вполнѣ самостоятельнаго. Всѣ эти филологическія данныя говорятъ объ особности обоихъ наименованій и опровергаютъ авторскія соображенія «съ грамматической точки зрѣнія». Что до обще-богословской, то—помимо сказаннаго—достаточно сослаться на контекстъ. Въ непосредственно предшествующемъ выражается молитва о христіанскомъ преуспѣяніи читателей, «да прославится имя Господа нашего Іисуса Христа въ нихъ», и вотъ въ этой ассоціаціи было бы всего натуральнѣе и полезнѣе отмѣтить божественное величіе и абсолютную достославность Спасителя. Это служило бы и побужденіемъ и поощреніемъ христіанскаго усердія, мотивируя его божественностію и пріобщая къ ней успѣшностію духовнаго возрастанія. Фактически все это предполагается ниже, гдѣ подобная концепція и слишкомъ неожиданна и весьма неудобна, поскольку Апостолъ не могъ возводить благодать къ одному Христу съ устраненіемъ Отца. Рѣчь идетъ о прославленіи Христовомъ, а оно совершалось бы чрезъ благодать Христову и разрѣшалось въ косвенное самопрославленіе. Ожидается объективное средство, какое и находится у христіанъ въ благодати Божіей, даруемой отъ Отца въ Сынѣ. Этимъ, конечно, не оспаривается божественность Христа, несомнѣнная въ самомъ терминѣ κύριος, чисто религіозномъ (ср. Prof. *Joh. Weiss* у Meyer'a ^{9}V, S. 5—6 къ 1 Кор. I, 3), но ее надо было отыскивать иначе. Результатъ былъ бы болѣе убѣдительный, хотя и не столь эффектный, еслибы освѣтить ярче тотъ несомнѣнный фактъ, что Христосъ рисуется источникомъ благодати наравнѣ съ Богомъ и, слѣдовательно, тоже обладаетъ свойственною божественностію, почему Сынъ иногда (II, 16) называется даже ранѣе Отца (*J. Ev. Frame*, p. 27) и при упоминаніи ихъ глаголъ употребляется (II, 16—17 и 1 Θесс. III, 11) въ единственномъ числѣ (Prof. *Geoge Milligan*, p. LXVI). Такое пониманіе давалось само собою и пріучало человѣческую мысль къ лучшему воспріятію высшихъ христологическихъ откровеній, а въ то же время было бы исторически вѣроятно и миссіонерски или педагогически предусмотрительно.

О. Вл. Н. Страховъ ускоряетъ ходъ событій, между тѣмъ самъ допускаетъ даже такой сомнительный по рѣзкой формулировкѣ тезисъ, яко бы «религіозно-теологическія и общія культурно-историческія условія вліяли на развитіе Апостола

и на выработку его воззрѣній» (стр. 103). Но и это свидѣтельствуетъ о склонности автора къ болѣе широкимъ обобщеніямъ на основѣ добытыхъ экзегетическихъ частностей. Здѣсь предъ нами обнаруживается безспорно важная и добрая сторона. Если экзегетическія работы не желаютъ разрѣшаться въ безсистемную дробность мелочныхъ замѣтокъ,—онѣ обязательно должны увѣнчиваться библейско-богословскими построеніями, гдѣ взгляды той или иной священной книги объединяются въ цѣлостное изображеніе, а это послѣднее оцѣнивается по своему происхожденію, составу и отношенію къ другимъ концепціямъ этого самаго и прочихъ новозавѣтныхъ писателей. 2 Θесс. представляло для сего вполнѣ удобный поводъ и весьма благодарный матеріалъ въ своемъ таинственномъ ученіи о «днѣ Господнемъ». Правда, этотъ отдѣлъ занимаетъ небольшое мѣсто, но—по мнѣнію о. Вл. Н. Страхова—тутъ «центръ тяжести, главная и оригинальная мысль» посланія (стр. 32), въ которомъ вторая «глава неоспоримо образуетъ самое его зерно» (стр. 101), а «все содержаніе, въ сущности, исчерпывается изложеніемъ эсхатологическихъ воззрѣній и изображеніемъ нравственно-практическаго значенія труда въ земной жизни христіанина» (стр. 87). Соотвѣтственно такому пониманію этотъ предметъ обсуждается во всѣхъ подробностяхъ и освѣщается съ различныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ особо разсматриваются эсхатологія 2 Θесс. (стр. 136—255) и упоминаніе о храмѣ Божіемъ (стр. 256—266), не говоря о многихъ дополненіяхъ и повтореніяхъ въ экзегетической части. Авторъ идетъ историко-критическимъ путемъ, обѣщая «историческій обзоръ разсматриваемаго отдѣла» (стр. 137), но фактически даетъ систематическую группировку, при которой не получается общей картины историческаго развитія взглядовъ, когда самая смѣна ихъ была бы и взаимною критикой и объективною оцѣнкой. Всѣ воззрѣнія—менѣе удовлетворительно, чѣмъ у проф. А. Д. Бѣляева (О безбожіи и антихристѣ I, стр. 467),—классифицируются по пяти рубрикамъ подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, откуда заимствуются и крайне неудачныя обозначенія (стр. 137 сл., 186). Такъ, толкованіе апостольскихъ словъ въ смыслѣ пророчества о послѣднихъ дняхъ міра называется «догматическимъ», а миѳологическое, усматривающее въ нихъ отраженіе древней миѳологіи, титулуется «традиціонно-историческимъ» и т. п. Это ничуть не способствуетъ отчетливости, которая особенно желательна въ матеріяхъ столь деликатныхъ

и сложныхъ, заключающихъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Нужно съ рѣшительностію засвидѣтельствовать, что о. Вл. Н. Страховъ поработалъ очень много и тщательно собралъ богатый запасъ всякихъ свѣдѣній на основаніи достаточныхъ пособій, не всегда надежныхъ [1]), но заботливо провѣряемыхъ по первоисточникамъ. Въ частностяхъ встрѣчаются пробѣлы и неточности, однако не существеннаго свойства. Напр., отеческія сужденія воспроизводятся старательно и подробно, хотя почему-то о. Вл. Н. Страховъ цитируетъ блаж. Ѳеодорита полатыни (стр. 168) и совершенно напрасно превозноситъ экзегетическій методъ Антіохійской школы (стр. 163—164). При всемъ томъ здѣсь не видно ближайшей, непосредственной связи съ трактуемымъ апостольскимъ текстомъ, поскольку рѣчь идетъ больше всего объ антихристѣ, а у св. Павла даже самое это имя никогда не употребляется (стр. 224). Во всякомъ случаѣ эти общія концепціи, имѣющія спеціальныя изслѣдованія (у насъ въ трудѣ проф. *А. Д. Бѣляева*, О безбожіи и антихристѣ, т. I, Сергіевъ Посадъ 1898), требовали бы экзегетическаго приспособленія, какъ это дѣлается здѣсь въ принципіально-богословскихъ интересахъ (напр., у проф. о. *Н. В. Петрова*, Объ антихристѣ въ «Прав. Собесѣдникѣ» 1912 г., № 2, стр. 159—187, и въ оттискѣ брошюрой, Казань 1912). Безъ этого всѣ громадныя справки въ этой и другихъ частяхъ не приближаютъ прямо къ дѣлу и едва ли много помогаютъ уразумѣнію его. Не вездѣ достигаются полнота и рельефность. Пространно сообщается, что протестантство разныхъ оттѣнковъ находило воплощеніе апостольской картины въ папизмѣ (стр. 179 слл.; ср. *Jos. Knabenbauer*, p. 146), какъ и доселѣ пробуютъ научно убѣдить, что именно папство есть τὸ κατέ-

[1]) Напр., рекомендуемая авторомъ (стр. 140, 1) статья *М. Богословскаго* о „человѣкѣ беззаконія“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1885 г., II, стр. 261—297 (ср. о ней ibid. 1911 г., № 3, стр. 388) даетъ лишь не всегда точное переложеніе соотвѣтствующаго трактата изъ † *Jos. Döllinger*'а Christenthum und Kirche in der Zeit der Grundlegung, Regensburg ³1868, S. 425—455 (каковая книга глухо упоминается у о. Вл. Н. Страхова только на стр. 187, 11 и ср. 191) и не имѣетъ строго экзегетическаго характера и значенія, а по сходству предмета можно бы назвать и „Критическій обзоръ важнѣйшихъ мнѣній объ антихристѣ“ *П. Орлова* въ „Православскомъ Обозрѣніи“ за 1889 г., не говоря о западной литературѣ, которая чрезвычайно обширна, между тѣмъ она представлена у автора—главнымъ образомъ—комментаріемъ Борнемана на 1—2 Θесс.

χον и папа—ὁ κατέχων (ср. *F. Prat*, La théologie de Saint Paul I, p. 116; «Biblische Zeitschrift» 1913, IV, S. 437), но совсѣмъ слабо обрисовывается у о. Вл. Н. Страхова обратное приложеніе ея къ лютеранству (стр. 179, 246; ср. Lic. Dr. *Hans Preuss*, Die Vorstellungen vom Antichrist im späteren Mittelalter, bei Luther und in der konfessionellen Polemik: ein Beitrag zur Theologie Luthers und zur Geschichte der christlichen Frömmigkeit, Leipzig 1906). Не во всемъ можно согласиться и съ авторскими мыслями, иногда формулированными не съ должною удовлетворительностію. Не пріемлется предпосылка Банзена, яко бы «религіозному способу представленія свойственно то, что онъ всегда имѣетъ связь съ существующимъ, частью усваивая его себѣ, частью отбрасывая, частью преобразовывая и перетолковывая» (стр. 213). Не пытаясь проникнуть во всю глубину этой довольно загадочной фразы, читатель невольно вспоминаетъ смѣлое заявленіе (ср. выше стр. 62—63) самого о. Вл. Н. Страхова, что «всякое пророчество носитъ на себѣ печать своего времени» (стр. 250) и что «вторая глава [2 Θесс.] съ ея идейной стороны есть произведеніе ап. Павла, вдохновленное представленіями Ветхаго Завѣта, развитое на почвѣ перво-христіанскихъ идей и восполненное божественнымъ Откровеніемъ» (стр. 255). Какъ будто, одно достаточно сходно съ другимъ, между тѣмъ противополагается. Смутна замѣтка насчетъ «догадокъ о нѣсколькихъ редакціяхъ Апокалипсиса» (стр. 217) и явно неправдоподобна идея, будто «пытались отожествить (?) всѣ виды языческаго богопочитанія съ іудейскимъ культомъ» и Антіохъ Епифанъ и (убитый 24 января 41 г.) Калигула (стр. 255), о второмъ изъ коихъ имѣются и другія неточности [1]). Въ «историко-критическомъ толкованіи» не одобряется, что «представители этого направленія преслѣдуютъ одну научно-экзегетическую цѣль возможно точнѣе установить, что именно разумѣлъ апостолъ подъ таинственными понятіями второй главы и какимъ естественнымъ путемъ пришелъ онъ къ своимъ эсхатологическимъ мыслямъ» (стр. 139 и 201). Наружно стропотная «естественность» пе-

[1]) См. на стр. 188—189, 244—245, 259 по сравненію съ *Tacit.* Hist. V, 9; *Philon.* Legatio ad Cajum 40—43; *Jos. Flav.*: Bell. jud. II, 10, Antiqu. XVII, 8, 2—9. Напрасно и невѣрно называется (стр. 245) „типичнѣйшимъ проявленіемъ культа царей“ личное безуміе этого неистоваго маніака,—„чудовища“ и „бѣшенаго звѣря“ (Светоній, Калиг. §§ 22 и 56).

рестаетъ быть слишкомъ блазненною послѣ признанія преувеличенной связи всякаго пророчества съ эпохой и можетъ быть понимаема въ отношеніи къ внѣшнему раскрытію сообразно религіозно-историческому генезису соотвѣтствующихъ формъ пророческаго сообщенія. Въ остальномъ указанная цѣль безусловно правильна, потому что она составляетъ собственную задачу всякаго разумнаго экзегезиса, хотя пути и средства могутъ быть ложны. И всего менѣе законно отправляться отъ безнадежнаго исповѣданія, что «для самого ап. Павла ученіе второй главы [2 Θесс.] было результатомъ откровенія (срв. 1 Кор. 11, 23; Гал. 1, 11; 2 Кор. 12, 1—4) и онъ не думалъ объ его *происхожденіи*. Онъ не анализировалъ, откуда получилъ эти мысли, по образу чего создалъ ихъ», «имѣя въ виду знаменія, взятыя изъ его времени и понятныя для его времени». «Мы же, имѣющіе богатую апокалиптическую литературу, можемъ поставить себѣ эти вопросы и мы на нихъ отвѣчаемъ» (стр. 250). Чтобы получить отсюда пріемлемый смыслъ,— необходимо относить эту горделивую тираду къ «происхожденію» внѣшней апокалиптической концепціи, но вѣдь къ этому стремится и историко-критическая школа, которая только находитъ, что этою внѣшностію исчерпывается все безъ малѣйшаго остатка въ пользу откровеннаго характера по содержанію. Помимо столь печальнаго результата—методъ этотъ научно правиленъ, и авторъ напрасно заподазриваетъ самую постановку вопроса, «въ какомъ смыслѣ можно говорить о зависимости ученія ап. Павла объ антихристѣ отъ библейскаго [и?] внѣбиблейскаго ученій о томъ же», послѣ чего, опредѣливъ «такимъ образомъ границы чужихъ вліяній, изслѣдователи этой группы приступаютъ къ уясненію апостольскаго ученія объ антихристѣ» (стр. 201). Генезисъ понятій есть самая необходимая и важнѣйшая задача истинной науки, которая обязана выяснить степень оригинальности анализируемой концепціи и въ правѣ убѣжденно допускать откровенность лишь за доказанною непригодностію всѣхъ иныхъ средствъ. Это единственный научный маршрутъ, и отъ него нельзя уклоняться во имя вѣры, коль скоро она желаетъ быть разумно обоснованной, чуждою крайностей, свойственныхъ лишь злоупотребленіямъ съ обратной стороны, когда разумъ не желаетъ признать свою недостаточность и не мирится съ неопреодолимыми фактами, затемняя и извращая ихъ. Бѣда не въ методѣ научномъ, а въ невѣрномъ пользованіи имъ.

Еслибы о. Вл. Н. Страховъ принялъ и примѣнилъ эту точку зрѣнія, то извлекъ бы больще цѣнныхъ наблюденій изъ своего пространнаго историко-критическаго разбора. Теперь же его пріобрѣтенія совсѣмъ скудны. Даже по отношенію къ центральному пункту сказано, что «антихристъ изображается ап. Павломъ какъ конкретная личность, но личность эта еще не открылась и потому неизвѣстна ни автору посланія, ни его читателямъ» (стр. 246). Это близко совпадаетъ съ другими аналогичными выводами подобныхъ критическихъ экскурсовъ, которые исчерпываются констатированіемъ нашего невѣдѣнія о томъ, что̀ имѣлъ въ своемъ умѣ св. Павелъ (*J. Ev. Frame*, p. 262: «we do not know what Paul hat in mind»). Тѣмъ не менѣе этимъ вовсе не разрѣшается и не кончается вопросъ, въ чемъ же состояло откровеніе Божіе Апостолу и его самого—Ѳессалоникійцамъ, разъ главнѣйшее было и осталось неизвѣстнымъ для обѣихъ сторонъ. Вѣдь тогда будетъ лишь голая мысль о послѣднемъ міровомъ кризисѣ при столкновеніи индивидуальныхъ носителей добра и зла, но въ такомъ видѣ она была исконнымъ достояніемъ религіознаго сознанія, ожидавшаго роковой космической катастрофы. Очевидно, было нѣчто бо́льшее и достаточно опредѣленное, какъ описываетъ намъ и самъ о. Вл. Н. Страховъ. У него читаемъ, что «явленіе человѣка беззаконія разсматривается по аналогіи съ явленіемъ Мессіи» (стр. 328), и «въ противоположность Христу» это будетъ «полная каррикатура» Его (стр. 331; ср. у † *Н. И. Виноградова*, О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка, Москва 1887, стр. 117) по «образу пришествія» и по «конечной судьбѣ» (о. *Вл. Н. Страховъ* на стр. 340). При всемъ томъ у антихриста принимается «божественная цѣль» дѣятельности (стр. 341), которая рисуется столь «чудесной, что изъ нея не исключается никакой видъ силы, знаменій, чудесъ» (стр. 343), хотя опять же противнаго свойства. Эта діаметральность простирается и на самое его происхожденіе. Авторъ не допускаетъ, чтобы разумѣлся іудейскій лжемессія, ибо «беззаконникъ осквернитъ храмъ Божій богохульнымъ самообоготвореніемъ», а «эта черта, даже при образномъ пониманіи храма (2, 4), не находитъ для себя никакого приложенія въ іудействѣ ни въ апостольскія, ни въ послѣ-апостольскія времена» (стр. 223—226) и вообще не напоминаетъ «фанатика-іудея» (стр. 331). Наоборотъ, «все беззаконіе исходитъ изъ нѣдръ языческаго міра» (стр. 225), и ὁ ἄνθρωπος τῆς

ἀνομίας «указываетъ именно на язычника» или «языческаго тирана» (стр. 242); онъ «явится изъ языческой среды и по происхожденію и по богопротивной дѣятельности своей будетъ подобенъ Антіоху Епифану, въ ненависти котораго по отношенію къ избранному народу Божію впервые осуществилось пророчество Даніила» (стр. 331). Однако «текстъ апостольскаго ученія не даетъ намъ вполнѣ опредѣленныхъ указаній для рѣшенія вопроса, кого имѣлъ въ виду апостолъ Павелъ при изображеніи антихриста: языческаго ли тирана или іудейскаго лжемессію» (стр. 246—247). Эта неясность касается и другихъ существенныхъ моментовъ. «Тайна беззаконія» экзегетически обозначаетъ самое беззаконіе (стр. 239—240, 336), воплощеніемъ котораго будетъ антихристъ (стр. 247), при чемъ «ἀνομία—это вообще язычество, не имѣющее понятія о законѣ Божіемъ и не желающее знать его», и обнимаетъ всякую «нравственную распущенность» (стр. 242). Но тогда окажется весьма загадочнымъ, отъ чего же будетъ дальнѣйшее «отступленіе» при такомъ окончательномъ вырожденіи, между тѣмъ употребленный членъ отмѣчаетъ, что «обозначенныя событія въ своемъ существѣ были уже извѣстны читателямъ посланія» (стр. 332)? Въ свою очередь и ἀνομία, будучи религіозно-моральнымъ беззаконіемъ, окрашивается политическимъ свѣтомъ, ибо «антихристъ явится воплощеніемъ всего человѣческаго безбожія и нечестія», и «его религіозное нечестіе выразится въ дерзкомъ возстаніи противъ Бога», но онъ еще «воспользуется государственною анархіей и самъ будетъ анархистъ, т. е. ἄνομος» (стр. 245). Религіозная стихія аноміи (ср. стр. 247) совершенно претворяется въ политическую при своей индивидуальной реализаціи. Соотвѣтственно тому и κατέχειν понимается въ смыслѣ препятствованія или активной помѣхи (стр. 253, 335) и всецѣло относится къ «силѣ политической» (стр. 254—255). Этою неотчетливостію создаются нѣкоторыя лишнія затрудненія для интерпретаціи и другихъ важныхъ частностей. По взгляду автора, σέβασμα обнимаетъ «все, что служитъ предметомъ божескаго почитанія и благовѣйнаго страха, какъ то: жертву, алтарь, храмъ, молитву, изображенія Бога и т. п.», почему выводится, что антихристъ—не іудей (стр. 330—331). Здѣсь самое описаніе σέβασμα въ равной степени и невразумительно и сомнительно, если, напр., молитва причисляется къ объектамъ «божескаго почитанія и благоговѣйнаго страха». Сверхъ сего, въ дальнѣйшемъ получается

отсюда извѣстная несогласованность въ пониманіи «храма Божія». Это—не церковь, поелику въ ней «не можетъ имѣть мѣста никакое богохульное самовозвышеніе», которое у антихриста знаменуетъ «нѣчто болѣе ощутительное и болѣе дерзкое, чѣмъ оскорбленіе духовнаго храма» (стр. 257—258). О. Вл. Н. Страховъ «настаиваетъ на той мысли, что выраженіе „храмъ Божій“ 2-го Θесс. 2, 4 апостолъ употребилъ въ буквальномъ смыслѣ, имѣя въ виду существовавшій въ его время Іерусалимскій храмъ» (стр. 265), который тутъ у него и разумѣется (стр. 261) «въ буквальномъ смыслѣ» (стр. 331). На этомъ основаніи даже смѣло констатируется, что—значитъ—«второе посланіе къ Θессалоникійцамъ написано *ранѣе* 70-го года, т. е. прежде разрушенія Іерусалима и храма» (стр. 256), еще существовавшихъ, ибо послѣ этой катастрофы едва ли было можно и едва ли было убѣдительно заводить рѣчь о «самопосажденіи» антихриста въ «храмѣ Божіемъ» (стр. 261—262, 265). Эта конструкція допускается и касательно язычественности отступленія (*E. H. Askwith*, An Introduction to the Thessalonian Epistles, p. 116, 130, 133; † Prof. *Adolf Hausrath*, Jesus und die neutestamentlichen Schriftsteller I, Berlin 1908, S. 391 Anm.; Prof. D. Dr. *Heinrich Julius Holtzmann*, Lehrbuch der neutestamentlichen Theologie, zw. Aufl. von Prof. Ad. Jülicher und Prof. Lic. W. Bauer, II Band, Tübingen 1911, S. 214—215), и насчетъ хронологическихъ выводовъ (Prof. D. *P. Feine*, Einleitung in das Neue Testament, Leipzig 1913, S. 19), но она вызываетъ много сокрушительныхъ для нея недоумѣній. Въ ней ожиданіе антихристіанскаго неистовства связывается съ осквернительнымъ попраніемъ Іерусалимскаго святилища, однако предчувствіе насчетъ этого бѣдствія вовсе не возбудило подобныхъ опасеній у тогдашнихъ христіанъ и разрѣшилось лишь мирнымъ и добровольнымъ удаленіемъ ихъ изъ Іерусалима (Евсевія Ц. И. II, 5). Такая ассоціація не находитъ для себя корней въ христіанскихъ настроеніяхъ и совсѣмъ не объясняетъ ихъ ни по происхожденію, ни по характеру. Приходится апеллировать къ іудейству,—и авторъ говоритъ, что благовѣстникъ прямо взялъ изъ него «готовыя представленія» (стр. 258), проистекающія изъ «*специфически—іудейскаго* сознанія» (стр. 261), выросшія на іудейской почвѣ и отражающія іудейскія надежды (стр. 264). Но тамъ все сосредоточивалось на «вѣрѣ въ возстановленіе іерусалимскаго храма» и относится къ его будущему возсозданію послѣ быв-

шаго уже разрушенія, какъ и понимали дѣло нѣкоторые христіанскіе комментаторы (стр. 263—265). Въ силу этого необходимо должно согласиться, что упомянутыя «готовыя представленія» могли развиться въ іудействѣ и получить особое примѣненіе въ христіанствѣ лишь послѣ 70-хъ годовъ, а тогда и 2 Θесс. было бы не раннѣйшимъ ихъ, но значительно позднѣйшимъ. Въ этомъ пунктѣ авторъ впадаетъ въ самопротиворѣчіе и подрываетъ свои выводы, хотя то и другое покоится на предлагаемомъ историко-истолковательномъ гепизисѣ, гдѣ—наоборотъ—традиціонная концепція о сѣденіи въ храмѣ считается вполнѣ возможною по разрушеніи его, какъ готовый и знакомый образъ († Prof. *Ad. Hausrath*, Jesus und die neutestamentlichen Schriftsteller II, S. 386; Lic. Dr. *Martin Dibelius* въ Handbuch zum Neuen Testament herausg. von Hans Lietzmann III, Tübingen 1911, S. 31; Prof. D. *Ad. Jülicher*, Einleitung in das Neue Testament, S. $^{5-6}$ 53). Тутъ обнаруживаются нѣкоторые общіе дефекты по отношенію ко всей эсхатологической концепціи 2 Θесс. Въ данномъ случаѣ съ большимъ вредомъ для себя авторъ отклоняетъ спеціальное сравненіе эсхатологіи апостольской съ библейской и внѣбиблейской (стр. VII), между тѣмъ именно она яко бы «стала любимымъ орудіемъ въ рукахъ отрицателей подлинности 2-го Θесс.» (стр. 97) и «въ сильной степени зависитъ отъ апокалиптическихъ іудейскихъ идей» (стр. 103 и ср. 213, 226). Этимъ однимъ достаточно мотивируется огромная значимость изученія іудейской апокалиптики даже съ чисто отрицательной стороны (ср. стр. 140), хотя теперь авторъ напрасно умалчиваетъ, что апокалиптикою же энергически ограждается и автентичность 2 Θесс. (Prof. *Ad. Harnack*, S. 560; ср. выше на стр. 4), почему 2 Θесс. II вовсе не служитъ аргументомъ противъ его подлинности (Lic. Dr. *Martin Dibelius*, Die Geisterwelt im Glauben des Paulus, Göttingen 1909, S. 61). А положительное значеніе тѣмъ болѣе возвышается, если эсхатолологическія чаянія могли выражаться лишь въ апокалиптическихъ категоріяхъ (*J. Ev. Frame*, p. 274). Естественно, что все посланіе носитъ «очень сильный ветхозавѣтно-іудейско-апокалиптическій отпечатокъ» (Prof. *Ad. Harnack*, S. 575), при чемъ въ основѣ II, 3—13 лежитъ «совершенно іудейская апокалиптика» (S. 569). Отсюда важность соотвѣтствующихъ документовъ апокрифическо-апокалиптическаго содержанія (ср. Prof. *George Milligan*, p. 173). Для послѣднихъ о Вл. Н. Стра-

ховъ подчеркиваетъ, что у Апостола не было «какихъ-либо письменныхъ апокалиптическихъ источниковъ», вошедшихъ въ его композицію (стр. 265; ср. 258—259, 266). Но вопросъ здѣсь совсѣмъ въ другомъ, что сохранившіеся памятники являются свидѣтельствами циркулировавшихъ тогда вѣрованій и настроеній, которыя мыслимы въ средѣ христіанъ и могли опредѣлять способъ апостольскаго изображенія, поскольку объ этомъ «für sie (die Thessalonicher), nicht für uns, hat Paulus geschrieben» (Prof. *Caspar René Gregory*, Einleitung in das Neue Testament, Leipzig 1909, S. 659). Гораздо существеннѣе и полезнѣе было бы отмѣтить, что для благовѣстника всегда нормирующимъ являлся примѣръ Господа (ср. *J. Ev. Frame*, p. 304 къ III, 10) и Его эсхатологія (Prof. *George Milligan*, p. 173) настолько преобладала въ устной традиціи объ антихристѣ (p. 158), что Мѳ. XXIV почитается прямымъ комментаріемъ къ 2 Ѳесс. II (p. LXI, 1), гдѣ все коренится въ назиданіи и преданіи Спасителя (Dozent *P. Olaf. Moe*, Paulus und die evangelische Geschichte, S. 214; Prof. *C. Toussaint*, Épitres de Saint Paul I, p. 135; † Prof. *Auguste Sabatier*, L'Apotre Paul, p. [3] 109—110) и иногда какъ будто прямо сохраняетъ (въ III, 10) ἄγραφα Христовы (см. D. *Alfred Resch*, Der Paulinismus und die Logia Jesu in ihrem gegenseitigen Verhältnis въ «Texte und Untersuchungen» N. F. XII, Leipzig 1904, S. 409—410). Авторъ упоминаетъ, что «на развитіе апостольскаго ученія объ антихристѣ оказали значительное вліяніе ветхозавѣтныя пророчества объ обоженіи и самообоготвореніи монарховъ» (стр. 244) и что «ученіе это создалось на основѣ пророчествъ ветхозавѣтныхъ и пророчествъ самого Іисуса Христа» (стр. 247), но не выясняетъ соотношенія этихъ факторовъ, не разбираетъ ихъ спеціально и не раскрываетъ ни способовъ, ни характера, ни степени іудейско-апокалиптическихъ воздѣйствій. По всѣмъ этимъ пунктамъ встрѣчаются пробѣлы и недочеты, достигающіе того, что 4 книга Ездры (XIII, 5) цитируется (стр. 231) полатыни изъ нѣмецкаго сочиненія проф. Бу́ссета, когда было бы проще и справедливѣе обратиться къ нашей славяно-русской Библіи, гдѣ всякому она доступна подъ именемъ 3-й книги Ездры. Намъ внушается, что «оборотъ ὁ ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας можетъ быть вполнѣ понятъ только на основаніи еврейскаго оборота» (стр. 241 сл.) и предметно антиципируется ветхозавѣтными предреченіями. Въ числѣ таковыхъ выдвигается книга Даніила, на которой яко бы «основывается

[въ апостольскихъ словахъ] богопротивленіе антихриста» (стр. 243), между тѣмъ, будучи пророчествомъ объ Антіохѣ Епифанѣ (стр. 244, 331), она рисуется чуть не прямымъ описаніемъ его наряду съ изображеніемъ книгъ Маккавейскихъ (стр. 213). Отсюда и личность этого царя слишкомъ тѣсно сближается съ антихристомъ, и по этому поводу мы читаемъ слѣдующее: «какъ тогда произошло религіозно-политическое отступленіе (политическое постольку, поскольку съ измѣной святому завѣту Божію и подчиненіемъ языческому царю соединялась измѣна національному Богомъ учрежденному управленію), породившее Антіоха Епифана, царя кровожаднаго, врага Бога и Его священнаго порядка, прообраза антихриста, такъ и въ христіанствѣ передъ пришествіемъ антихриста имѣетъ произойти религіозно-политическое отпаденіе отъ Новаго Завѣта Бога съ людьми, отъ вѣры въ Бога и во Христа Его и отъ вѣчнаго Божественнаго порядка, имѣющаго свое выраженіе въ государственной организаціи, потому что всякая власть отъ Бога (Рим. 13, 1) и каждый христіанинъ обязанъ ей подчиняться» (стр. 237). Изъ источниковъ намъ неизвѣстно такой концепціи, и принципіально она вполнѣ сомнительна по своей внутренней и фактической невѣроятности. Судя по «измѣнѣ святому завѣту и богоучрежденному управленію съ подчиненіемъ языческому царю»,—разумѣется, повидимому, іудейское «отступленіе», но вѣдь Антіохъ Епифанъ, какъ нееврей, не могъ быть «порожденіемъ» его, а само оно вовсе не имѣло столь страшныхъ размѣровъ и совсѣмъ не оправдывало нечестиваго покушенія, которое вызвало героическій отпоръ и послужило къ религіозно-моральному подъему іудаизма. Объ «отступленіи» языческомъ, конечно, не приходится говорить, ибо оно совсѣмъ не было чрезвычайнымъ и условливающимъ по отношенію къ Антіоху Епифану. Въ этомъ случаѣ авторское истолкованіе страдаетъ туманностію и шаткостію и потому, само нуждаясь въ проясненіи, ничуть не помогаетъ постиженію новозавѣтныхъ образовъ. Еще менѣе утѣшительны результаты касательно іудейскихъ эсхатологическихъ воззрѣній. Здѣсь о. Вл. Н. Страховъ твердо отрицаетъ, чтобы «эсхатологія Новаго Завѣта вообще, эсхатологія ап. Павла — въ частности, создалась подъ вліяніемъ іудейской апокалиптики», ибо послѣдняя сама «создалась подъ вліяніемъ новозавѣтной эсхатологіи» (стр. 232). Если первое вѣрно или защищается многими учеными, то второе совсѣмъ невѣдомо для трезвой науки

и принципіально непріемлемо для нея, какъ генетически-причинное воздѣйствіе позднѣйшаго на предшествующее ему. И ошибочность ничуть не ослабляется по вмѣненію, когда авторъ ссылается на доступныя пособія, что соотвѣтствующіе іудейскіе апокрифы «произошли... въ концѣ перваго и во второмъ вѣкѣ по Р. Хр.» (стр. 232), такъ какъ они лишь закрѣпляютъ господствовавшія и давно распространенныя вѣрованія, свидѣтельствуя объ ихъ раннѣйшемъ возникновеніи и широкомъ обращеніи. Это примитивный научный пріемъ для подобныхъ разысканій, и попраніе его губитъ всѣ построенія, которыя—сами по себѣ—были бы правильными. Для выясненія существа эсхатологически-апокалиптическихъ концепцій 2 Θесс. и для его хронологической датировки были бы много полезнѣе и плодотворнѣе совсѣмъ иные критеріи. Безспорно, что въ концепціяхъ антихриста соучаствуютъ два элемента—гуманитарный и супранатуральный, поскольку второй, будучи даже преобладающимъ (*E. C. Devick*, Primitive Christian Eschatology, Cambridge 1912, p. 267), не подавляетъ перваго и не отнимаетъ у него отвѣтственной самодѣятельности (ср. у *І. В. Боркова*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 353—354), еслибы и допустить прямое вселеніе сатаны (проф. *А. Д. Бѣляевъ*, О безбожіи и антихристѣ I, стр. 198). Безбожный противникъ рисуется человѣческимъ существомъ съ чрезвычайными, сверхъестественными силами (ср. Lic. Dr. *Martin Dibelius* въ Handbuch zum Neuen Testament III, S. 34). Подобное совмѣщеніе разнородныхъ чертъ служитъ опорою для миѳологическаго истолкованія этого образа (*M. Dibelius*: ibid., S. 33, 29 и Geisterwelt im Glauben des Paulus, S. 58 ff. и даже Prof. *James Moffatt* въ The Expositor's Greek Testament, p. 16 sqq., 48). Однако аргументируется, что первоначальнымъ въ немъ былъ гуманистическій моментъ въ фигурѣ антихриста, который мыслился не воплощеннымъ демономъ, а просто титаническимъ богоборцемъ человѣческаго происхожденія. Первымъ историческимъ носителемъ этого типа былъ Антіохъ Епифанъ, въ рѣчи о коемъ слышатся отголоски Вавилонскаго миѳа о возстаніи дракона на небесныхъ боговъ. Наряду съ этимъ шло другое теченіе, сложившееся въ чисто сатанинскую фигуру веліара и постепенно сближавшееся съ параллельнымъ ему воззрѣніемъ, куда чрезъ него сильнѣе проникли стихіи Вавилонской миѳологіи, которая отражается въ іудейской и христіанской эсхатологіи. Это сліяніе совершилось на хри-

стіанской почвѣ до 50 года, а дальше (напр., въ Вознесеніи Исаіи) присоединяются Нероновскія легенды въ формѣ вселенія веліара то въ живого Нерона, то въ Nero redivivus. 2 Θесс. II, 1—12 не содержитъ Неронических̀ъ наслоеній и потому является показателемъ переходной стадіи синкретизма и будетъ относиться къ 40—50 годамъ I вѣка, обезпечивая для всего посланія историческую подлинность (ср. Prof. *R. H. Charles*, The Ascension of Isaiah, London 1900, p. LXI sqq.). Эта реконструкція теоретически цѣнна тѣмъ, что даетъ предметно-генетическую концентрацію разрозненныхъ апокалиптическихъ фрагментовъ и въ цѣлостномъ объединеніи получаетъ опору для объективно-историческаго истолкованія павлинистическаго созерцанія, какъ реальнаго и живого начала своей эпохи, гдѣ оно имѣло фактическіе корни для возобладанія и вліянія, отправляясь отъ фундаментальныхъ предпосылокъ іудейской апокалиптики (Prof. *R. H. Charles*, A Critical History of the Doctrine of a Future Life in Israel, in Judaism, and in Christianity, London 1899, p. 380). Мы видимъ здѣсь жизненный факторъ въ непосредственной дѣйствительной обстановкѣ и можемъ въ надлежащей исторической перспективѣ прямѣе постигать его происхожденіе, вліяніе и значеніе. У нашего автора нѣтъ такого обобщенія, и — сильный въ критикѣ — онъ не столь рѣшителенъ и отчетливъ въ положительномъ освѣщеніи іудейско-апокалиптическихъ данныхъ. Тутъ важно прежде всего, что въ первохристіанствѣ и у Апостола Павла господствуетъ исключительно идея парусіи, и лишь по связи съ нею допускаются всѣ другія соприкосновенныя явленія. Но именно в т о р о е пришествіе Мессіи невозможно для іудейства и въ памятникахъ его не предполагается [1]). Наряду съ этимъ весьма сомнительно, чтобы въ іудейскихъ созерцаніяхъ I-го вѣка была ясная фигура личнаго «антихриста», какъ религіозно-нечестиваго человѣка беззаконія [2]). Наоборотъ, тамъ всецѣло преобладаетъ понятіе коллективнаго антимессіи для совокупности враговъ Іеговы и народа Божія. Если не считаютъ Завѣта Даза V, 10,

[1]) Ср. *Heinrich Dieckmann*, Die Parusie Christi (Geestemünde 1898), S. 39: „in keiner apokalyptischen Urkunde jemals eine z w e i t e Erscheinung des Messias auf Erden nach schon vorausgegangener Wirksamkeit desselben gelehrt und gefordet wird".

[2]) См. и *Paul Volz*, Jüdische Eschatologie von Daniel bis Akiba (Tübingen und Leipzig 1903), S. 73.

гдѣ вѣроятна корректура христіанской руки, то чуть ли не впервые въ «Вознесеніи Моисея» выступаютъ индивидуальныя черты въ описаніи (гл. VIII) злостнаго царя царей земныхъ, который воздвигнетъ жестокое гоненіе на законъ и чтителей его, принуждая къ идолопоклонству (см. у *R. H. Charles*, The Assumption of Moses, London 1897, p. 28 — 32). Не менѣе сего безспорно, что въ этомъ образѣ доминируетъ политическая сторона, если, напр., въ 3 (4) Ездр. V, 6 говорится, что «тогда будетъ царствовать тотъ, котораго живущіе на землѣ не ожидаютъ». Лишь въ Сивилл. III, 63—77 выводится веліаръ, который придетъ изъ Севастійцевъ и сотворитъ великія знаменія, даже воскрешенія мертвыхъ, и соблазнитъ много евреевъ и беззаконниковъ, но по волѣ великаго Бога въ концѣ концовъ сгоритъ вмѣстѣ съ послѣдователями (см. у † Prof. *E. Kautzsch*, Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments II: Die Pseudepigraphen, Tübingen 1900, S. 186); однако здѣсь справедливо подозрѣніе, что намъ рисуется Симонъ Магъ, а это отсылаетъ къ христіанскимъ вліяніямъ. Во всякомъ случаѣ тутъ единственное свидѣтельство по сравненію съ доминирующими политическими темами. Послѣднія констатируются и связью съ Нероновскими сагами, о которыхъ опять желалось бы отъ о. Вл. Н. Страхова болѣе положительной и приспособленной обрисовки. Доселѣ провозглашается, что эта легенда «прочно овладѣла народнымъ воображеніемъ» (*George Edmundson*, The Church in Rome in the First Century, London 1913, p. 174) и въ первохристіанствѣ связывалась съ ожиданіемъ послѣдняго конца (см. *Gustav Hoennicke*, Die neutestamentliche Weissagung vom Ende, Gr. Lichterielde — Berlin 1907, S. 41), между тѣмъ она не имѣла особенной распространенности. Все исчерпывается слѣдующими фактами. Самъ Неронъ допускалъ, что проживетъ не менѣе 75 лѣтъ и—по лишеніи трона — будетъ долго править на Востокѣ (Sueton. Nero 40), по кончинѣ же тирана была молва, что онъ не умеръ и въ скоромъ времени вернется (ср. Dion Chrys. or. 21), а царь Вологезъ убѣдительно просилъ чтить его память, какъ вообще Парояне склонны были поддерживать Лженероновъ (Suet. Nero 57 и ср. Tacit. Hist. I, 2), которые появлялись по той причинѣ, что «насчетъ смерти Нерона ходили разные слухи, и потому многіе воображали себѣ и вѣрили, что онъ живъ» (Tacit. Hist. II, 8). Первый Лженеронъ, вскорѣ по умерщвленіи своего оригинала

взволновавшій Грецію и Малую Азію, былъ рабъ изъ Понта или вольноотпущенникъ изъ Италіи, пѣвецъ и игрокъ на цитрѣ, похожій лицомъ на Нерона; на о. Китнѣ (нынѣ Θермія), куда занесенъ бурей, убитъ (въ 69 г.) солдатами Кальпурнія Аспрената, назначеннаго Гальбою намѣстникомъ Галатіи и Памфиліи (Tacit. Hist. II, 8 — 9; Cass. Dion. LXIV, 9; Zonar. XI, 15). Чрезъ 20 лѣтъ большимъ сочувствіемъ у Парѳянъ пользовался нѣкій Лженеронъ, получавшій отъ нихъ сильную помощь и едва выданный ими (Suet. Nero 57), м. б. тожественный съ Теренціемъ Максимомъ, который при Титѣ имѣлъ поддержку парѳянскаго полководца Артабана (Zonar. XI, 18 и ср. Tacit. I, 2). Вездѣ мы видимъ чисто политическую концепцію, которою ограничивается и Лактанцій, яко бы ходятъ слухи, что Неронъ гдѣ-то скрывается живымъ (De mort. persec. II). Только въ позднѣйшихъ Сивиллахъ (начала II в.) Неронъ представляется антимессіей (V, 93—110) и награждается супранатуральными свойствами въ качествѣ ἀντίθεος (V, 214 — 227. 24 — 34), но не упоминается о его смерти и о появленіи изъ царства мертвыхъ, т. е. нѣтъ въ памятникахъ I вѣка Nero redivivus, который прямѣе удостовѣряется уже послѣ, напр., словами блаж. Августина, что—по однимъ — онъ воскреснетъ въ качествѣ антихриста (De civit. Dei XX, 19) [1]. Опять мы получаемъ политическій образъ, который обнаруживалъ мало фактическаго воздѣйствія въ формѣ лженероновскихъ движеній, а идейно не обладалъ особыми религіозными свойствами или ассоціаціями и не могъ порождать ихъ, вообще же чуждъ былъ большого творческаго вліянія и потерялъ его къ первой трети II-го столѣтія (см. Prof. *F. Crawford Burkitt*, Jewish and Christian Apocalypses, London 1914, p. 46).

Отмѣченныя сопоставленія были бы важны въ дополненіе къ прежнимъ хронологическимъ выводамъ, опредѣляя всецѣло религіозный характеръ апостольской эсхатологіи и постулируя для нея къ соотвѣтствующему генезису. Безъ этого вся апокалиптическая концепція, оставаясь загадочною по историческому возникновенію, оказывается не совсѣмъ понятною

---

[1]) См. подробнѣе у Prof. *Theodor Zahn*, Apokalyptische Studien IV—V: Nero der Antichrist въ „Zeitschrift für kirchliche Wissenschaft und kirchliches Leben“ herausg. von Dr. Chr. E. Luthardt VII (Lepzig 1886), S. 337—352, 393—405, и *его же* Einleitung in das Neue Testament I (Leipzig ³1906), S. 180—181 : 9.

и по своимъ фактическимъ отношеніямъ у Ѳессалоникійцевъ. Мы слышимъ, что послѣдніе сосредоточились на «картинахъ мірового конца» (стр. 33, 105), но ихъ настроеніе рисуется весьма смутно. Больше внушается и обосновывается, что данная мысль «произвела въ Ѳессалоникійской общинѣ не простое возбужденіе, а прямо страхъ и испугъ» (стр. 34), при чемъ «вѣра въ непосредственную близость второго пришествія Христа» вызвала «большой страхъ» и «окончательно перепугала» (стр. 69) Ѳессалоникійцевъ, которые «утратили спокойствіе духа и трезвость мысли» (стр. 107), ибо сами они не были увѣрены въ своемъ спасеніи» (стр. 353 и ср. 321). Но «извѣстно, что первые христіане вмѣстѣ съ апостоломъ, который сильно желалъ соединиться со Христомъ, жили, особенно подъ вліяніемъ сильныхъ гоненій, тою мыслію, что скоро настанетъ тотъ день, когда ихъ притѣснители будутъ наказаны, а они сами удостоятся Царствія Божія, для котораго и страдаютъ, и получатъ вѣнцы праведниковъ (срв. 2 Ѳесс. 1, 5). Извѣстно, что день пришествія или все равно день Страшнаго Суда былъ для христіанъ синонимомъ дня искупленія и освобожденія и что мысль о судѣ не могла на нихъ дѣйствовать, какъ испугъ, угнетающимъ образомъ» (стр. 35). «Это пришествіе, по вѣрѣ Ѳессалоникійцевъ, должно было вознаградить ихъ за всѣ страданія. Вотъ почему его ожидали съ нетерпѣніемъ» (стр. 45). И вообще «первымъ христіанамъ было присуще радостное ожиданіе послѣдняго дня, какъ дня искупленія, освобожденія отъ земныхъ страданій, а не какъ дня осужденія» (стр. 321). Тутъ вышеописанное волненіе получаетъ уже нѣсколько тривіальную мотивировку, что «день Страшнаго Суда на людей средней руки, которыхъ было можетъ быть большинство, оказывалъ именно страхъ, создавалъ въ нихъ какую-то растерянность или просто отъ предстоящей въ скоромъ времени перемѣны привычнаго образа жизни, или прямо отъ боязни суднаго дня, какъ дня расплаты за свои дѣла» (стр. 35). Выходитъ, что въ душахъ Ѳессалоникійцевъ царилъ какой-то нездоровый туманъ, и отсюда для 2 Ѳесс. формулируется довольно грубая «главная цѣль—успокоить читателей и о б у з д а т ь энтузіазмъ» ихъ (стр. 46), который въ смыслѣ «чрезмѣрнаго возбужденія такъ же опасенъ, какъ апатія» (стр. 47). По этой причинѣ и выдвигалась «проповѣдь трудовой христіанской жизни» (стр. 11), но вопреки ей развилось «враждебно-презрительное отношеніе къ занятіямъ обыден-

ной жизни» и «усилилась безпорядочная праздная жизнь» съ «чрезмѣрнымъ увеличеніемъ нищихъ» (стр. 44 и 48) въ Ѳессалоникійской общинѣ, «состоявшей главнымъ образомъ изъ мелкихъ торговцевъ», хотя «рабочаго вопроса тамъ не существовало» (стр. 14). Однако, если парусійныя чаянія раздѣлялись самимъ Апостоломъ, то они по существу не могутъ быть инородными или повинными, а тогда допустима рѣчь лишь о крайностяхъ и извращеніяхъ, между тѣмъ благовѣстникъ говоритъ только о хронологической датировкѣ и не упоминаетъ о ложныхъ искаженіяхъ. Съ этой стороны природа эсхатологическихъ настроеній у Ѳессалоникійцевъ оказывается весьма примрачною, и потому загадочнѣ весь соотвѣтствующій процессъ, откуда у нихъ столь рано утвердилась идея немедленности явленія Христова, какое она имѣла собственное достоинство и фактическое вліяніе? Еще менѣе очевидна связь съ нею концепціи антихриста по внутреннему отношенію и историческому дѣйствію—въ качествѣ ослабляющаго и умиротворяющаго фактора. И разъ это—іудейская схема, то какъ для нея нашлось удобное приложеніе среди эллино-христіанъ по сравненію съ бывшими у нихъ представленіями, которыя или не сродны по своей христіанской природѣ, или странны въ эллинскомъ и апостольскомъ христіанствѣ при ихъ іудейскомъ естествѣ? Все это смутно по неясности исходнаго пункта о первохристіанскихъ эсхатологическихъ упованіяхъ [1]). Очевидно, надо начать съ нихъ, чтобы, опредѣливъ происхожденіе и характеръ, уразумѣть дальнѣйшее; — тогда послѣднее принципіально будетъ болѣе прозрачнымъ уже потому, что если мы узнаемъ положеніе, которое регулируетъ св. Павелъ, то ближе постигнемъ способы и средства его исправляющаго и просвѣщающаго назиданія, держась непосредственно и неуклонно апостольскаго текста.

---

[1]) По этому предмету проф. *Вл. Н. Страховъ* издалъ (полученный нами во вторникъ 1914, XI, 4) особый трактатъ подъ заглавіемъ: «Вѣра въ близость „парусіи“ или второго пришествія Господа въ первохристіанствѣ и у св. Апостола Павла», Сергіевъ Посадъ 1914 (оттискъ изъ Юбилейнаго сборника Императорской Московской Духовной Академіи), но естественно, что этотъ трудъ, не во всемъ для насъ новый, не принятъ здѣсь въ спеціальное вниманіе. Ср. также популярно-компилятивный этюдъ *С. Дьякова*, Эсхатологическія чаянія у первыхъ христіанъ и у св. Апостола Павла въ Черниговскомъ журналѣ „Вѣра и Жизнь“ 1913 г., № 24, стр. 5—20.

IV.

Вопросъ о „парусіи“ у первохристіанъ и ученіе о послѣднихъ временахъ во 2 Θесс. II.

Апостольское ученіе предполагаетъ наличность у Θессаломикійцевъ обостренныхъ эсхатологическихъ ожиданій и даетъ соотвѣтственно имъ свои наставленія, почему обѣ стороны совмѣстны и разъясняются взаимно.

1.

Парусійныя ожиданія по происхожденію и значенію; ихъ вліяніе среди Θессаломикійцевъ.

Указанная связь вполнѣ безспорна, ибо апостольское рѣшеніе вызвано тѣмъ, что у Θессаломикійцевъ все осложнилось увѣренностію въ немедленномъ наступленіи «дня Господня». Возобладаніе этой напряженности возводится къ причинамъ внѣшнимъ въ видѣ постороннихъ вліяній пророческой экзальтаціи и устно-литературнаго прельщенія (см. выше стр. 11 слл.), при чемъ почвой служили ветхозавѣтно-іудейскія и христіанскія эсхатологическія вѣрованія, а средой, вліявшей на парусійныя ожиданія первыхъ христіанъ, были всѣ тѣ настроенія и томленія, разнообразные слухи и страстныя ожиданія, какія присущи были іудейству и язычеству (отчасти самостоятельно, отчасти подъ вліяніемъ іудейства) въ вѣкъ рожденія Спасителя человѣчества (о. *Вл. Н. Страховъ*, Вѣра въ близость «парусія», стр. 18 слл., 37, 40—41). Но всѣ эти вліянія были весьма различны въ іудействѣ и язычествѣ, которыя оставались слишкомъ неодинаковы по религіозно-моральнымъ созерцаніямъ и навыкамъ, а второе не знало іудейской эсхатологіи и не могло сразу проникаться настолько, чтобы именно во духѣ ея понимать ученіе Христа и Апостоловъ. При этихъ предположеніяхъ ожидалось бы пестрое разнообразіе эсхатологическихъ порывовъ и нельзя было бы объяснить принципіальное единство ихъ въ первохристіанствѣ, гдѣ для сего необходимо допустить благопріятное посредство въ готовомъ парусійномъ влеченіи. Его и нужно освѣтить прежде всего. На этотъ счетъ высказываютъ догадки о чисто внѣшней обусловленности, ссылаясь, что «время перваго вступленія св. ап. Павла на материкъ Европы совпало

съ знаменательнымъ моментомъ всеобщаго ожиданія язычниками скораго конца міра или, по крайней мѣрѣ, какой-то ужасной міровой катастрофы»; тогда «понятно, что ученіе Апостола языковъ о второмъ пришествіи Господа І. Христа и концѣ міра, *при извѣстномъ пониманіи*, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало общему настроенію македонскихъ и, въ частности, Θессалоникійскихъ язычниковъ», «ожиданію ими скораго конца міра» (проф. прот. *Θ. И. Титовъ*, Первое посланіе св. апостола Павла къ Θессалоникійцамъ, Кіевъ 1893, стр. 255, 256). Но такая повышенность и повсюдность эсхатологическихъ томленій въ язычествѣ къ половинѣ перваго христіанскаго вѣка до чрезвычайности преувеличены [1]) и вовсе не раскрываютъ дѣла, поскольку этимъ указывалось бы не происхожденіе даннаго воззрѣнія во всей его христіанской типичности, а лишь то, почему данное воззрѣніе нашло столь широкое распространеніе. Въ этихъ интересахъ аппелируютъ къ «извѣстному пониманію», оставляя не разрѣшеннымъ главнаго, откуда оно возникло и какъ утвердилось, разъ самъ благовѣстникъ не провозглашалъ и не внушалъ его категорически. Конечно, онъ не забывалъ упоминать о пришествіи Господнемъ и о готовности къ нему, однако впереди всего у него неизмѣнно стоялъ догматъ объ искупляюще-обновляющемъ возрожденіи человѣчества, которое являлось обществомъ избавленныхъ и святыхъ людей. На этомъ основаніи не должно ли было скорѣе придти къ мысли, что теперь прямо устраняется гроза тяжелаго переворота во вселенной, и спасеніе достигнуто окончательно или устроится спокойнымъ увѣнчаніемъ въ постепенномъ органическомъ разрѣшеніи благодатнаго процесса? Не даромъ тогда ходило мнѣніе, что пришествіе Господа уже совершилось (2 Тим. II, 18) и все протекаетъ помимо его. Это свидѣтельствуетъ, что первохристіанская эсхатологическая напряженность была по существу независима отъ внѣшнихъ факторовъ, поелику была ранѣе ихъ и служила средою воспріятія, какъ мы въ этомъ убѣждались ранѣе и по литера-

[1]) Не только у о. *Вл. Н. Страхова* (Вѣра въ близость „парусіи“, стр. 29 сл.), но и у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, напр., Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, Edinburgh 1603, p. 36 sq. Оба они ссылаются на Ренана, но сильно преувеличиваютъ по сравненію съ послѣднимъ (*Ernst Renan*, L'Antechrist, Paris 1873, p. 321—339; Der Antichrist, Leipzig 1873, S. 255—269), у котораго и рѣчь лишь о замѣшательствахъ въ междуцарствіе послѣ Нерона до Веспасіана (p. 323; S. 256).

турному анализу текста (см. выше стр. 22—23).

Не менѣе несомнѣнно, что источникъ этой эсхатологіи былъ не въ языческомъ прошломъ, поскольку его наслѣдіе почитается простымъ матеріаломъ усвоенія для наличнаго христіанскаго сознанія, которое само воздѣйствовало на разныя вліянія, открывая имъ лишь извѣстное мѣсто—больше—въ формальномъ отношеніи и всегда окрашивая своимъ свѣтомъ. Все внѣшнее и побочное могло лишь утверждать и укрѣплять парусійную близость, каковая заранѣе допускалась, ибо всѣми ощущалась и переживалась въ нѣдрахъ христіанскаго бытія, какъ его органическое отраженіе. Значитъ, родникъ для сего былъ въ самомъ христіанскомъ настроеніи, въ которомъ тутъ выдѣлялся вполнѣ естественный отголосокъ. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ особое внутреннее состояніе, возникшее и развившееся на христіанской почвѣ психологическимъ путемъ. Съ этой стороны довольно понятенъ и весь ходъ образованія [1]). Первоначально это было ожиданіемъ Господа — подобно тому, какъ мы ждемъ возврата своихъ близкихъ и лично необходимыхъ намъ людей. Такое состояніе должны были въ высочайшей степени испытывать первые ученики Христовы, пока они не проникали во всѣ тайны грядущаго и не постигали путей провидѣнія. Ихъ по необходимости охватывало гнетущее чувство сиротства, которое въ свою очередь жаждало освобожденія въ достиженіи прежняго довольства. Естественно, если оно не сразу примирялось съ мыслію, что Господь взятъ навсегда, и скорѣе соглашалось считать это простою разлукой предъ окончательнымъ и неразрывнымъ соединеніемъ. И вотъ при этомъ невольно вспоминалось торжественное слово Спасителя (Ін. XVI, 16): *вмалѣ, и къ тому не видите Мене*; *и паки вмалѣ, и узрите Мя*, когда сердце каждаго наполнялось увѣренною надеждой на скорое лицезрѣніе. Правда, ближайшій опытъ не совсѣмъ согласовался съ этимъ и съ новою энергіей возбуждалъ прежній вопросъ: *чтѡ есть сіе? не вѣмы, чтѡ глаголетъ* (Ін. XVI, 17, 18), а неизвѣстность оставалась безгласною и непроницаемой. Но наряду съ этимъ внутреннее сознаніе своего возрожденія подсказывало, что душа пригодна для брака и съ радостію стремится во срѣте-

[1]) Для сего имѣемъ въ виду и частію утилизируемъ трактатъ On the Belief in the Coming of Christ in the Apostolical Age у † Prof. *Benjamin Jowett*, The Epistles of St. Paul to the Thessalonians, Galatians and Romans: Translation and Commentary (London ³1894), p. 53—66.

ніе своему Небесному Жениху, Котораго только и не достаетъ для завершенія благодатнаго союза. Чувство лишенія неразрывно связывалось съ ощущеніемъ готовности и разрѣшилось влеченіемъ къ непосредственному ближайшему общенію. Все покоилось на внутреннемъ преобразованіи, которое было всецѣлымъ и требовало своего увѣнчанія въ полнѣйшей нерасторжимости съ Господомъ, не обращая вниманія на окружающее и отметая его, какъ нѣчто внѣшнее и неподходящее. Не иначе должны были чувствовать и всѣ первенствующіе христіане. Царство Божіе не было для нихъ внѣшнимъ институтомъ, а являлось внутреннею созидающею силой, претворяющею все ихъ духовное существо и восторгающее отъ земли на небо. Достаточно взять три тысячи обращенныхъ въ день Пятидесятницы и сразу возрожденныхъ единымъ Духомъ Божіимъ, чтобы угадать охватившее настроеніе. Это было изъятіемъ изъ обычнаго порядка. Все тутъ откровеніе и вдохновеніе,—сплошное и неизъяснимое чудо. Сила божественная, совокупившая нѣкогда людей въ народы, соединяетъ ихъ теперь въ церковь, буквально даруя и новое сердце и новый языкъ. Раздѣленные прежде,—люди неразрывно связываются нынѣ вѣрою и любовію во всемірное вѣчное братство. Они видятъ Бога предъ собою, потому что Онъ съ ними и въ нихъ,—и дальше предполагается лишь непосредственная реализація. При этомъ озаренія все и повсюду измѣнялось и исчезало въ своемъ прежнемъ значеніи. Такъ, прошлое оказывалось просто предуготовленіемъ къ настоящему, а въ самомъ послѣднемъ не ощущалось ни длительности, ни постепенности, ибо всюду Господь, близкій къ каждому и находящійся при дверехъ (Мѳ. XXIV, 33. Мрк. XIII, 29). Покрывало отнято съ лица Моисея,—и вѣрующіе живутъ во свѣтѣ исполненія пророчествъ, гдѣ требуется не прибавленіе, но лишь непрерывность пребыванія со Христомъ. Земля имъ уже не нужна, разъ они въ царствѣ Божіемъ, въ коемъ прошедшее и будущее покрываются и поглощаются сладостію нескончаемо блаженнаго настоящаго. Въ этомъ настроеніи христіанскіе первенцы были индифферентны для всего окружающаго и равнодушны къ ходу событій. Когда другіе охвачены своими дѣлами,—они чужды этимъ земнымъ заботамъ, нося въ тайникахъ своихъ всѣ богатства, обезпеченія и радости. Убѣжденные въ своемъ избавленіи и примиреніи съ Богомъ, христіане все имѣютъ въ себѣ. Для нихъ грядущее заключается уже въ

наличномъ, будучи независимо отъ всего земного и стремясь только къ скорѣйшему обнаруженію, когда внутреннее сонаслѣдничество будетъ фактическимъ воцареніемъ съ Господомъ. Естественно, что они интересуются однимъ вопросомъ: «доколѣ, Господи?» и увѣрены въ близости своего Спасителя, разъ несомнѣнно сопребываніе Его съ ними, а чрезъ нихъ и во всемъ мірѣ. Въ такомъ случаѣ и въ послѣднемъ все предъ лицемъ Его. Только на одной сторонѣ—царство святыхъ, на другой—дѣющаяся тайна беззаконія. Поэтому и отъ всѣхъ равно недалекъ судъ Божій, то оправдывающій, то обвиняющій, но этимъ свидѣтельствовалась непосредственность окончательнаго кризиса въ борьбѣ между добромъ и зломъ, Христомъ и веліаромъ. Тутъ все и внѣ и внутри говорило о христіанскомъ завершеніи и направляло исключительно къ нему. Понятно отсюда, что когда для насъ Евангеліе служитъ *началомъ* новаго міропорядка,—для первохристіанъ оно было *концомъ* прошедшаго и дарованіемъ самаго будущаго, которое было у нихъ уже фактическимъ обладаніемъ въ блаженствѣ настоящаго. Предъ ними и въ нихъ была полнота временъ, осуществленіе намѣреній Божіихъ, а изліяніе Духа Божія восхищало ихъ до созерцанія неба отверстаго и Ангеловъ Божіихъ, нисходящихъ чрезъ Сына Человѣческаго на нихъ. Естественно, что и явленіе Христа было для нихъ не столько «пришествіемъ» Его, сколько «присутствіемъ»—παρουσία [1])—въ новой формѣ царственно-славнаго обнаруженія среди сонаслѣдниковъ Своихъ.

Мы видимъ теперь, что интенсивность эсхатологическихъ ожиданій была прямымъ отголоскомъ внутренней жизни обращенныхъ'и служитъ характеристикой господствовавшей въ нихъ силы вѣры. Это не догматическая формула, а отраженіе историческихъ настроеній той эпохи, когда все развитіе царства Божія было еще слишкомъ примрачнымъ для людей, почему самъ Спаситель долженъ былъ говорить лишь приспособительно о томъ, чего «око не видѣло», дабы приблизить къ мысли ограниченной тайну того невѣдомаго часа. Здѣсь существенное содержаніе этихъ прикровенныхъ вѣщаній всегда было и будетъ незыблемою опорой надежды христіанской во вѣки, хотя нѣтъ ни чудесъ на небѣ, ни знаменій на небѣ (ср. Дѣян. II,

[1]) См. выше на стр. 55—56 и ср. еще *James M. Campbell*, Paul the Mystic: a Study in Apostolic Experience (London 1907), p. 108—109.

19) и міръ пребываетъ непоколебимо. Незыблемымъ и непреложнымъ остается одно, что *древняя мимоидоша, се бяша вся нова* (2 Кор. V, 17). И вотъ эта «новость» воспринималась нервохристіанами въ качествѣ непосредственнаго обладанія и необходимо сопровождалась ожиданіемъ близкаго завершенія въ скоромъ пришествіи Христовомъ, въ каковомъ смыслѣ естественно понимались теперь и ученія о семъ Господа и наставленія Апостоловъ. Это служило отзвукомъ первохристіанскихъ чувствъ и свидѣтельствовало о нихъ, но не являлось «догматомъ искупленія» (*о. Вл. Н. Страховъ*, Вѣра въ близость «парусіи», стр. 41) и ничуть не было догматическимъ утвержденіемъ теоретическаго характера, изобличеннымъ исторіей уже тогда, когда древніе скептики недоумѣнно возражали: *отнелѣ же отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. III, 4), ибо «мы состарѣлись, но ничего такого съ нами не случилось» (1 Клим. 23: 3). На самомъ дѣлѣ вовсе невѣрно, будто св. Павелъ былъ убѣжденъ въ немедленномъ явленіи Христовомъ, надѣялся непремѣнно дожить до него (Dozent *P. Olaf Moe*, Paulus und die evangelische Geschichte, S. 213; Lic. *Kurt Deissner*, Auferstehungshoffnung und Pneumagedanke bei Paulus, Leipzig 1912, S. 14), ожидая еще въ своемъ поколеніи (*E. C. Dewick*, Primitive Christian Eschatology, p. 263, 265; Prof. *Arthur C. Headlam*, St. Paul and Christianity, London 1913, p. 27, 30), и даже думалъ года въ два покорить кресту всю вселенную, со включеніемъ язычниковъ (*Fritz Tillmann*, Die Wiederkunft Christi, S. 128—129), а потомъ вынужденъ былъ измѣнить всю свою эсхатологію (ср. *Percy Gardner*, The Religious Experience of St. Paul, London 1911, p. 137—138) [1]), когда онъ утверждалъ лишь одно, что всегда и во всякое время нужно ожидать Господа. Конечно, полное отрицаніе парусійной близости въ первохристіанствѣ достигается насильственнымъ путемъ экзегетическихъ перетолкованій (у *Fr. B.—M. Haghebaert*, L'époque du second avenement du Christ въ «Revue Biblique» III [1894], 1, p. 71—93), однако и обратныя сужденія слишкомъ преувеличены. Рѣчь идетъ не о теоретической доктринѣ,

[1]) См. и Prof. *Heinrich Weinel*, Biblische Theologie des Neuen Testaments: Die Religion Jesu und des Urchristentums (Tübingen 1913), S. 423, 426, а подробно о семъ сказано у *насъ*, Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу II (Спб. 1910), стр. 921 и др., для чего см. кн. III (Спб. 1912), стр. 52.

а о жизненномъ настроеніи, которое было отраженіемъ великаго и всепроникающаго дѣйствія благодати спасенія въ первохристіанахъ, ихъ высокаго внутренняго подъема въ сознаніи всегдашней готовности быть съ Господомъ и съ горячимъ желаніемъ сего. Это есть наилучшее свидѣтельство ихъ обновленія, поскольку внутренняя чистота соизмѣрялась и регулировалась критеріемъ достоинства для соединенія со Христомъ, покоилась на всецѣломъ ощущеніи спасительнаго возрожденія и сопровождалась непоколебимымъ упованіемъ обѣщаніямъ Божіимъ о немеркнущемъ царствѣ славы и добра. Съ этой стороны парусійная сосредоточенность у Апостола Павла и первохристіанъ вовсе не была «невиннымъ заблужденіемъ» (проф. прот. *Θ. И. Титовъ*, стр. 251; см. и *F. Prat*, La théologie de Saint Paul I, Paris 1908, p. 108—109) или «очевидною иллюзіей» (*P. M. Magnien*, La résurrection des morts d'après la première épître aux Thessaloniciens въ «Revue Biblique» N. S. IV [1907], 3, p. 366), которыя надо было обуздывать, какъ опасный энтузіазмъ (см. выше 77). Такъ бываетъ лишь тогда, когда эта напряженность выходитъ изъ нетерпѣнія, изъ недовольства коснѣніемъ (2 Петр. III, 9), потому что говоритъ о недостаткѣ желаемаго въ себѣ и о стремленіи не создавать его вдохновеннымъ усердіемъ, а лишь получить отвнѣ. Сама же по себѣ она проистекаетъ отъ полноты вѣры христіанской,—незыблемой, самопреданной и ангельски свѣтлой, которая заботится единственно о томъ, чтобы всегда быть достойною Господа, ждетъ Его каждую минуту во всѣхъ оружіяхъ Божіихъ, препоясавшись истиною и облекшись въ броню правды (Еф. VI, 14), непрестанно зритъ Его предъ собою въ спокойствіи совѣсти, ибо свое будущее всецѣло носитъ въ настоящемъ. Въ этомъ и причина, почему тайна грядущаго славнаго царства не представлена намъ съ ясностію, поелику «единое на потребу» одинаково довлѣетъ и въ сей вѣкъ и въ будущій. Объ этомъ только и должно помышлять, твердо памятуя, что «Господь близъ» (Филипп. IV, 5). Дѣло уже опыта показать, какое соотношеніе существуетъ между этимъ внутреннимъ всеприсутствіемъ Христа и Его фактическимъ воцареніемъ. Съ этой стороны необходима извѣстная постепенность и въ самомъ откровеніи божественномъ, поскольку, желая быть достояніемъ исторіи, оно приспособляется въ своемъ обнаруженіи къ уровню воспріятія и въ своей глубинѣ всегда бываетъ полно примрачности, будучи

окутано покровомъ пророческой ббразности. Горизонтъ расширяется уже ходомъ событій, и люди просвѣтляются самою жизнію. Въ нихъ понятно—поэтому—и несовершенство познанія, которое не есть еще заблужденіе.

Здѣсь всегда остается незыблемою основная истина по этому предмету, что *не коснитъ Господь обѣтованія* (2 Петр. III, 5), хотя бы въ чувствѣ человѣческомъ и отражалась различно. У первохристіанъ сказывалось ожиданіе близости, но это обращеніе отрицательнаго «незамедленія» въ положительную «скорость» было слѣдствіемъ ихъ возвышеннаго внутренняго настроенія. Послѣднее обнимало всѣхъ христіанскихъ первенцевъ и сопровождалось у нихъ сходными результатами, откуда естественно, что парусійная напряженность является доминирующею въ первенствующей церкви и справедливо почитается типически-характерною для нея. Она возникала совмѣстно съ самымъ благодатнымъ возрожденіемъ и была натуральнымъ запечатлѣніемъ отрѣшенности отъ міра и вознесенія на небо въ нерасторжимомъ союзѣ со Христомъ. Такимъ путемъ подобныя чаянія возросли на чисто христіанской почвѣ и у Ѳессалоникійцевъ, которые, обратившись отъ идоловъ для служенія Богу живому и истинному, непосредственно ожидали Сына Его съ небесъ для избавленія отъ гнѣва грядущаго (1 Ѳесс. I, 9—10), какъ у іудеохристіанъ крещеніе прямо связывалось съ воскресеніемъ мертвыхъ и вѣчныхъ судомъ (Евр. VI, 2). Будучи строго христіанскимъ и нормальнымъ, это чувство говорило о рѣшительности внутренняго обновленія, удостовѣряло его выспренность и чистоту и повелительно побуждало «со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе» (Филипп. II, 12) во всемъ своемъ житейскомъ устроеніи. И чѣмъ интенсивнѣе это влеченіе, тѣмъ сильнѣе его преобразующая и дисциплинирующая вліятельность, какъ ослабленіе константируетъ косность и теплохладность (ср. *H. Dieckmann,* Die Parusie Christi, S. 76). Когда бы фактически ни случилось второе явленіе Христово,—это все равно и знать намъ не дано, но разъ *Господь близъ* насъ, то и мы всегда должны быть въ чистотѣ совѣсти, непорочности помысловъ, правдѣ и радости своего облагодатствованія.

Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ эсхатологическіе порывы были у Ѳессалоникійцевъ христіански естественны и морально возвышенны, не предполагаютъ постороннаго производящаго участія въ происхожденіи и не требуютъ «обуздывающаго»

вторженія по своему примѣненію. Это было живымъ отраженіемъ божественнаго идеала и напряженнымъ влеченіемъ къ нему. Но затѣмъ начинается метаморфоза, вызвавшая потрясеніе ума и общее смятеніе съ преобладаніемъ растеряннаго недоумѣнія и устрашающей тревоги. Какъ могло случиться это и не было ли здѣсь особыхъ внѣшнихъ воздѣйствій? Обратимся къ самому апостольскому тексту. Въ немъ констатируется, что Ѳессалоникійцы поколебались отъ увѣренности, *яко уже настоитъ день Христовъ* (2 Ѳесс. II, 2), являясь моментомъ настоящаго (ср. выше стр. 37). Въ этомъ заключалось глубокое отличіе отъ прежняго настроенія. Тамъ было порывистое стремленіе къ горнему съ напряженнымъ усиліемъ слиться съ нимъ возможно скорѣе и полнѣе. Обѣ стороны были фактически раздѣльны, и божественная непрестанно поддерживала человѣческую, сообщая ей свою непоколебимость и усладу. Теперь онѣ сливаются, поскольку ожидаемое почитается настоящимъ. Но реально второе вовсе не было достигнуто, и—значитъ—напряженность человѣческая ослабѣла въ своемъ полетѣ и примирилась съ наличнымъ, какъ совершенно достаточнымъ. Тогда она неизбѣжно лишилась ободрительной вдохновенности, почерпаемой въ самой божественной цѣли, и осталась со своими ограниченными средствами краткаго христіанскаго опыта предъ послѣднимъ историческимъ кризисомъ, въ которомъ естественно открывалась уже грозная перспектива осуждающаго и подавляющаго величія. Тутъ понятна и объявшая смущенность собственной безпомощности, между тѣмъ ранѣе послѣдняя поглощалась силою Божіей и почерпала въ ней восторженную радостность. Видимо, совершилось паденіе въ первоначальномъ духовномъ пареніи, а это необходимо сопровождалось аффектомъ робости и страха при ослабленіи духовнаго полета до уровня эмпирической ординарности, гдѣ человѣкъ хорошо и инстинктивно понималъ свою скудость и потому въ малодушіи терялся отъ собственной недостаточности. Онъ сталъ страшиться потому, что потерялъ радостную увѣренность при своемъ пониженіи, когда ожидаемое счелъ исчерпаннымъ въ своемъ настоящемъ.

Чувство смятенности не было внѣшнимъ или побочнымъ придаткомъ, а содержалось въ самомъ фактѣ паденія и вытекало изъ него. Поэтому и вся загадка въ этомъ самомъ событіи, которое мы должны выяснить по его происхожденію и обусловливающимъ факторамъ. Ѳессалоникійцы были убѣждены

въ немедленномъ наступленіи пришествія Христова. Благовѣстникъ рѣшительно устраняетъ это мнѣніе, всецѣло ссылаясь на то, что пока нѣтъ обязательныхъ предвареній. О послѣднихъ же выразительно замѣчается, что, еще находясь у нихъ, Апостолъ говорилъ имъ это (II, 5). И разумѣемыя рѣчи не были мимолетны, а напротивъ являлись обычными (для ἔλεγον см. Prof. *George Milligan*, p. XXXVIII: «he had been in the habit of speaking»). Въ равной мѣрѣ онѣ были и не такъ примрачны или кратки, представляли собою «точныя и подробныя наставленія относительно грядущаго дня Господня» (о. *Вл. Н. Страховъ*, стр. 10), если свои необширныя дополненія св. Павелъ заключаетъ незыблемо увѣренностію: *и нынѣ*—καὶ νῦν—*удерживающее вѣсте* (II, 6), подчеркивая, что хронологически теперь (Prof. *G. Milligan*, p. 100—101; *J. Ev. Frame*, p. 262) читатели хорошо освѣдомлены простымъ апостольскимъ напоминаніемъ въ настоящій моментъ [1]). Ясно, что Ѳессалоникійцы достаточно знали объ эсхатологическихъ прецедентахъ, но—вопреки своему просвѣтителю—находили ихъ осуществившимися. Самая мысль о близости «парусіи» могла возникнуть у нихъ только тогда, когда нѣкоторые подмѣтили фактическое сбытіе апостольскихъ предуказаній, при чемъ значительное ея распространеніе и волнующее давленіе предполагаютъ осязательную для всѣхъ наглядность утверждаемаго сближенія. Единственно потому и мнѣніе это сразу пріобрѣло вѣсъ самоподлиннаго ученія Павлова. Въ такомъ случаѣ обязательно допустить, что имѣлись въ виду факты наличной окружающей дѣйствительности, наиболѣе отвѣчавшіе величію «дня Господня». По сему предмету у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, но мы не лишены нѣкоторыхъ опоръ для вѣроятныхъ рѣшеній. Здѣсь для насъ весьма важно, что—по удаленіи Апостола изъ Ѳессалоники—въ ней снова возгорѣлось гоненіе на христіанъ, чего не случилось бы безъ всякихъ реальныхъ поводовъ. При этомъ крайне знаменательно, что сейчасъ главными виновниками были, кажется, язычники (2 Ѳесс. I, 4 сл.). Хотя и это совершилось не безъ подстрекательства и соучастія іудеевъ, однако доминирующая роль принадлежала эллинамъ, которые усмо-

[1]) Посему νῦν въ ст. 6-мъ никоимъ образомъ не можетъ быть простою формулой перехода, какъ думаетъ и Prof. *James Moffatt* въ The Expositor's Greek Testament, p. 49, но вопреки сему см. *Jos. Knabenbauer*, p. 137.

трѣли достаточный мотивъ для возобновленія преслѣдованій: Естественно, что для нихъ основаніе могло быть по преимуществу политическимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и прямое соотношеніе съ прежнимъ нападеніемъ. А во время визита Павлова послѣднее оправдывалось политическимъ обвиненіемъ, будто «всесвѣтные возмутители... поступаютъ противъ повелѣній Кесаря, почитая другого царемъ [и именно] Іисуса» (Дѣян. XVII, 6, 7). Значитъ, и потомъ было нѣчто подобное, только уже не совсѣмъ фиктивное, ибо захватило всю общину и побудило эллинизмъ грозно подняться на своихъ соплеменниковъ. Отсюда необходимо вытекаетъ, что нѣкоторые изъ Θессалонникійскихъ христіанъ—при большомъ сочувствіи всего братства—усмотрѣли политическія предвѣстія откровенія суда Господня и утвержденія царства Божія. И въ этомъ направленіи было достаточно горючаго матеріала для жаждущей парусійной напряженности. Въ ней молодое вино вѣры Христовой безпощадно крушило іудейско-эллинскіе ветхіе мѣхи древняго соціально-религіознаго уклада и неотложно требовало иныхъ формъ для своего богатаго и мощнаго содержанія. Но душа пока не пріучилась думать, что искомое нужно создавать своими усиліями личнаго преображенія, и скорѣе ожидала, что оно будетъ свыше, какъ и возродившая ее благодать. Апостолъ не устранялъ этого прямо своими таинственными рѣчами о временахъ и лѣтахъ (1 Θесс. V, 1 сл.), а рѣшительнымъ и исключительнымъ удареніемъ на неожиданности пришествія «дня Господня» даже располагалъ внимательно прислушиваться къ шороху подкрадывающагося вора. Фактически же былъ почти разрѣшающійся громъ, почему настроенный односторонне умъ неотразимо предчувствовалъ свирѣпую бурю и заранѣе впадалъ въ смятеніе отъ неизвѣстности, спасется онъ или погибнетъ. И, дѣйствительно, политически-религіозный горизонтъ былъ тогда далеко не благополученъ и барометръ стремительно спускался къ роковому термину «гроза!». Св. Павелъ говорилъ о всеобщимъ отступленіи:—но развѣ незаслуженное гоненіе отъ соплеменниковъ не было горестнымъ свидѣтельствомъ, что язычество совершенно отпало отъ добра, поскольку демонически попираетъ его въ принципѣ и примѣненіи? Сейчасъ—при этой мрачной трагедіи сатанинскаго неистовства—іудейство спряталось за кулисы, однако продолжало свою антихристіански-богоборческую работу, ибо не возвѣщалъ ли и самъ проповѣдникъ (1 Θесс. II, 16) ко-

нечный гнѣвъ на него отъ Бога? Сфера для явленія «человѣка беззаконія» была какъ будто вполнѣ готова, и тревожная мысль усердно оглядывалась кругомъ. Она понимала всю его необычайность въ связи съ внѣшнею властію, потребной для реализаціи грандіозно-страшныхъ и универсально-пагубныхъ плановъ, а кто былъ выше и могущественнѣе императора, и допускалась ли хоть тѣнь сомнѣнія въ этомъ? Сказано, что сынъ беззаконія «откроется»,—и это достаточно подходило къ личности царствовавшаго тогда (24 января 41 г.—13 октября 54 г.) престарѣлаго (род. 1 августа 744 г. а С. U., за 10 лѣтъ до р. Хр.) и изжившаго Кесаря Клавдія (см. Tacit. Annal. XII; Suet. Claud.; Cass. Dion. Lx). Послѣдніе годы его правленія были прямо зловѣщи, и онъ «обнаруживался» для всѣхъ въ качествѣ всеобщаго бича со своею неестественною мнительностію. Этотъ деспотъ преслѣдовалъ интересы своего абсолютнаго верховенства, превышающаго всякое величіе—и божеское и человѣческое, поелику думалъ совмѣщать ихъ въ себѣ. Онъ наложилъ свою руку на іудеевъ и наряду съ ними изгналъ изъ Рима и христіанъ (Дѣян. XVIII, 2). У страха глаза велики, и передъ нимъ теперь неотступно рисовались ужасныя сцены попранія всего святого и священнаго при всецѣломъ возобладаніи демоническаго торжества. При такихъ условіяхъ и вдохновенныя откровенія, и устныя дидактически-назидательныя внушенія, и письменныя наставленія Апостола получили новое освѣщеніе, пріобрѣли неотразимую эсхатологическую отчетливость и оказались авторитетными свидѣтелями близкой міровой катастрофы.

2.

Пророческій характеръ 2 Θесс. II и экзегетическое истолкованіе свидѣтельствъ объ „отступленіи“ и „человѣкѣ беззаконія“, ὁ τὸ κατέχον и ὁ κατέχων.

Въ предшествующемъ начертанъ ходъ развитія парусійныхъ смятеній въ Θессалоникѣ. Разумѣется, нельзя ручаться за пунктуальную точность этого воспроизведенія, и въ подробностяхъ все дѣло могло быть много иначе. Но здѣсь важно лишь самое главное, а все это болѣе или менѣе несомнѣнно и сводится къ немногимъ основнымъ положеніямъ. Прежде всего мы видимъ, что обсуждаемое напряженіе могло возникнуть и создаться въ самой христіанской атмосферѣ изъ непо-

средственныхъ душевныхъ порывовъ благодатнаго возрожденія. Оно было столь глубокимъ, что прежнее хожденіе по стихіямъ міра смѣнилось у язычниковъ всецѣлою реакціей въ полномъ отрѣшеніи отъ него и сосредоточилось на страстномъ, дѣтски-невольномъ и чистомъ ожиданіи Сына Божія съ небесъ для устроенія совершеннѣйшаго порядка на развалинахъ стараго грѣховнаго космоса. Это было натуральнымъ влеченіемъ возрожденнаго къ Возродившему и являлось возвышеннымъ стремленіемъ къ сліянію съ Нимъ, почему служило радостію и крѣпостію новаго бытія, сильнаго и своею благодатною свѣжестію и неисчерпаемымъ богатствомъ общенія со своимъ первоисточникомъ. Но это состояніе напряженной надежды постепенно должно было достигать привычной увѣренности, которая естественно разрѣшалась чувствомъ насыщенія въ достаточности наличныхъ запасовъ. Тутъ было извѣстное удовлетвореніе, но оно утверждалось за счетъ паденія первоначальной выспренности, а вмѣстѣ съ нею лишалось ея отличительныхъ преимуществъ и сопровождалось неудержимымъ возвращеніемъ въ сферу человѣческой ограниченности, откуда рождалось тревожное сознаніе слабости съ неизбѣжнымъ колебаніемъ смущенія (ср. стр. 87). Какъ исконная парусійная интенсивность, такъ и позднѣйшая эсхатологическая осязательность возрожденныхъ эллиновъ находили свою опору въ собственныхъ христіанскихъ переживаніяхъ и выростали изъ нихъ съ достаточною непринужденностію и натуральностію. Во всякомъ случаѣ такимъ путемъ дѣло удовлетворительно разъясняется во всѣхъ существенныхъ чертахъ, и всѣ добавочныя вліянія способны только затемнить его. По этой причинѣ нѣтъ ни малѣйшей необходимости искать постороннихъ агентовъ для пониманія Θессалоникійскихъ эсхатологическихъ осложненій, которыя бы требовали для себя внѣшнихъ условій и побочныхъ факторовъ. Этимъ устраняется надобность въ особомъ апокрифическомъ письмѣ апостольскомъ, ненужномъ и по литературно-контекстуальнымъ соображеніямъ (см. выше стр. 16 сл.). Но тогда упраздняются и всякія дальнѣйшія догадки даннаго рода о тѣхъ или другихъ эсхатологическихъ вѣяніяхъ, которыя могли быть заносными и очаровать Θессалоникійцевъ своею соблазнительностію. Наука должна довольствоваться достаточнымъ и не въ правѣ осложнять свои задачи излишнимъ или неизвѣстнымъ, будетъ ли это нѣчто эмпирическое или чрезвычайное. Въ этомъ отношеніи Θессалоникійскій эпи-

зодъ раскрывается по всей своей типичности изъ первохріанскихъ стихій и потому не даетъ ни повода, ни мѣста для иныхъ истолкованій.

Наряду съ этимъ мы получаемъ, что Ѳессалоникійцы пришли въ тревогу отъ реалистической увѣренности въ наступившемъ пришествіи Христовомъ, усмотрѣвъ конкретныя знаменія его въ наличномъ организмѣ тогдашняго государственно-политическаго уклада. Конецъ міра они подмѣтили, конечно, въ самомъ тогдашнемъ строѣ и—значитъ—базировались въ своемъ напряженіи на политически-историческихъ сближеніяхъ. Но Апостолъ Павелъ не допускалъ перваго и, слѣдовательно, отрицаетъ второе, чтобы парусія условливалась политическими факторами и опредѣлялась ими въ качествѣ производнаго результата. Въ силу этого и предвѣщанія о ней оказываются отрѣшенными отъ историческихъ аналогій и параллелей (ср. Lic. Dr. *Martin Dibelius* въ Handbuch zum Neuen Testament herausg. von Hans Lietzmann, III, S. 34: «ohne Seitenblick auf Zeitgeschichte»), поскольку сами предрекаютъ свойственные историческіе факты, которые не могутъ стать моментами исторіи помимо ея, хотя неизмѣнно подготовляются, какъ всегда близко и пришествіе Господа. Здѣсь религіозное пророчество (ср. у проф. о. *Н. В. Петровa*, Объ антихристѣ, стр. 8 и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1912 г., № 2, стр. 164), а не политическій діагнозъ. Противъ этого доселѣ ссылаются на то, что во всемъ изображеніи благовѣстникъ пользуется своего рода тайнописью († Prof. Dr. *Moritz v. Aberle*, Einleitung in das Neue Testament, S. 184: «...sich einer solchen Darstellungsweise, welche einer Geheimsprache gleichkommt, zu bedienen»), а въ II, 6 выражается осторожно касательно «удерживающаго» (Prof. *B. Jowett*, Essay on the man of sin 2 Thess. II въ The Epistles of St. Paul I, p. [3]100), яко бы, потому, что тутъ содержатся политическіе намеки, и обнаруженіемъ ихъ онъ не хотѣлъ навлекать административной злобы на себя и на читателей (Prof. *George Milligan*, p. 101; Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, Edinburgh 1903, p. 42; Prof. *C. Toussaint*, Épites de Saint Paul I, Paris 1910, p. 153). Однако едва ли возможно уловить этотъ оттѣнокъ во всемъ анализируемомъ отрывкѣ со включеніемъ II, 6. По отношенію къ нему возможны два предположенія. Или напоминается сообщенное ранѣе и теперь только поясняемое:—въ такомъ случаѣ нѣтъ тутъ ни ма-

лѣйшей прикровенности по соображеніямъ политическаго благоразумія не менѣе, чѣмъ и въ другихъ пунктахъ, ибо Ѳессаликійцы заранѣе знали все дѣло, и Апостолу не было надобности распространяться, въ чемъ будетъ самая простая и естественная причина его «прикровенности». Или читатели лишь сейчасъ поняли τὸ κατέχον:—тогда «ни по единому же образу» оно не было политическимъ. Это рѣшеніе по существу совпадало бы съ Ѳессаликійскимъ убѣжденіемъ и, нѣсколько отодвигая срокъ, укрѣпляло бы первохристіанскую мысль въ прежнемъ настроеніи, поднимало и санкціонировало его, доставляло богатый горючій матеріалъ для парусійной пламенности. Пусть τὸ κατέχον пока еще доминируетъ:— но при извѣстной политической измѣнчивости государственнаго строя и при быстротечномъ чередованіи его носителей постоянная возможность міровой катастрофы была бы вѣчнымъ источникомъ тяжелыхъ колебаній, какъ это и бывало всегда въ исторіи при подобныхъ расположеніяхъ и въ силу ихъ. Св. Павелъ, желая внести отрезвленіе, шелъ бы противъ своихъ непосредственныхъ намѣреній, потому что лишнихъ 10—20—50 лѣтъ политической сдержки скорѣе удлинняли бы и взвинчивали общее напряженіе, а вовсе не обезпечивали ни душевнаго спокойствія вѣрующихъ, ни мирнаго развитія христіанской жизни. По этимъ причинамъ апокалиптическое откровеніе Апостола оказывается не политическою иллюстраціей и не историческимъ гаданіемъ, оставаясь религіознымъ предреченіемъ. Оно—предметъ вѣры, но ничуть не видѣнія и направляетъ души къ моральному бодрствованію, «да день насъ якоже тать не постигнетъ» (1 Ѳесс. V, 4), и чтобы безпечная сонливость не была наказана справедливымъ приговоромъ (Мѳ. XVI, 3): *лицемѣри, лице убо небесе умѣете разсуждати, знаменій же временомъ не можете искусити.* Съ этой стороны апостольскія слова стремятся пріучить и воспитать чувствительную воспріимчивость къ предвѣстникамъ зари пришествія Господа «со славою и силою многою». Вся рѣчь является пророческимъ назиданіемъ, почему и въ непосредственномъ контекстѣ предваряется и сопровождается увѣщаніями морального характера.

Въ итогѣ всего мы получаемъ чрезвычайно важный результатъ, что апостольское разъясненіе Ѳессаликійцамъ о «днѣ Господнемъ» есть чистое пророчество во всѣхъ своихъ частяхъ и должно быть понимаемо въ этомъ собственномъ

смыслѣ. Естественно, если здѣсь мы не можемъ достигнуть несомнѣнности, и каждый заранѣе долженъ согласиться съ блаж. Августиномъ, что alius sic alius autem sic apostoli obscura verba conjectant, какъ и самъ онъ при всемъ своемъ страстномъ желаніи проникнуть въ нихъ достигъ лишь неутѣшительнаго результата: ego prorsus quid dixerit [Apostolus] me fateor ignorare (De civitate Dei XX, 19 въ Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum vol. XL, pars II, Vindobonae 1900, p. 447, 472). Нужно по необходимости ограничиться главнымъ и основнымъ, памятуя, что «prophecy is itself the glass through which the prophet looks forward into the future» (*B. Jowett* l. cit. I, p. [3]96). А для всякаго истиннаго пророчества требуется—не разгадать его въ самомъ конкретномъ содержаніи, такъ какъ это значило бы видѣть то, чего еще нѣтъ фактически, т. е. видѣть не существующее и произвольно или мечтательно создавать это неизвѣстное. Главное для него будетъ въ томъ, чтобы постигнуть непосредственно значеніе пророческаго предваренія на основаніи его самого и—слѣдовательно—помимо внѣшнихъ привнесеній и побочныхъ сопоставленій. Такое принципіальное требованіе и здѣсь устраняетъ постороннія сближенія, заставляя углубляться внутрь апостольскихъ вѣщаній и всецѣло сосредочиваться лишь на нихъ, не отвлекаясь къ инороднымъ пособіямъ, которыя не могли быть виновниками и вовсе не служатъ истолкованіемъ пророчества. Послѣднее осуществится независимо, а потому и раскрываться должно самимъ собою. Теоретически истинное,—это положеніе будетъ и фактически прочнымъ, коль скоро оправдаетъ себя ближайшимъ анализомъ. Этимъ научная пытливость направляется отъ всякихъ побочныхъ документовъ къ подлинному апостольскому тексту для уразумѣнія его въ пророческомъ духѣ. Достигается ли такимъ путемъ удовлетворительное пониманіе, которое было пригодно для Θессаликійцевъ и достаточно для насъ? Если да, то предъ нами пророчество, возникшее изъ божественнаго вдохновленія и не нуждающееся во внѣшнихъ источникахъ для своего происхожденія и раскрытія; если нѣтъ,—это историческая проекція будущаго, опирающаяся на историческія аналогіи настоящаго и постигаемая изъ нихъ чрезъ соотвѣтствующіе памятники. Разсмотримъ предметъ съ этой точки зрѣнія.

Апостолъ рѣшительно свидѣтельствуетъ, что нѣкогда послѣдуетъ явленіе Христово, но его будутъ предварять отчет-

ливыя знаменія, дабы люди не колебались въ духовномъ смятеніи отъ неожиданности нападенія всегубительства (1 Θесс. I, 8). Всякое такое безпокойство фактически безпочвенно и потому прямо воспрещается (см. Prof. *Ernest De Witt Burton*, Syntax of the Moods and Tenses in New Testament Greek, p. ^{2}76, § 166; Prof. *Ludwig Radermacher*, Neutestamentliche Grammatik: das Griechisch des Neuen Testaments in Zusammenhang mit der Volkssprache, Tübingen 1911, S. 134: 2). Прежде случится отступленіе, которое точно означается, какъ именно ἡ ἀποστασία (2 Θесс. II, 3). Членъ при этомъ и другихъ терминахъ подчеркиваетъ вовсе не то, что разумѣются «величины, извѣстныя читателямъ» (о. *Вл. Н. Страховъ*, стр. 27, 327; см. и Prof. *C. Toussaint*, Épitres de Saint Paul I, p. 151). Даннымъ способомъ этого грамматически ничуть не выражается съ несомнѣнностію, а фактически исчезли бы всякія затрудненія предъ задачей, въ которой всѣ слагаемыя вполнѣ знакомы. Отмѣчается лишь нѣчто строго типическое, которое носитъ индивидуальныя свойства, выдѣляясь изъ всего сроднаго своею собственною характерностію. Посему и здѣсь въ общемъ нужно найти соотвѣтствующій частный моментъ, содержащій предполагаемыя качества въ спеціальной концентраціи совершенно особеннаго воплощенія. Но употребленное греческое слово констатируетъ покиданіе какой-либо нормы всякаго рода и вида, когда въ отступленіи отъ нея она отставляется въ сторону и будетъ просто внѣ пути, который идетъ уже помимо ея, хотя бы и параллельно (ср. Biblisch-theologisches Wörterbuch der neutestamentlichen Gräzität von † Prof. D. Dr. *Hermann Cremer*, 10-te Aufl. von Prof. Julius Kögel, Gotha 1913, S. 531). Существо этого акта заключается не въ преступаніи и поруганіи взятаго принципа, ибо въ такомъ случаѣ послѣдній сохранялъ бы свою обязательность, поскольку лишь при ней мыслимо нарушеніе ея по грѣховной слабости и по ожесточенному противоборству, съ энергіею насильственнаго попранія, а сего не можетъ быть при отсутствіи и отверженіи заправляющаго регулятора. Въ ἀποστασία удостовѣряется убѣжденное отметаніе по сознательному пренебреженію и всецѣлому презрѣнію, какъ отбрасываютъ вредную или гнусную вещь. Теперь вся загадка въ томъ, къ чему относится это дѣйствіе,—и отвѣтомъ на этотъ вопросъ озарится для насъ тайна всего грознаго и примрачнаго историческаго феномена. Далѣе читаемъ, что при ἀποστασία водво-

рится «человѣкъ беззаконія». О немъ съ удареніемъ сказано: ἀποκαλυφθῇ—обнаружится, выйдетъ на свѣтъ изъ прячущей его оболочки. Отсюда непосредственно вытекаетъ, что страшный субъектъ прикровенно пребываетъ и раньше, а затѣмъ только «покажется» или «объявится», какъ послѣ (II, 7) и упомянуто, что *тайна уже дѣется беззаконія*. Бытіе его разумѣется въ предшествующемъ съ необходимостію, но въ эту минуту онъ лишь выступитъ явно. Совершится это обнаруженіе, конечно, потому, что для этого будутъ подходящія условія въ ἀποστασία по внутреннему ея сродству богопротивнику, которому вся тогдашняя среда будетъ благопріятна и соотвѣтственна по природѣ. Очевидно, что эссенціальныя ихъ качества одинаковы и характерны взаимно для обѣихъ сторонъ. По богопротивнику мы въ правѣ безошибочно судить и о предваряющей его ἀποστασία. Въ ближайшихъ квалификаціяхъ есть колебаніе между ἁμαρτία и ἀνομία, но должно согласиться съ о. Вл. Н. Страховымъ (стр. 241), что разницы существенной тутъ нѣтъ, а все-таки (—вопреки проф. *А. Д. Бѣляеву*, О безбожіи и антихристѣ I, стр. 459—460—) правдоподобнѣе второе (ср. *J. Ev. Frame*, p. 253), ибо оно требуется связью съ τὸ μυστήριον τῆς ἀνομίας и естественнѣе въ контекстѣ рѣчи, гдѣ грѣховность самоочевидна и нуженъ былъ мотивирующій ее факторъ въ «беззаконничествѣ». Наряду съ послѣднимъ указывается еще другой, параллельный и равный ему, въ ἀπώλεια. Оба они квалифицированы членами и отличаются строгою опредѣленностію, при чемъ отношеніе къ нимъ описываемаго субъекта характеризуется сыновствомъ. Внѣ всякихъ сомнѣній и споровъ, что этимъ знаменуется натуральная родственность, когда интересующія качества пріобрѣтаются и удерживаются аналогично физическимъ особенностямъ человѣческаго происхожденія и наслѣдованія. Ясно, что это будетъ порожденіемъ и воплощеніемъ самаго рѣзкаго беззаконія (ср. Пс. LXXXVIII, 23: υἱὸς ἀνομίας), которое, будучи всецѣло пагубнымъ, уже при самомъ его возникновеніи сообщитъ ему свою пагубность, неизбѣжно и неотвратимо навлекающую конечную погибель (ср. Апок. XVII, 8, 11: εἰς ἀπώλειαν ὑπάγει). Богопротивникъ, являясь homo legum nullarum (*Jos. Knabenbauer*, p. 135), вмѣститъ въ себѣ гибельную беззаконность, каковая заранѣе будетъ подготовляться и содержаться въ ἀποστασία, какъ беззаконно пагубной по своему существу и вліянію. Теперь находимъ, что роковое отступленіе будетъ отли-

чаться беззаконіемъ и пагубностію, хотя они сильнѣе сконцентрируются и ярче олицетворятся въ ужасномъ индивидуумѣ. Тогда легче постигнуть самую природу этого акта по фактическимъ свойствамъ. Это не могло быть покиданіе іудеями номизма (ср. Дѣян. XXI, 21: ἀποστασία ἀπὸ Μωυσέως) [1], поскольку именно привязанность къ нему грозитъ безповоротнымъ гнѣвомъ Божіимъ (1 Θесс. II, 16), а забвеніе его послужитъ надежнымъ и счастливымъ залогомъ, что *тако весь Израиль спасется* (Рим. XI, 26). Самою своею противностію прежнимъ—эти результаты абсолютно исключаютъ для ἀποστασία догадку объ Израильскомъ отпаденіи отъ закона, но неменѣе невѣроятно, чтобы Апостолъ допускалъ для іудейства въ будущемъ извращеніе еще больше, чѣмъ нынѣшнее (1 Θесс. II, 14 слл.) [2]), между тѣмъ онъ предвидитъ именно спасительное возрожденіе. Едва ли нужно опровергать (напр., *J. Ev. Frame*, p. 251), что язычеству и терять было нечего въ смыслѣ утраты какой-либо обязательной священности. По взаимному убѣжденію писателя и читателей, у нихъ ранѣе было лишь ложное служеніе мертвымъ идоламъ (1 Θесс. I, 9), и они во всякомъ случаѣ не имѣли такого спасительнаго источника, котораго надо было держаться ради самосохраненія, поелику его нельзя покинуть безъ самой опасной и непоправимой бѣды. Вопреки сему при ἀποστασία Апостолъ предполагаетъ въ оставляемомъ величайшее благо, лишеніе коего является сколько вполнѣ беззаконнымъ, столько же и неотвратимо гибельнымъ. Понятно до неотразимости, что для св. Павла все это могло заключаться единственно въ благодатномъ искупленіи Христовомъ, и онъ предвидѣлъ его богохульное отверженіе въ концѣ дней, когда будутъ отметаемы всѣ сокровища христіанскаго царства Божія (ср. *F. Prat*, La théologie de Saint Paul II, p. 512; Lic. Dr. *Hans Preuss*, Der Antichrist, Gr. Lichterfelde—Berlin 1909, S. 9). Въ этомъ пунктѣ благовѣстникъ всецѣло совпадаетъ съ ученіемъ Спасителя и отсылаетъ къ нему. Мы знаемъ, что Господь въ свое время тоже предупреждалъ: *обаче Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли* (Лк. XVIII, 8), ибо *за умноженіе беззаконія, изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. XXIV, 12). Посему несомнѣнно, что св. Павелъ

[1]) Однако къ сему склоняется и *B. Jowett* l. cit. I, p. [2]101.

[2]) См. Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles. p. 43, 46; Rev. *H. A. A. Kennedy*, St. Paul's Conceptions of the Last Things, p. 218 и ср. *Fritz Tillmann*, Die Wiederkunft Christi, S. 131.

предусматриваетъ оставленіе или отстраненіе Евангелія, каковое—въ свою очередь—немыслимо безъ его всеобщаго распространенія. Лишь при подобномъ условіи сатанинскаго извращенія человѣческой природы станетъ возможнымъ и чудовищное воплощеніе зла. Это будетъ беззаконіе спеціальнаго типа (τῆς ἀνομίας), какъ освобожденіе себя отъ закона христіанскаго въ сторону распущенно-неукротимаго аномизма. Таково натуральное свойство даннаго субъекта, и потому онъ неизбѣжно обрекается на погибель, въ самомъ своемъ зарожденіи воспринимая ея заразу (ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας), которая будетъ пагубною и для всѣхъ приверженцевъ. Тутъ обнаружится господство принципіальной антихристіанской вражды, но кто настроенъ столь ожесточенно противъ блага абсолютнаго, тотъ еще менѣе будетъ стѣсняться съ относительнымъ. Въ силу этого описываемый субъектъ окажется неограниченнымъ и всецѣлымъ ὁ ἀντικείμενος (II, 4), будучи противникомъ всему доброму по существу, какъ ничтожному предъ нимъ. Въ основѣ тутъ лежитъ горделивое превознощеніе съ безмѣрнымъ превосходствомъ враждебности [1]) надъ всѣмъ, что почитается божественнымъ и священнымъ даже въ язычествѣ. Хотя послѣднее не чуждо богохульнику и составляетъ продуктъ его раннѣйшаго губительнаго вліянія, однако онъ будетъ сокрушать и это, направляясь на искорененіе самаго чувства религіозности со всѣми задатками всякаго богопочтенія. Судя по упоминанію «глаголемаго бога» (ср. 1 Кор. VIII, 5), котораго нѣтъ ни основаній, ни вѣроятій относить (съ Lic. Dr. *Martin Debelius* въ Handbuch zum Neuen Testament III, S. 31) къ истинному божеству,—всею этою фразой характеризуются собственно ложные языческіе культы во всѣхъ разновидностяхъ, какъ въ Дѣян. XVII, 23 σεβάσματα означаютъ священночтимые у язычниковъ алтари и статуи (изображенія), что̀ несомнѣнно для Прем. Солом. XIV, 20. XV, 17 (Дан. о Вил. 27 у Θеодот.) и утверждалось позднѣйшимъ словоупотребленіемъ (Аристида Апологія, гл. 12 въ «Texts and Studies» ed. by J. Armitage Robinson I, 1, Cambridge ²1893, p. 107: οὐ γὰρ ἠρκέσθησαν—

[1]) Въ II, 4 ἐπί значитъ „противъ“ и равно относится къ обоимъ предшествующимъ причастіямъ, связаннымъ общимъ членомъ: ср. Prof. *Paul Wilhelm Schmiedel* въ Hand-Commentar zum Neuen Testament bearbeitet von Prof. D. H. J. Holtzmann u. And. II, 1 (Freiburg i B. ²1892), S. 37; Prof. *Ernst v. Dobschütz* у Meyer'a ⁷X, S. 274; *J. Ev. Frame*, p. 255—256.

οἱ Αἰγύπτιοι—τοῖς τῶν Χαλδαίων καὶ Ἑλλήνων σεβάσμασιν), отожествлявшимъ съ идольствомъ (у блаж. Θеофилакта εἴδωλα и ср. Прем. Сол. XIV, 20 съ XIV, 12 εἴδωλα, XIV, 15 εἰκών, XIV, 16 τὰ γλυπτά), въ какомъ растворялось языческое дробленіе божественности (блаж. Θеодоритъ въ Graec. affect. curatio 2 fin., по изд. у Joannes Raeder'a p. 67, обращается къ язычникамъ: οὐκέτι τὸ θεῖον εἰς πολλὰ μερίσετε σεβάσματα — σέβας). Борясь съ языческимъ богопочитаніемъ, противникъ съ тѣмъ бо́льшею силой устремится на истинное, дабы стереть съ земли всякую божественность. Можно сказать, въ этомъ и заключается фактически предположенная цѣль всѣхъ дѣйствій (ὥστε с. infin. см. Prof. *Ernest De Witt Burton,* A Syntax of the Moods and Tenses in the New Testament Greek, p. ²149, § 371*b*), чтобы, начавъ съ легчайшаго, потомъ свободно овладѣть самымъ труднымъ. Такимъ ходомъ предрѣшается вѣроятное истолкованіе и загадочной замѣтки касательно ὁ ναὸς τοῦ Θεοῦ. Безспорно, что въ этомъ сочетаніи второй членъ указываетъ Бога *не* глаголемаго, или подлинное Божеское Существо христіанской вѣры. По этой причинѣ и ὁ ναός, — въ отличіе отъ σέβασμα, — предполагаетъ храмъ христіанскій, параллельный языческимъ святилищамъ, но только истинный домъ Божій. Отсюда имѣемъ, что по всему контексту эти термины совсѣмъ нельзя примѣнять къ храму небесному, какъ это принимаютъ нынѣ даже не поборники миѳологическихъ теорій (напр., *J. Ev. Frame*, p. 256, 257). Съ другой стороны, нѣтъ ни необходимости, ни побужденій понимать дѣло непремѣнно съ реалистическою буквальностію, хотя это защищается доселѣ по объективнымъ литературнымъ даннымъ (у Prof. *George Milligan*, p. 100). Тогда пришлось бы считаться съ двумя возможностями, одинаково не безспорными. Первая—та, что разумѣется наличный храмъ Іерусалимскій, однако разрушеніе его было предсказано Господомъ въ качествѣ неизбѣжнаго возмездія (Мѳ. XXIV, 1—2. Мрк. XIII, 1—2. Лк. XXI, 5—6) и должно было ожидаться гораздо ближе, чѣмъ внушалось Θессалоникійцамъ. Если же мыслить возстановленный храмъ Іерусалимскій предъ кончиною міра, то 1) это мнѣніе возникло въ іудействѣ послѣ исторической даты 2 Θесс., а 2) въ христіанствѣ воспринято еще позднѣе и при томъ именно ради этихъ апостольскихъ словъ, но не помимо ихъ, когда они могли бы независимо относиться къ этой традиціи, между тѣмъ сама она создавала имъ свое толко-

ваніе; 3) въ христіанскихъ кругахъ это нестойкое и несобственное вѣрованіе было отголоскомъ іудейскихъ ожиданій и совершенно не объясняетъ, почему бы Апостолъ допускалъ возобновленіе, когда его смѣнятъ осквернение и разгромъ. Нужно помнить, что въ замѣткѣ о превознесеніи противника надъ всѣмъ, почитаемымъ богомъ или святынею, благовѣстникъ раскрываетъ только дерзновенное попраніе общечеловѣческой религіозности своимъ возвышеніемъ. Естественно, что и теперь эта идея прилагается къ христіанству съ тѣмъ же оттѣнкомъ, что изображаемое лицо «сядетъ въ храмѣ Божіемъ» и утвердитъ свой престолъ вмѣсто существующаго, упразднивъ христіанскій своимъ,—измышленнымъ. Выраженіе—явно фигуральное (см. *Jos. Knalenbauer,* p. 136) и констатируетъ богоборческую попытку (ср. Іезек. XXVIII, 2) подавленія христіанства новою религіей съ претензіями на превосходство предъ нимъ. Посему нѣтъ надобности разумѣть церковь христіанскую въ матеріальномъ смыслѣ или тропически, какъ совокупность всѣхъ вѣрующихъ въ качествѣ членовъ тѣла Христова. Это пониманіе (ср. 1 Кор. III, 16—17. VI, 19. 2 Кор. VI, 16. Еф. II, 21) выдвигалось многими патристическими авторитетами (Злат.: καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν; Ѳеодоритъ: ναὸν δὲ θεοῦ τὰς ἐκκλησίας ἐκάλεσεν; Ѳеодоръ Мопс.: in Dei templis, hoc est, et in domibus orationum; Іерон. epist. 121: in templo Dei vel Jerosolymis, ut quidam putant, vel in ecclesia, ut verius arbitramur) и фактически правильно, усматривая здѣсь истинное христіанское богопочитаніе. Но у св. Павла рѣчь не о реалистическомъ событіи богохульнаго водворенія въ какомъ-либо храмѣ, а о дерзостномъ устраненіи христіанства съ отверженіемъ и попраніемъ его абсолютнаго достоинства и міродержавнаго владычества [1]). Конечно, это вовсе не будетъ объективнымъ уничтоженіемъ и сведется лишь къ демоническому покушенію. Ἀντικείμενος станетъ орудовать исключительно путемъ подмѣны, самъ выдавая себя предъ другими, ὅτι ἔστιν θεός, хотя внутренно вполнѣ сознаетъ свою лживость (ср. *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 357), какъ ὁ ἄνομος (II, 8) или беззаконникъ эссенціальный. Всюду въ немъ проглядываютъ черты принципіально демоническія, а потомъ объ немъ категорически

[1]) Ср. даже и *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 144, 356; 145.

сказано (II, 9), что его пришествіе совершится по нарочитому и активному дѣйствію сатанину (κατ' ἐνέργειαν τοῦ σατανᾶ). Это все прежній «человѣкоубійца искони» (Ін. VIII, 44), который въ религіозномъ сумракѣ человѣческой исторіи господственно обходилъ всю поднебесную (Іов. I, 7. II, 2), который на зарѣ христіанскаго обновленія усвоялъ всѣ царства міра и славу ихъ (Мѳ. IV, 8, 9. Лк. IV, 6, 7) и который предъ разсвѣтомъ немерцающаго дня блаженства вѣчнаго дерзнетъ утвердить свою универсальную державу. Тѣмъ не менѣе выраженіе апостольское рѣшительно исключаетъ догадки о собственномъ сатанинскомъ воплощеніи (ср. *J. Ev. Frame*, p. 253; см. и у св. *Ефрема Сирина* 2-е слово на пришествіе Господне въ Твореніяхъ, ч. III, Москва ³1882, стр. 221—222: «не самъ онъ воплотится, но въ образѣ его придетъ всескверный») и удостовѣряетъ лишь то, что всюду и во всемъ будетъ сказываться тогда абсолютный демонизмъ намѣреній и средствъ, настроеній и поступковъ, стремленій и осуществленій. Все-же это и не простая метафора крайняго развитія зла, поелику употребленные термины строго индивидуальны и обязательно отсылаютъ къ конкретной личности. Въ общей массѣ предреченныхъ Господомъ лжепророковъ и лжехристовъ св. Павелъ выдѣляетъ типическую фигуру одного, въ коемъ сконцентрируются всѣ силы демоническаго богоборчества, какъ «дьявольскаго Мессіи» (*Gustav Goennicke*, Die neutestamentliche Weissagung vom Ende, Gr. Lichterfelde—Berlin 1907, S. 23: «eine Art Teufelsmessias»). Онъ продолжитъ сатанинскую работу своихъ предшественниковъ и своими обольщеніями подготовитъ судъ невѣровавшимъ истинѣ, а возлюбившимъ неправду, пока Христосъ при второмъ пришествіи не уничтожитъ его самымъ явленіемъ Своимъ, какъ дуновеніе свѣжаго вѣтра разсѣеваетъ губительный туманъ (II, 8).

Такими наблюденіями пріобрѣтается, что и «парусіи» не послѣдуетъ прежде откровенія въ мірѣ описаннаго противника всему божественному. Но его еще нѣтъ, хотя «тайна уже дѣется беззаконія» (II, 7) и идетъ таинственный процессъ развитія и возобладанія антирелигіознаго беззаконничества и антиморальныхъ вѣяній сатанинскаго характера. Они выступали при началѣ проповѣди Христовой, сопровождали ее до конца, сопутствовали благовѣстникамъ и ополчались на евангельскіе труды. Ихъ предсказывалъ Спаситель для времени предъ разрушеніемъ Іерусалима (Мѳ. XXIV, 11, 23, 24. Мрк.

XIII, 21, 22. Лк. XVII, 23; XXI, 3), когда было много разныхъ лжемессій іудейскихъ. Такія антихристіанскія силы всюду преслѣдовали Апостола языковъ, и соотвѣтственныя инкарнаціи отчетливо усматривалъ св. Іоаннъ Богословъ, какъ это вездѣ было и всегда будетъ. Здѣсь предъ нами преемственная цѣпь противохристіанскаго атеизма, который разрѣшится въ заключеніи міровой исторіи демоническою автоѳеосіей съ попраніемъ всего божескаго въ источникѣ и во всѣхъ отраженіяхъ, хотя бы даже искаженныхъ. Въ виду сего нельзя связывать эту ужасную аномалію съ язычествомъ, іудействомъ (см. и Lic. Dr. *Hans Preuss*, Der Antichrist, S. 11) [1]), или христіанствомъ. Предпочтеніе о. Вл. Н. Страховымъ перваго (см. и Prof. *C. Toussaint*, Epitres de Saint Paul I, p. 152) далеко не убѣдительно, потому что 1) для Апостола и читателей второе тогда было ничуть не лучше его (1 Ѳесс. II, 14 сл.), 2) по обычному порядку часто бываетъ, что тѣмъ глубже бываетъ паденіе, чѣмъ выше прежнее положеніе, и 3) все будетъ устрояться естественными посредствами, но по чрезвычайному сатанинскому дѣйствію, которое всюду можетъ приготовлять и избирать себѣ «сосуды гнѣва въ погибель». Тутъ всякія точныя національныя опредѣленія не доступны, да фактически и совершенно излишни, поскольку сатанинское неистовство будетъ отрицательно ко всякой божественности во всемъ и у всѣхъ. Вѣрно лишь самое основное, что богопротивникъ возникнетъ среди всеобщаго развращенія, служащаго удобною почвой для безумной попытки насажденія демоническаго культа. Все это скорѣе говоритъ о сатанинскомъ пророкѣ новой религіи съ притязаніями на неограниченный универсализмъ, чѣмъ онъ далеко превосходитъ «антимессію (антихриста) іудейской апокалиптики», котораго напрасно привлекаютъ сюда (Prof. *Rudolf Knopf*, Die Zukunftshoffnungen des Urchristentums, Tübingen 1907, S. 13). Но пока еще нѣтъ теперь пригодныхъ условій, ибо находится препона для его обнаруженія (*B. Jowett* l. cit I, p. [3]99: «it was restrained by a superior power»).

Въ этомъ пунктѣ мы приблизились чуть ли не къ самому таинственному термину апостольскаго ученія, гдѣ поле экзе-

[1]) См. выше на стр. 67 сл. Св. *Ефремъ Сиринъ* объ антихристѣ говоритъ только (Творенія III, стр. [3]222), что „Іудеи будутъ ожидать его пришествія...; всего болѣе воздадутъ честь и обрадуются царствованію его народъ убійцы—Іудеи“.

гетики полно неумолкаемой борьбы и представляетъ больше труповъ среди баталій недисциплинированной фантазіи и нетерпимаго фанатизма, чѣмъ прочныхъ научныхъ пріобрѣтеній. Напередъ должно ограничиться ближайшею вѣроятностію, не выходя за предѣлы непосредственныхъ текстуальныхъ данныхъ. Въ нихъ весьма характерно замѣчаніе св. Павла (II, 6): *и нынѣ* (καὶ νῦν) *удерживающее вѣсте, во еже явитися ему въ свое ему время.* Но ранѣе Ѳессалоникійцы думали, что день Христовъ уже фактически наступилъ, и — слѣдовательно — узнаютъ нужное лишь сейчасъ, послѣ и на основаніи предложенныхъ письменныхъ разъясненій. Въ нихъ былъ ключъ для нихъ столько же, сколько и для насъ, хотя они обладали еще устными свѣдѣніями предварительнаго апостольскаго назиданія объ ἀντικείμενος (II, 5). Поэтому и мы въ правѣ искать матеріаловъ для разгадки въ предшествующей рѣчи и обязаны опираться на ней. Несомнѣнно прежде всего, что τὸ κατέχον является преградой для аномиста и устраняетъ его бытіе самымъ своимъ существованіемъ [1]), или противно и враждебно ему по природѣ. Въ такомъ случаѣ это есть нѣчто обратное эссенціально, а разъ тамъ зло,—здѣсь будетъ добро [2]). Но мы видѣли, что предвѣстникомъ откровенію беззаконника послужитъ религіозно-христіанское отступленіе, какъ прямое предвареніе, какъ естественно порождающая его среда. Отсюда имѣемъ, что τὸ κατέχον будетъ господствомъ антитетическаго принципа, или верховенствомъ христіанскаго начала вѣры въ Искупителя, въ Своемъ Евангеліи указавшаго всѣмъ спасительный путь къ избавленію отъ гнѣва грядущаго. Это сила благовѣстія, возрождающая и благодатно обновляющая грѣшника и не допускающаи проторженія всего дурного и богоборческаго, что таится въ поврежденной и извращенной натурѣ человѣческой. Оно дѣйствуетъ не столько оппозиціей самообороны и нападенія, сколько внутреннею мощію преображенія всякой души, съуживая просторъ для вліянія зла и постепенно лишая его удобной почвы. Съ этой стороны теряетъ свою остроту и споръ о наиболѣе пригодномъ значеніи въ глаголѣ κατέχειν, гдѣ доселѣ ученые раздвояются, усвояя ему то энер-

[1]) Значитъ, нельзя разумѣть здѣсь *будущее* осуществленіе божественнаго плана о привхожденіи Израиля къ полнотѣ язычниковъ (какъ *Fritz Tillmann*, Die Wiederkunft Christi, S. 144 ff.).

[2]) Посему никоимъ образомъ невозможно отожествлять τὸ κατέχον тоже съ будущею ἀποστασία, о чемъ см. и *Jos. Knabenbauer*, p. 143.

гію κωλύειν, то идею κρατεῖν (см. у *J. Ev. Frame*, p. 250—261). О. Вл. Н. Страховъ принимаетъ первое (стр. 253, 335; *Jos. Knabenbauer*, p. 137), но по существу это усматривается вторымъ и неразрывно отъ него, ибо можетъ препятствовать лишь потому, что заранѣе обладаетъ обезпеченною крѣпостію. Этотъ именно моментъ властвованія, державствованія наиболѣе подходитъ къ эссенціальному достоинству Евангелія Христова. Пока оно владычествуетъ надъ умами и сердцами народовъ,—до тѣхъ поръ невозможно и отступленіе въ смыслѣ его отверженія. Вездѣ τὸ κατέχον есть отрицаніе ἀποστασία и параллельно отпаденію. А послѣднее подготовляется и произойдетъ въ нашихъ земныхъ областяхъ среди рода человѣческаго, почему въ этой же сферѣ сосредоточиваются и обратныя функціи. Переносить ихъ въ небесныя высоты и видѣть супранатуральныя начала противно всѣмъ идейнымъ ассоціаціямъ (ср. Prof. *Th. Zahn*, Einleitung in das Neue Testament ³I, S. 170) и допускается по тенденціозному предубѣжденію въ миѳологической основѣ апостольской картины, встрѣчаясь иногда внѣ подобной принципіальной предзанятости [1]). Но не менѣе вѣрно, что аномистъ вдохновляется религіозными мотивами и лишь чрезъ нихъ станетъ производить всеобщую анархію, которая будетъ вторичною и побочною, всегда соподчиненною богоборчеству и проникнутою его стихіями. Посему нельзя согласиться съ о. Вл. Н. Страховымъ, что аномистъ — фигура по преимуществу политическая, между тѣмъ ἀνομία примѣняется къ религіозному нечестію (стр. 245). Соотвѣтственно этому непріемлемо и то традиціонно старое и широко распространенное пониманіе, что «удерживающее», относясь непосредственно къ римской власти (Rev. *R. D. Shaw*, The Pauline Epistles, p. 44; Rev. *H. A. A. Kennedy*, St. Paul's Conceptions of the Last Things, p. 219), знаменуетъ силу политическую (о *Вл. Н. Страховѣ* на стр. 254—255; см. *Jos. Knabenbauer*, p. 141—142, 148) [2]), когда вся міровая

---

[1]) Напр., у *J. Ev. Frame*, p. 258—259. Равно и *F. Prat* видитъ въ ὁ κατέχων Архангела Михаила съ воинствомъ небеснымъ (La théologie de Saint Paul I, p. 117); тоже Lic. Dr. *Hans Preuss*, Der Antichrist, S. 12.

[2]) Соотвѣтственно сему и въ „держай“ Dr. th. *K. A. Heinrich Kellner* (католикъ) видитъ „Петронія“, легата Сиріи, считая „человѣкомъ беззаконія“ императора (16 марта 37 г.—24 января 41 г.) Калигулу (Jesus von Nazareth und seine Apostel im Rahmen der Zeitgeschichte, Regensburg 1908, S. 320—321, 323).

телеологія будетъ условливаться космическими факторами, пусть даже и богоустановленными. Въ ἀποστασία безспорно не политическое потрясеніе (*E. H. Askwith*, An Introduction to the Thessalonian Epistles, p. 130, 133), а религіозное извращеніе (проф. *А. Д. Бѣляевъ*, О безбожіи и антихристѣ I, стр. 976 сл.; *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 349; Prof. *Paul Wilhelm Schmiedel* въ Hand—Commentar zum Neuen Testament II, 1, S. ²40), хотя бы съ неизбѣжными политическими слѣдствіями, откуда равнымъ будетъ и антитетическое τὸ κατέχον, какъ религіозная истина и христіанское благо.

Этотъ несомнѣнный параллелизмъ членовъ освѣщаетъ намъ и дальнѣйшее. Если ἡ ἀποστασία связана съ ὁ ἄνθρωπος τῆς ἀνομίας, хотя не обозначаетъ именно «отступника» (какъ и у св. Ефрема Сирина въ Твореніяхъ VII, стр. 245), то сходное должно быть и во второмъ ряду, гдѣ взаимность частей будетъ равною. Но тамъ констатировано воплощеніе общаго въ частно-индивидуальномъ, почему совершенно тожественная пропорціональность обязательна и здѣсь. Значитъ, ὁ κατέχων сопутствуетъ по сравненію съ τὸ κατέχον и индивидуализируетъ его, будучи типическою концентраціей и живымъ носителемъ, или воплощеніемъ добра [1]). Ясно, что они не совпадаютъ между собою уже въ силу самой преемственности. Тогда ὁ κατέχων вовсе не Христосъ (ср. *Jos. Knabenbauer*, p. 143), ибо Онъ предшествуетъ своему благовѣстію, которое изъ Него возникаетъ и къ Нему направляется, а съ вѣрными останется до скончанія вѣка и никогда не бу-

[1]) Значитъ, ὁ κατέχων никоимъ образомъ не можетъ совпадать съ антихристомъ или княземъ міра сего (см. *Jos. Knabenbauer*, p. 143—144. 145), когда придется принять и совершенно неестественную интерпретацію II, 7, яко бы человѣкъ беззаконія „отъ среды будетъ“ въ томъ смыслѣ, что выйдетъ изъ таинственности и объявится наружу (Prof. Dr. *Leonhard Atzberger*, Die christliche Eschatologie in der Stadien ihrer Offenbarung im Alten und Neuen Testamente mit besonderer Berücksichtigung der jüdischen Eschatologie im Zeitalter Christi, Freiburg im Breisgau 1890, S. 312: „der κατέχων aus seiner (des Geheimnisses) Mitte hervogehe“. Prof. D. *Ernst Kühl*, Erläuterung der paulinischen Briefe unter Beibehaltung der Briefform, G. Lichterfelde—Berlin 1907, S. 40: „Er existiert schon jetzt, dieser Mensch, in dem sich die ganze Summe der Ruchlosigkeit verkörpert; nur hält er sich einstweilen noch, wie der wahre Messias, verborgen, bis nach Gottes Willen die Stunde schlägt, wo er aus seiner Verborgenheit heraustreten wird“).

детъ «взятъ отъ среды» ихъ [1]). Намъ дается нѣчто послѣдующее и олицетворяющее для Евангелія, при чемъ оно было фактически и въ эпоху Апостола языковъ (κατέχων ἄρτι). Въ этомъ случаѣ мы безусловно вынуждаемся видѣть въ ὁ κατέχων обладателя Евангельскаго слова и раздаятеля его всепокоряющаго и цѣлительнаго блага. Будетъ ли это самъ св. Павелъ, весь сонмъ апостольскій, или всякій преемникъ по миссіи созиданія царства Божія въ родѣ человѣческомъ, — до тѣхъ поръ не послѣдуетъ и отступленія, поскольку ему препятствуетъ евангельское верховенство, въ тайнѣ удерживая дѣющееся беззаконіе насажденіемъ правды чрезъ своихъ благовѣстниковъ. Такое пониманіе внушается апостольскимъ свидѣтельствомъ (Рим. IX, 13, 14), что «всякій, кто призоветъ имя Господне спасется [Іоил. II, 32]. Но какъ призывать Того, въ кого не увѣровали? какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? какъ слышать безъ проповѣдующаго?» Лишь послѣдній, будучи истиннымъ посланникомъ, включаетъ въ себѣ и сообщаетъ всѣмъ воспріемлющимъ христіанскій миръ и евангельскія благости (Рим. IX, 15), обезпечивая ими торжество добра надъ темною работой нечестія и подавляя его крайнее развитіе въ демоническомъ обнаруженіи. Но ἀποστασία по своей широтѣ предполагаетъ повсюдность и извѣстность благовѣствованія, какъ и законъ справедливости требуетъ, чтобы люди не наказывались за невольный грѣхъ невѣдѣнія. Этимъ утверждается всеобщность евангельскаго оглашенія, предсказанная Христомъ Спасителемъ: «и во всѣхъ языцѣхъ подобаетъ *прежде* проповѣдатися Евангелію» (Мрк. XIII, 10) «по всей вселенной, во свидѣтельство» имъ,—«и *тогда* пріидетъ кончина» (Мѳ. XXIV, 14). Однако предъ явленіемъ Слова жизни замолкнетъ слово о Жизни, — и человѣчество собственнымъ убѣжденіемъ будетъ приготовлено къ сознательному воспріятію безповоротнаго рѣшенія Божія. Оно предварится еще здѣсь на землѣ, когда не принявшимъ любви истины будетъ

---

[1]) Этимъ устраняется не только отожествленіе проф. *А. Д. Бѣляевымъ* (О безбожіи и антихристѣ I, стр. 1000 сл.) и *І. В. Борковымъ* (О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 376 сл.) ὁ κατέχων со Христомъ, но и отнесеніе первымъ τὸ κατέχον къ Духу Св., подкрѣпляемое у перваго мелочною ссылкой на средній родъ обоихъ греческихъ названій (стр. 1001), между тѣмъ для науки важно не это тривіальное совпаденіе, а обратный ему фактъ, что въ Новомъ Завѣтѣ τὸ Πνεῦμα Ἅγιον иногда сочетается съ опредѣленіями masculini generis.

за это послано дѣйствіе обольстительнаго заблужденія, *во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси... благоволившіи въ неправдѣ* (2 Θесс. II, 10—12). Въ этомъ раскроется вся сила верховнаго принципа, что зло въ самомъ своемъ расцвѣтѣ находитъ себѣ смертный приговоръ самоуничтоженія, каковое уже не допускаетъ возрожденія, поскольку самое добро обращаетъ на свою погибель.

Теперь ясно, что вторая половина апокалиптическаго изображенія апостольскаго предъ Θессалоникійцами есть прямой выводъ изъ первой и ограничивается положительнымъ констатированіемъ ея посылокъ, что отступленіе и беззаконникъ фактически не возможны безъ раннѣйшаго восторжествованія евангельской истины, хранимой, возвѣщаемой и насаждаемой Апостолами и преемниками ихъ спасительнаго служенія. Въ этомъ соотвѣтствіи и безспорная порука представленнаго пониманія. Оно оправдываетъ само себя, ибо защищаетъ логически несомнѣнный тезисъ, что ἀποστασία устраняется своимъ отрицаніемъ, которое тожественно Евангелію, разъ тамъ отвергается именно послѣднее. Отсюда и въ результатахъ получается совершенная гармонія. Въ благовѣстіи Христовомъ содержится вѣчный источникъ всеобщаго избавленія. Естественно, что гибель будетъ заключаться въ его попраніи и самая пагуба поражаетъ единственно безбожныхъ противниковъ. Такъ мы и видимъ, что обольщеніе знаменій и чудесъ ложныхъ простирается у Апостола на однихъ невѣровавшихъ и потому погибающихъ, *зане любве истины не пріяша, во еже спастися имъ* (2 Θесс. II, 9—10). Тутъ всецѣло соблюдаются всѣ священныя требованія законной морали, ибо сатанинское коварство, конечно, весьма могущественно, но вліяніе его не безусловно непреодолимо и дѣйствуетъ уже на готовой почвѣ человѣческаго извращенія и грѣховной нетерпимости ко всякому добру.

Апостольская картина послѣднихъ временъ исчерпывается немногими существенными элементами объ отпаденіи міра отъ Евангелія по возобладаніи его во вселенной, а все это въ полной мѣрѣ дано въ ученіи Христовомъ. Отсюда открывается внутреннее согласіе наставленія апостольскаго съ пророческими предреченіями Господа, поскольку Онъ уже намѣтилъ всѣ главнѣйшіе моменты оскудѣнія вѣры и любви въ человѣчествѣ послѣ всемірной проповѣди и передъ скорбію «дней тѣхъ». Отъ этого пріобрѣтаетъ аналогичный авторитетъ и апо-

стольское слово. Должно, однако, замѣтить, что всецѣлаго тожества не находится, но изображеніе Христово служитъ какъ бы фономъ для апостольскаго, гдѣ общія очертанія пріобрѣтаютъ конкретную законченность въ отдѣльныхъ фигурахъ, обрисованныхъ съ поразительною выпуклостію. Въ такомъ случаѣ здѣсь не простая литературно-поэтическая дедукція, поелику необходимо напередъ знать все положеніе, чтобы въ широкихъ и неясныхъ штрихахъ усмотрѣть типическія личности со строго индивидуальными качествами при всей ихъ необычайности. Особенно это нужно сказать о центральной изъ нихъ въ человѣкѣ беззаконія, который возстаетъ для насъ во всей демонической реальности только подъ живописующимъ перомъ Павловымъ. Слѣдовательно, предъ нами не логическія построенія и произвольныя наслоенія, а новые матеріалы равнаго достоинства, такъ какъ своимъ принципіальнымъ согласіемъ съ предвѣщаніями Христовыми они возводятся къ санкціонирующему авторитету Божественнаго Сына (ср. *І. В. Борковъ*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа, стр. 242 сл.). Тогда неотразимо, что дополнительнымъ источникомъ апокалиптически-эсхатологическихъ созерцаній и сообщеній св. Павла могло быть лишь особое откровеніе Божіе, почему всякія другія пособія дозволительны собственно по отношенію къ формѣ.

Своимъ положительнымъ освѣщеніемъ обсуждаемаго апокалиптическаго отдѣла мы создаемъ объективные критеріи, обязательные для принципіальнаго его пониманія. Прежде всего оказывается, что парусійныя чаянія развивались изъ христіанскихъ началъ и въ дальнѣйшемъ примѣненіи повлекли эсхатологическія смуты. Первоначальная напряженность страстной надежды постепенно проникалась настроеніемъ достаточности имѣемаго по тому естественному чувству, что если ожидаемое не даруется, то оно уже есть въ наличности, ибо необходимо для самаго бытія. Такой скачекъ былъ слишкомъ поспѣшенъ, поскольку фактически слѣдовало, что грядущее надо самимъ приготовлять собственными усиліями соотвѣтственнаго преображенія. Тѣмъ не менѣе подобный переходъ вполнѣ натураленъ по самой преувеличенности парусійнаго состоянія, которое—при отсутствіи опыта—впадало въ непосредственную крайность, что столь желаемое находится реально. При этомъ человѣкъ остался съ рессурсами однихъ горячихъ упованій безъ собственныхъ спасительныхъ пріобрѣтеній. Не-

удивительно, что въ христіанской средѣ зародилась инстинктивная безпомощность, а вмѣстѣ съ нею восторженная радостность стала смѣняться боязливою смятенностію, при чемъ день воздаянія обрисовывался уже со своей грозной стороны правосуднаго воздаянія и личной отвѣтственности передъ нимъ [1]). Въ этомъ отношеніи Θессалоникійское осложненіе не требуетъ внѣшнихъ вліяній по своему происхожденію и коренному содержанію. Но въ такомъ случаѣ и разрѣшеніе для него должно было отыскиваться въ собственномъ кругѣ независимыхъ христіанскихъ воззрѣній. Внимательное разсмотрѣніе текста съ несомнѣнностію убѣждаетъ въ этомъ, поскольку всѣ кардинальные элементы апокалиптической конценціи носятъ чисто христіанскій характеръ и утверждаются на эсхатологическихъ предреченіяхъ Господа. Все сводится къ тому, что предъ вторымъ пришествіемъ будетъ ужасная религіозно-моральная анархія, но ея пока нѣтъ, а напередъ необходимо повсюдное распространеніе Евангелія, которое своимъ верховенствомъ держитъ людей въ законѣ Божіемъ и мѣшаетъ взрыву революціоннаго безбожія. Всѣ эти слагаемыя достаточно базируются на словахъ Спасителя и прямо вытекаютъ изъ христіанскихъ началъ, поелику ими принципіально предусматривается, что величайшее благо вызываетъ жестокое ополченіе зла, но восторжествуетъ надъ нимъ окончательно и потомъ воцарится вседержавно. Значитъ, здѣсь опять господствуютъ всецѣло христіанскія самобытныя созерцанія, не допускающія сторонняго обусловливающаго участія—по ненадобности въ немъ. Этимъ точно очерчиваются подлинныя границы для всякихъ чуждыхъ пособій, которыя могли имѣть больше внѣшнее вліяніе на побочныя обстоятельства и частныя конкретныя подробности, когда культивировали въ христіанахъ спеціальную парусійную чувствительность, давали ей извѣстныя формы выраженія и традиціонно подготовляли конкретные образы воспріятія и назиданія. Посему и привлеченіе этихъ средствъ способно сообщить реалистическую наглядность, ничуть не затрогивая идейной сущности и не поднимая ея догматической важности.

[1]) Ср. отвѣтъ (апокрифическій) св. Апостола Павла Коринѳянамъ (въ Климентинахъ) III, 2—3 у Prof. *Léon Vouaux*, Les actes de Paul et ses lettres apocryphes (Paris 1913), p. 256: „я не удивляюсь распространенію ученій лукаваго [δόγματα τοῦ πονηροῦ], потому что скоро придетъ Господь мой Іисусъ Христосъ, не могущій дольше переносить извращающихъ Его ученіе“.

V.

Общія заключительныя замѣчанія по поводу книги проф. о. Вл. Н. Страхова.

Только при указанныхъ принципіальныхъ предпосылкахъ получаютъ истинное примѣненіе всѣ разнородные и многочисленные матеріалы, которые въ спеціальной экзегетической работѣ дороги уже не самымъ своимъ количествомъ, а плодотворнымъ использованіемъ. Въ этомъ пунктѣ мы послѣ длиннаго экскурса возвращаемся къ книгѣ о. Вл. Н. Страхова не съ отвлеченнымъ словомъ критическаго осужденія, но съ научнымъ обязательствомъ оцѣнки ея по такой неотмѣнной нормѣ. И вотъ тутъ мы должны прямо сказать, что настоящій трудъ не удовлетворяетъ ей вполнѣ. Въ немъ нѣтъ заранѣе приспособленной экзегетической почвы, и авторъ напередъ излагаетъ и обозрѣваетъ всѣ апокалиптическія реконструкціи помимо экзегетическихъ потребностей и теоретическихъ нуждъ. Это вообще неудобно, какъ дезорганизующее предвосхищеніе естественнаго порядка, когда неизбѣжны взаимныя апелляціи отъ раннѣйшаго къ позднѣйшему и vice versa. Въ частности же всѣ эсхатологическія свѣдѣнія и теоріи оказываются въ совершенно внѣшней связи съ трактуемымъ предметомъ и не служатъ прямымъ его пользамъ. И чѣмъ ихъ больше, тѣмъ они сильнѣе подавляютъ главное, заслоняютъ его и отвлекаютъ вниманіе, лишая его сосредоточенности, прозорливости, остроты и отчетливости. Получается впечатлѣніе слишкомъ сложное и разнородное, а потому разсѣянное и поверхностное.

Тѣневая сторона сочиненія состоитъ въ отсутствіи надлежащей концентраціи всѣхъ данныхъ, но отсюда съ неотразимостію очевидно, что это происходитъ не отъ недостатка ихъ, но отъ полноты. Такъ сами собою выдвигаются въ анализируемомъ трудѣ его несомнѣнныя научныя достоинства. Одно изъ нихъ ясно изъ ближайшей связи и является самымъ главнымъ въ книгѣ. Оно состоитъ въ богатствѣ матеріаловъ, которые относятся ко всѣмъ существеннымъ вопросамъ и собраны съ усердною тщательностію, почему еще разъ нельзя не пожалѣть, что не утилизированы іудейскіе апокрифически-апокалиптическіе памятники, и въ области іудейства свѣдѣнія скудны и смутны [1]). Во всемъ остальномъ усматривается пред-

[1]) Это приложимо и къ случайнымъ упоминаніямъ „Симона Варкохебы“, яко бы кончавшаго рядъ іудейскихъ Лжемессій (стр. 236),

метное обиліе,—и моральныя заслуги автора значительно возвышаются отъ того, что дѣло идетъ о самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ и дисциплинахъ. Разумѣется, напрасно претендовать и нельзя быть всестороннимъ спеціалистомъ, но о. Вл. Н. Страховъ старался все важнѣйшее и непосредственно нужное провѣрить по источникамъ, допуская въ частностяхъ позаимствованныя и недосмотрѣнныя общности [1]) и неточности [2]), или позволяя себѣ вольности въ переводахъ (напр., на стр. 181 principis satanae «главнаго сатаны» вм. «князя сатаны», на стр. 182 «тартаръ» вм. «татаринъ») и т. п. Съ этой стороны настоящая книга имѣетъ большую матеріальную цѣнность и является для русской литературы полезнымъ пріобрѣтеніемъ, которое многимъ послужитъ въ научныхъ разысканіяхъ.

Отсюда вытекаетъ, что привлечена была къ дѣлу и обширная литература, а это тѣмъ похвальнѣе, что она даже въ комментаріяхъ слишкомъ огромна,—«unexpectedly numerous» по выраженію J. Ev. Frame'a (p. 59). Авторъ не теряется въ этой многочисленности и не подавляется ею, а старается вездѣ обезпечить себѣ прочность оцѣнкою своихъ пособій, хотя не всегда убидительной и серьезной. Такъ, «святоотеческія толкованія» превозносятся тѣмъ (стр. VI), что «экзегезисъ отцовъ и учителей Церкви богатъ свѣжими воспоминаніями объ апостольскомъ времени, а у нѣкоторыхъ кромѣ того соединялся съ природнымъ знаніемъ того языка, на которомъ написаны

чего совсѣмъ нельзя сказать о „Баркохбѣ", а равно „Симона Варъ-Іоры", для каковой формы о. Вл. Н. Страховъ ссылается на Іосифа Флавія (стр. 246), между тѣмъ Βαργιωρᾶς, Bargiora встрѣчаются лишь у Діона Кассія (LXVI, 7) и Тацита (Hist. V, 12), когда іудейскій историкъ постоянно пишетъ υἱὸς Γιώρα.

[1]) Такъ, въ рѣчи о посланіи Варнавы по соотношенію съ 2 Θесс., яко бы позднѣйшимъ, приводится мнѣніе Рауха (стр. 59)—безъ всякаго указанія, что разумѣется (SS. 458—459) Pfarrer *Chr. Rauch*'s Zum zweiten Thessalonicherbrief въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie" 1895, 3, S. 451—465.

[2]) На стр. 208 говорится, что объявившійся въ 69 г. Іженеронъ „скоро былъ побѣжденъ и обезглавленъ правителемъ Галатіи, Аспреной", для чего дана даже ссылка на *Dionis Cassii* Hist. Rom. 64, 9, но у послѣдняго названъ лишь ὁ Καλπούρνιος (см. Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt ed. Ursulus Philippus Boissevain, Berolini 1901, p. 108) и только у Тацита упоминается (Hist. II, 9), что „Гальба назначилъ въ управленіе Кальпурнію Аспренату (Calpurnius Asprenas) провинціи Галатію и Памфилію". См. и выше стр. 76.

новозавѣтныя священныя книги и который мы изучаемъ болѣе или менѣе искусственно» (?!). Но по первому пункту мы скорѣе находимъ обратное въ скудости дополнительныхъ данныхъ, по второму же, настойчиво повторяемому у о. Вл. Н. Страхова (стр. 163 — 164), самъ онъ, пожалуй, больше расходится, чѣмъ соглашается съ патристическою филологіей и даже отвергаетъ ее именно поэтому (ср. стр. 374 объ ορθογραφίи III, 12). И въ принципѣ подобное отношеніе вѣрно, поскольку здѣсь не научное знаніе языка, а простое природное владѣніе имъ, которое само по себѣ не создаетъ научной компетентности, подрывая и принижая ее у всѣхъ иноязычныхъ изслѣдователей. И современная научная литература иногда вносится по сомнительнымъ соображеніямъ, если, напр. утилизируется ради того, что это «поучительно въ качествѣ характеристики педантичнаго нѣмецкаго ума и схоластической нѣмецкой учености» (стр. 109). Авторъ напрасно кофузитъ себя, забывая, что его книга не собраніе литературныхъ курьезовъ, которые рисуются ему по той причинѣ, что онъ незаконно принижаетъ и опрощиваетъ требованія испытующей мысли, гдѣ—по силѣ ихъ—все серьезно и важно, почему противное можетъ свидѣтельствовать лишь о недостаточной вдумчивости во всѣ глубины предмета и вызываемые имъ запросы. Не всегда правильна и критическая оцѣнка разныхъ трудовъ, если говорится, что «нѣмецкій комментарій *Борнемана*—самый лучшій и полный изъ всѣхъ существующихъ комментарій (комментаріевъ?) на оба посланія ап. Павла къ Θесс.» (стр. 140,). О. Вл. Н. Страховъ, буквально воспроизводя даже эти слова изъ своего англійскаго пособія (*E. H. Askwith*, An Introduction to the Thessalonian Epistles, p. 106,1: «this is the best and fullest commentary on the Epistles that has yet appeared»), могъ высказывать ихъ лишь по отношенію къ бывшимъ у него подъ руками истолкованіямъ, но и тогда не встрѣтилъ бы общаго согласія. Въ другихъ случаяхъ даются довольно глухія ссылки [1]) и не точныя обозначенія сочиненій [2]).

---

[1]) См. выше на стр. 111,1. На стр. 207,1 слишкомъ глухо цитуется журналъ „Z. f. k. W.“.

[2]) Называются „метрическіе списки Григорія Назіанзина“ (стр. 68), хотя въ цитуемыхъ Твореніяхъ его (3-го изд. ч. V, Москва 1889, стр. 43) нѣтъ такого страннаго обозначенія. Напрасно именуется и „канонъ Моммзеніанскій“ (стр. 67), когда разумѣется изданный † проф. Моммсе-

и авторовъ [1]). Но въ массѣ господствуютъ пунктуальность и обстоятельность, иногда даже излишнія въ библіографическихъ [2]) и біографическихъ справкахъ [3]). Тѣмъ не менѣе безспорно, что о. Вл. Н. Страховъ собралъ и изучилъ обширный циклъ прямыхъ и отдаленныхъ пособій [4]) и поль-

номъ (въ „Hermes“ XXI [1886], 142—156; XXV [1890], 636—637) перечень священныхъ библейскихъ книгъ, гдѣ—при томъ же—сохранилось лишь глухое упоминаніе объ „omnes epistolae Pauli“.

[1]) Если — согласно подлинному нѣмецкому произношенію—авторъ правильно пишетъ (стр. 51) *Лауренть* (Laurent), то онъ по тому же основанію долженъ былъ принять *Бўссетъ* (Bousset) вм. всячески невозможнаго „Буссэ“ (стр. 93, 102, 201, 206, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233) и—*Вейцсе́ккеръ* (Weizsäcker) вм. „Вейцзэккеръ“ (стр. 100, 204). „Шпитта“ (стр. 100, 120—123, 201, 258) возможно для Spitta лишь по южно-нѣмецки, но онъ Ганноверецъ и потому *Спитта*, какъ Holsten не „Гольштенъ“, а именно *Гольстенъ* (стр. 99), ибо это Мекленбуржецъ. „Треджеллесъ“ (стр. 298, 339) совсѣмъ невѣрно для фамиліи англійскаго издателя греческаго Новаго Завѣта, квакера Tregelles, имѣющаго русскій фонетическій эквивалентъ въ *Трегеллесъ*. Не только голландцы *van der Vis* (=*ванъ-деръ-Висъ*) и *van Manen* (*ванъ Маненъ*) превратились въ нѣмцевъ „Фанъ-деръ-Фисъ“ (стр. 51, 99) и „Фанъ-Манень“ (стр. 102), но даже извѣстный Берлинскій профессоръ, несчастно погибшій 15 (2) января 1914 г. Hermann Freiherr von Soden, творецъ новѣйшаго критическаго изданія греческаго Новаго Завѣта, получилъ (стр. 99) искаженную голландскую кличку „Фанъ-Соденъ (van Soden)“ вм. *фонъ Зоденъ*. Напрасно также о. Вл. Н. Страховъ пишетъ „Валафридъ Страбо“ (стр. 174, 176, 177). Неудачно взятый у Люнемана и странный (стр. 179,1) „Фаберъ Стапуленсисъ“ есть Jaques Lefevre d'Etaples, † 1536 г.: см. у *Fr. Lichtenberger*, Encyclopédie des sciences religieuses VIII, p. 69—77; *Wetzer* und *Welte's* Kirchenlexikon [2]IV, Sp. 1179—1182; Prof. *Michael Buchberger*, Kirchliches Handlexikon I (München 1907), Sp. 1413; The Catholic Encyclopedia IX, p. 114—115; *H. Holtzmann* und *R. Zöpffel*, Lexikon für Theologie und Kirche [2]I (Braunschweig 1888), S. 258.

[2]) Это относится къ замѣчаніямъ (стр. 51,2) объ экзегетическихъ трудахъ Hugo Grotius, т.-е. голландскаго государственнаго дѣятеля и богослова Hugo de Groot (род. 1583, IV, 10, † 1645, VIII, 28). Тоже вѣрно и для „Гаммонда“ на стр. 187,3.

[3]) Однако совершенно непонятно, почему совсѣмъ опущена диссертація (нынѣ проф. и свящ.) *І. В. Боркова*, О знаменіяхъ второго пришествія Господа Іисуса Христа по Евангелію и Посланіямъ св. Апостоловъ (Казань 1906), когда здѣсь вся вторая часть болѣе всего посвящена 2 Θесс., между тѣмъ слѣдовало бы привлечь и трудъ *С. Савинскаго*, Эсхатологическая бесѣда Христа Спасителя (о послѣднихъ судьбахъ міра), Кіевъ 1906.

[4]) Имѣемъ въ виду справки объ *Амвросіастѣ* (стр. 150,1), въ которомъ съ вѣроятностію усматривался „іудей Исаакъ“ (sic!), но потомъ самъ

зуется ими съ разсудительною осмотрительностію, хотя иногда неосновательно подражаетъ имъ даже во внѣшнихъ пріемахъ [1]).

Все направлялось къ подысканію обильныхъ и наилучшихъ свѣдѣній для наиболѣе отчетливаго и всесторонняго освѣщенія собственныхъ проблеммъ изслѣдованія. Приходилось извлекать только пригодное и все подвергать тщательному критическому испытанію по масштабу соотвѣтствія своимъ задачамъ и научному объективизму. Въ этомъ смыслѣ автору неотлучно сопутствуетъ постоянная критика, но для дальнѣйшаго успѣха сама она должна быть спокойной и безпристрастной. Это условіе соблюдается въ достаточной мѣрѣ, хотя требовалось бы болѣе вникать въ историческія основы происхожденія разныхъ отрицательныхъ мнѣній и теорій и точнѣе излагать внутреннія ихъ самооправданія. Безъ этого они не всегда вѣрно рисуются неимѣющими почвы и внутренней со-

---

Морина [Морэнъ?] „болѣе расположился видѣть въ немъ уважаемаго міряннна *Гиларія*“ [Иларія?]. Къ 1911 г. все это могло быть и точнѣе и обстоятельнѣе, а—главное—гораздо больше пользы было бы, еслибы о. Вл. Н. Страховъ познакомился и освѣдомилъ насчетъ разумѣемаго труда со стороны его общей важности и характера представляемаго имъ апостольскаго текста (ср. у Prof. *George Milligan*, p. XCIX, CIV), для чего и тогда имѣлись спеціальныя изслѣдованія, напр., Prof. *Alexander Souter*'а (A Study of Ambrasiaster въ „Texts and Studies“ VII, 4, Cambridge 1905, а къ сему ср. Prof. *Kirsopp Lake* въ „Review of Theology and Philosophy“ II [1906—1907], p. 620 sqq.), которымъ доставлены провѣренныя цитаты отсюда для *J. Ev. Frame*'а (p. 58). Теперь см. для Амвросіаста еще *G. Morin*, Qui est l'Ambrosiaster? Solution nouvelle въ „Revue Bénédictine“ XXXI (1913), 1, p. 1—34, что это есть Евагрій, переводчикъ Vita Antonii; *A. Souter*, The Identity of „Ambrosiaster“: a Fresh Suggetion въ „The Expositor“ 1914, III, p. 22—232 и ср. „Biblische Zeitschrift“ XII (1914), 2, S. 183.

[1]) Такъ, напр., англійское изданіе (греко-) латинскихъ комментаріевъ Ѳеодора Мопс. цитуется (стр. 167—168) по „s“ (Seiten) и даже (167) „s. 51. Anmerk“, какъ для латинскаго Тацита дается (стр. 208,1) „s. 153 f.“, а при библейскихъ текстахъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ для „слѣдующихъ“ стиховъ и под. систематически употребляются нѣмецкія сокращенія „f.“ или „ff.“ (см. стр. 4, 9, 11, 39, 43, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 58, 81, 83, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 97, 102, 110, 111, 116, 121, 125, 129, 130, 132, 133, 143, 147, 158, 159, 161, 163, 167, 181, 182, 203, 214, 215, 220, 222, 223, 224, 237, 242, 247, 250, 251, 255, 260, 269, 270, 280, 281, 285, 290, 293, 294, 297, 298, 299, 300, 304, 307, 311, 313, 316, 319, 320, 321, 322, 330, 332, 333, 344, 347, 349, 355, 357, 358, 359, 362, 364, 369, 371, 372, 383, 384—386, 389, 390).

стоятельности, а оцѣнка получается односторонняя и неубѣдительная. Такъ, о. Вл. Н. Страховъ возражаетъ (стр. 206): «Если τὸ κατέχον обозначаетъ римскій государственный строй и ὁ κατέχων—его представителя, римскаго императора, какъ это признаютъ и нѣкоторые представители современно-историческаго толкованія, то какимъ образомъ римское царство можетъ быть царствомъ антихриста и отдѣльный представитель этого царства—самимъ антихристомъ?... Одно исключаетъ другое». Послѣднее очевидно вовсе не только для нашего автора, и защитники (далеко не всегда раціоналистическіе, напр., Prof. D. Dr. *Paul Feine*, Einleitung in das Neue Testament, S. 19) опровергаемыхъ взглядовъ давно предвидѣли это, устранивъ возможныя самопротиворѣчія разными способами—въ родѣ того, что въ христіанскихъ воззрѣніяхъ на римскую власть произошла эволюція, когда первоначальное благопріятное сужденіе смѣнилось обратнымъ подъ вліяніемъ горькаго опыта правительственныхъ притѣсненій. Но такіе примѣры полемическихъ дефектовъ не заслоняютъ общаго впечатлѣнія, что критика руководится научными побужденіями и преслѣдуетъ совершенно объективныя цѣли. Если не всегда мотивировано экзегетическими нуждами самой работы привлеченіе подобныхъ матерій, то вездѣ онѣ разсматриваются трезво и спокойно. Посему всюду получаются тѣ или иные научные результаты, хотя не во всѣхъ случаяхъ послѣдніе приспособлены къ ближайшимъ интересамъ и сами по себѣ были очень значительны.

Обильный, провѣренный и взвѣшенный матеріалъ долженъ былъ способствовать благополучному теченію научнаго построенія, обезпечивая ему устойчивость и планомѣрность. Естественно, что работа развивается съ методическою постепенностію и обоснованнымъ самообладаніемъ. Авторъ старается держаться твердыхъ фактовъ и испытанныхъ взглядовъ, не отклоняясь отъ ихъ размѣровъ и силы. Тонъ сдержанной,—даже холодной, — разсудительности проникаетъ все сочиненіе, которое чуждо увлеченій и далеко отъ всякихъ крайностей. Лишь изрѣдка проскальзываетъ струя напрасной гипотетичности, когда авторъ высчитываетъ для пребыванія Апостола въ Ѳессалоникѣ срокъ «не менѣе 4 недѣль» (стр. 9), между тѣмъ ожидается «болѣе», если за это время Филиппійцы дважды помогли благовѣстнику (стр. 9), а онъ проповѣдывалъ преимущественно язычникамъ (ср. стр. 7), которые

тоже усердно занимались ветхозавѣтными писаніями (стр. 10); фантастична догадка, что обратившіяся Ѳессалоникійскія женщины были жены политарховъ и сомнительны голыя сопоставленія насчетъ Іасона (стр. 14, 1. 2); ненужная для дѣла замѣтка, что св. Павелъ «диктовалъ свои посланія и чаще всего Тимоѳею» (стр. 85) тѣмъ неумѣстнѣе, что послѣдній выдвигается иногда въ качествѣ истиннаго автора 2 Ѳесс. (см. стр. 100, 120, 123, 222). Но и въ этихъ исключеніяхъ сказывается скорѣе не столько собственная склонность, сколько научная подражательность, чтобы констатировать или предусмотрѣть всѣ возможности.

Серьезному содержанію достаточно соотвѣтствуетъ и самое изложеніе своею спокойною уравновѣшенностію. Авторъ не рѣдко выражается съ расплывчивою обоюдностію и не даетъ вычеканенныхъ точныхъ формулъ, категорическихъ и ясныхъ, но это зависитъ уже отъ колебанія мысли, а не отъ свойствъ языка, который не страдаетъ особыми недостатками — за небольшими изъятіями нѣкотораго пристрастія къ иностранной терминологіи [1]) и разныхъ неудачныхъ оборотовъ [2]). Вообще тщательно изданное сочиненіе [3]) написано просто, литературно и легко.

---

[1]) Кромѣ „ситуаціи“ (см. выше на стр. 5), можно для примѣра упомянуть еще, напр., о „диспозиціи“ (стр. 29).

[2]) См. для сего стр. VI, 4 (Павелъ и Силуанъ „лидеры новаго религіознаго движенія“; первый „любилъ Тимоѳея... за честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ“), 5 (Филиппы—„извѣстный золотопромышленный городъ“), 6 (о миссіонерскихъ „станціяхъ“), 7 („*среди* римскихъ колонистовъ и грековъ въ Ѳессалоникѣ было очень много евреевъ“, хотя „большинство Ѳессалоникійскаго населенія состояло изъ язычниковъ“), 21 („*совращенная*“ Апостолами „община“ Ѳессалоникійская), 27 („опасаясь дальнѣйшаго *обмана*“), 31 („такое посланіе, какъ второе посланіе къ Ѳессалоникійцамъ, не можетъ быть простымъ упражненіемъ въ Павловомъ стилѣ“), 48 („*побѣгъ* проповѣдниковъ Евангелія“), 49 (2 Ѳесс. „было бы ложно и непонятно“), 56—57 (вся рѣчь о Маркіонѣ оставляетъ впечатлѣніе запутаннаго копированія), 60 (въ Διδαχή „ссылка“ на 2 Ѳесс.), 62 („достовѣрныя ссылки“ у св. Іустина). На стр. 32 читаемъ, что во 2 Ѳесс. есть „опредѣленное указаніе на предметы, *благодаря* которымъ возникало это возбужденіе“, но самъ о. Вл. Н. Страховъ всего менѣе считаетъ ихъ достойными „благодарности“.

[3]) Однако, кромѣ старательно отмѣченныхъ опечатокъ, иногда совсѣмъ мелочныхъ, осталось еще нѣсколько несомнѣнныхъ или вѣроятныхъ, напр., стр. 201 „отъ библейскаго внѣбиблейскаго ученій“ съ пропускомъ „и“; стр. 203 „*Среднюю* Азію“, повидимому, вм. „*Переднюю*“; см. и выше на стр. 54.

Въ цѣломъ «исагогико-экзегетическое изслѣдованіе» проф. свящ Вл. Н. Страхова о 2 Θесс. богато по содержанію и по обширности послѣдняго является полезнымъ пріобрѣтеніемъ для всей русской богословской науки.

Н. Глубоковскій.

Спб. 1914, I, 10 (пятница).
Петроградъ 1915, VI, 18 (пятница).

Содержаніе. I. О трудности и важности работы (стр. 3—4).—Исагогическія свѣдѣнія (стр. 5—11), спеціально—о „письмѣ Павловомъ“ (II, 2) у Ѳессалоникійцевъ (стр. 11—23) и о взаимоотношеніяхъ 1 и 2 Ѳесс. хронологически и филологически (стр. 23—37). II. Текстуально-критическіе вопросы и—о значеніи славянскаго перевода (стр. 38—45).—Филологическіе пріемы (стр. 45—49) и экзегетическія примѣненія (стр. 49—60). III. Библейско-богословскія построенія, особенно—эсхатологическія (стр. 60—78). IV. Вопросъ о „парусіи“ у первохристіанъ и ученіе о послѣднихъ временахъ во 2 Ѳесс. II (стр. 79).—1. Парусійныя ожиданія по происхожденію и значенію (стр. 79—86); ихъ вліяніе среди Ѳессалоникійцевъ (стр. 86—90).—2. Пророческій характеръ 2 Ѳесс. II (стр. 90—94) и экзегетическое истолкованіе свидѣтельствъ объ „отступленіи“ (стр. 94—98) и „человѣкѣ беззаконія“ (стр. 98—102), о τὸ κατέχον и ὁ κατέχων (стр. 103—109). V. Общія заключительныя замѣчанія по поводу книги проф. о. Вл. Н. Страхова (стр. 110—117).

Библиотека

У автора (Петроградъ, Невскій просп. 180, кв. 5), въ конторѣ „Христіанскаго Чтенія“ (Петроградъ, Херсонская ул. 8, кв. 8) и въ книжныхъ магазинахъ И. Л. Тузова (Петроградъ, Гостиный дворъ по Садовой ул., № 45), „Новаго Времени“ и др. можно пріобрѣтать слѣдующія сочиненія и изданія ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи

НИКОЛАЯ НИКАНОРОВИЧА ГЛУБОКОВСКАГО:

1) **Блаж. Ѳеодоритъ**, епископъ Киррскій, въ 2-хъ томахъ; I: его жизнь и II: литературная дѣятельность (съ обозрѣніемъ времени и событій 3-го, 4-го и 5-го вселенскихъ соборовъ, съ разсмотрѣніемъ раскольническаго „Ѳеодоритова слова“ и пр.). Москва 1890. *Магистерская* диссертація, удостоенная Св. Сунодомъ и *полной* Макаріевской преміи. Цѣна: I т. 3 руб., перес. 40 к., II т. 4 р., перес. 45 к., за оба тома 7 р. съ перес.

2) **Историческое положеніе и значеніе личности блаж. Ѳеодорита, епископа Киррскаго.** Рѣчь и библіографическій указатель новѣйшей литературы о блаж. Ѳеодоритѣ. Спб. 1911. Цѣна 50 коп. съ перес.

3) **Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу.**

Книга вторая: „Евангеліе“ св. Апостола Павла и теософія Филона, книга Премудрости Соломоновой, эллинизмъ и римское право. Заключеніе. Спб. 1910. Страницъ 1—1307. Цѣна 6 р. съ перес.

Книга третья: Божественность „Евангелія“ Павлова и методъ обоснованія сего въ наслѣдованіи о немъ. Дополненія и Указатель содержанія первыхъ двухъ книгъ. Спб. 1912. Цѣна 2 руб. съ перес.

4) **По вопросамъ духовной школы** (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Св. Сунодѣ. Спб. 1907. Цѣна 1 р., перес. 20 коп.

5) **Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря** о. В.-М. Попова (съ 5 гравюрами). Спб. 1902. Цѣна 70 коп., перес. 20 коп.

6) **Моломская Михайло-Архангельская церковь** Вологодской губ., Никольскаго уѣзда (1889—1904 г.г.). Съ 3 портр. и 7 снимк. Спб. 1904. Ц. 50 к., перес. 20 к.

7) **Дорогой памяти неутомимаго искателя правды**—писателя и изобрѣтателя врача Матвѣя Никаноровича Глубоковскаго († 1903, XII, 11), съ портретомъ его. Спб. 1904. Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.

8) **Банкалаврь С.-Петербургской Духовной Академіи:** Іеромонахъ Серафимъ Азбукинъ (1822—1824 г.г.) и іеромонахъ Мартирій Горбачевичъ (1831 г.). Отпискъ. Спб. 1909. Цѣна 40 коп. съ пер.

9) **Хронологія Ветхаго и Новаго Завѣта.** Переводъ. Кіевъ 1911. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

10) **По вопросу о „правѣ“ евреевъ именоваться христіанскими именами.** Трактатъ и историческая справка. Спб. 1911. Цѣна 1 р. съ перес.

11) **О Квириніевой переписи по связи ея съ рождествомъ Христовымъ.** Кіевъ 1913. Цѣна 60 коп. съ перес.

12) **Православіе по его существу.** Спб. 1914. Цѣна 35 коп. съ перес.

13) **Библейскій греческій языкъ въ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта.** Переводъ. Кіевъ 1914. Цѣна 1 руб. съ пер.

14) **Письма** архіепископа (Рязанскаго, † 11 ноября 1863 г.) **Смарагда** (Крыжановскаго) **къ архимандриту Іерофею** (Добрицкому, † 30 ноября 1882 г.) изъ Орла, С.-Петербурга и Рязани. Спб. 1911. Цѣна 1 р. 50 коп. съ перес.

15) **Изъ переписки архіепископа** († 1863, XI, 11) **Смарагда Крыжановскаго:** 24 письма къ С. І. Трубицыной и одно къ В. Н. Юрасовской. Москва 1913. Цѣна 50 коп. съ перес.

16) **За тридцать лѣтъ (1884—1914 г.г.):** къ столѣтнему юбилею Императорской Московской Духовной Академіи (1 октября 1914 г.). Москва 1914. Цѣна 50 к. съ перес.

17) **Ходатай Новаго Завѣта.** Экзегетическій анализъ Евр. I, 1—5. Сергіевъ Посадъ 1915. Цѣна 50 к. съ перес.

18) **Христосъ и Ангелы.** Экзегетическій анализъ Евр. I, 6—14. Петроградъ 1915. Цѣна 50 к. съ перес.

19) **О второмъ посланіи св. Апостола Павла къ Ѳессалоникійцамъ.** Петроградъ 1915. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пер.

20) **Греческій языкъ Новаго Завѣта въ свѣтѣ современнаго языкознанія.** Переводъ. Петроградъ 1915. Цѣна 50 коп. съ пер.